

**С.А. ДАНИЛЬЧЕНКО
Р.В. КАДЫРОВ
В.Е. КУЛЕШОВ**

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЮ НА ВОЙНЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТИХООКЕАНСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИНСТИТУТ
имени С.О. МАКАРОВА

С.А. ДАНИЛЬЧЕНКО
Р.В. КАДЫРОВ
В.Е. КУЛЕШОВ

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЮ НА ВОЙНЕ

Монография

Владивосток – 2007

Данильченко С.А. Отношение к смерти и бессмертию на войне: монография / С.А. Данильченко, Р.В.Кадыров, В.Е. Кулешов. – Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2007. – 113 с.

Предлагаемая вашему вниманию книга написана полковником С.А. Данильченко, кандидатом философских наук, доцентом, воевавшим в Афганистане; подполковником Р.В. Кадыровым, кандидатом психологических наук, воевавшим в Чечне; капитаном 1 ранга запаса В.Е. Кулешовым, доктором философских наук, профессором, служившим на кораблях разведки и стратегических подводных лодках.

В книге исследуется отношение человека к смерти и бессмертию, влияние понимания этой проблемы на морально-боевые качества профессионального воина и его поведение в бою. В контексте раскрытия темы рассмотрены особенности повседневной и боевой деятельности офицера, диалектические аспекты взаимосвязи смысла жизни и долга человека, предложены основные направления деятельности по уменьшению расхождения между смысложизненными ценностями индивида и требованиями военной службы в современных условиях.

Рецензенты: д.ф.н, проф. Е.В. Кулебякин, д.и.н., проф. В.Ф. Печерица,
к.и.н. Г.А. Ткачева.

© ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2007

© **С.А. Данильченко, Р.В. Кадыров,
В.Е. Кулешов, 2007**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сколько существуют государства на Земле, столько существуют войны между ними. Можно согласиться с мнением, что история человечества – это история войн. Военная сила всегда признавалась решающим аргументом в международных отношениях. И в настоящее время ситуация на этом проблемном поле не меняется, о чем свидетельствуют размеры военных бюджетов государств и вполне соответствующее им влияние той или иной страны на ситуацию в мире.

Поэтому «человек в погонах» и объективные требования, которые предъявляют к его личностным качествам условия современного боя, представляют собой тему, отнюдь не утратившую своей научной актуальности. Более того, интерес к человеческому фактору в военной сфере в настоящее время возрастает в связи с тенденцией профессионализации армий. Приоритетными становятся не количественные, а качественные характеристики «живой силы» армии. Важнейшей из таких характеристик является готовность воина пожертвовать собственной жизнью на поле боя. Во все времена эта готовность поддерживалась, с одной стороны, доступной солдатскому уму идеологией, а с другой – неукоснительной силой государственного принуждения, которое не оставляло выбора.

Современный профессионал, в связи с усложнением используемой материальной части, должен быть не просто исполнителем, а прежде всего творческой личностью, способной принимать нестандартные решения на основе технико-тактической эрудиции и высокого интеллектуального потенциала. А интеллектуальный потенциал и творчество, став личностными характеристиками, направляются не только на внешние объекты, но и на собственную жизнь, судьбу, предназначение. Из такого человека труднее или невозможно сделать идеологическую (религиозную) марионетку. Он знает ценность жизни, самостоятельно ставит и пытается решать смысло-жизненные вопросы и при этом должен быть готов рисковать жизнью и перспективу гибели на войне воспринимать относительно спокойно, без паники. В противном случае офицер не сможет адекватно реагировать на изменения обстановки и оперативно принимать соответствующие решения. А это – поражение и неоправданные людские потери.

В связи с этим возникает ряд проблемных вопросов, ответы на которые требуют психологического и философского обоснования.

Какими же личностными чертами и морально-боевыми качествами должен обладать современный офицер? Каковы его основные функции в боевой обстановке? Что в духовном мире профессионального военнослужащего формируется в процессе учебы, затем повседневной служебной деятельности и что – с приобретением боевого опыта? Можно ли современному психически здоровому человеку не бояться смерти? Если можно, то почему? По причине религиозного фанатизма или более изощренного идеологического оболванивания? Есть ли предельные дискурсивно неопровержимые основания, которые объективно и субъективно обосновывают и оправдывают выбор военной профессии, а значит – готовность к смерти на поле боя? Какие это основания? Как соотносится самопожертвование воина с пониманием смысла жизни и с бессмертием?

Поиску ответов на эти и связанные с ними вопросы и посвящена настоящая работа. Ее структура определена логикой решения необходимых исследовательских задач. Первая глава «Влияние боевых действий на личностные особенности профессиональных военнослужащих» представляет своеобразный теоретический и эмпирический фундамент для последующего социально-философского анализа. Ее основные положения и выводы основаны на психологических исследованиях репрезентативной

группы офицеров, участвовавших в боевых действиях в Чечне. Во второй главе рассматривается проблема понимания человеком смерти и бессмертия и особенности ее восприятия в условиях боя. Третья глава претендует на доказательство оправдания выполнения воинского долга вплоть до самопожертвования, исходя из личных смысложизненных интересов самого индивида, а также выявляет условия такого оправдания.

Глава 1

ВЛИЯНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1.1. СЛУЖЕБНАЯ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОИНА-ПРОФЕССИОНАЛА

В ходе исторического развития человечества с разделением труда постепенно складывались и оформлялись профессиональные группы людей. В каждой из них индивидов объединяли типичные ситуации, объективированные единым характером и организацией труда, спецификой взаимоотношений друг с другом и с представителями других профессий, а также сходным менталитетом.

Одновременно с закреплением качественной устойчивости профессий в каждой из них формировались определенные нравственные ориентиры, которые в дальнейшем превращались в жесткие требования, установки, наполнявшиеся аксиологическим содержанием и принимающие значение критериев профессиональной чести. В значительной степени это касалось особых профессий, требующих от человека высоких интеллектуальных способностей и проявления соответствующих духовных и физических качеств, доступных лишь немногим людям.

Еще Платон в свое время отмечал, что из многообразия человеческих потребностей вытекает общественное разделение труда. При этом наличие у большинства населения задатков к тому или иному виду деятельности исключает, по Платону, способности к воинскому мастерству, к управлению и к умственному труду. Толпе (а под толпой Платон подразумевает народ) не присуще философски мыслить и рассуждать. Выделив в государстве два элитных сословия (стражей и философов-правителей), мыслитель подробно описывает не только качества, которыми они должны обладать, но и предлагает программу их воспитания.

С развитием производительных сил и самого человека расширялся круг «особых» профессий, требующих от индивида специфических способностей и качеств. Увеличивались возможности выбора, и одновременно происходило его усложнение. На нынешнем переходном этапе развития нашего общества теоретическое освоение темы профессионального выбора и профессионального долга не успевает за динамикой изменения экономических и политических реалий.

Человек ставит перед собой жизненные цели и задачи, решить которые возможно, как правило, через конкретную профессиональную деятельность. Работа по специальности – это то поприще, на котором индивид имеет максимальные возможности для самоутверждения и реализации своих способностей. Он заинтересован, с одной стороны, проявить через профессию себя, свое «Я», а с другой – гордиться своей принадлежностью к данной профессиональной группе. Не случайно на каждом этапе развития нашего общества в обыденном мнении существовали престижные и непрестижные профессии.

Словарь русского языка определяет профессию как род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования¹. Поэтому в настоящей работе категория деятельности рассматривается прежде всего в увязке с профессией, то есть как профессиональная деятельность. Данной

¹ См.: Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3. – С. 540.

категорией в той или иной степени интересуются все гуманитарные науки. Особое внимание ей уделяет психология. Б.Ф. Ломов отметил, что «...именно анализ деятельности дает нам ключ к пониманию сознания»².

Деятельность определяется как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Всякая деятельность включает в себя цель, средство, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является её осознанность³.

При рассмотрении деятельности исследователи опираются на апробированные методологические принципы.

1. *Принцип единства сознания и деятельности.* Только через деятельность раскрываются объективные закономерности, управляющие развитием психических процессов и состояний, выявляются психические свойства человека.

2. *Принцип единства исторического и логического подходов.* Человек в процессе истории преобразует окружающий мир и, соответственно, изменяется сам.

3. *Принцип единства строения внутренней и внешней сторон деятельности.* Всякая деятельность имеет и внешнее, и внутреннее (внешний и внутренний планы или стороны), и они связаны между собой. При изучении «внешней стороны» деятельности раскрывается ее «внутренняя сторона».

Необходимость целостного изучения деятельности в совокупности ее внешних и внутренних компонентов отмечается многими отечественными психологами (Л.С. Выготским, П.Я. Гальпериным, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном и др.), стремящимися выбрать такую единицу анализа, которая могла бы позволить выявлять целостные свойства активного субъекта, а также реализовать оценочную и прогностическую функции исследования. В качестве единицы анализа А.Н. Леонтьев предлагал действие, П.Я. Гальперин – ориентировочное действие, В.Н. Мясищев – отношение, Д.Н. Узнадзе – установку.

Задача психологического изучения деятельности состоит в том, чтобы показать, как происходит практическое преобразование объективного мира, каков механизм психической регуляции деятельности, как в процессе деятельности изменяется сам человек, как деятельность влияет на развитие возможностей человека, его природу.

Ю.К. Стрелков предлагает и использует четырехчленную схему исследования деятельности: субъект – действие – объект – окружающий мир. Средним членом схемы является действие. Это понятие обладает пространственно-временной определенностью, «...что позволяет субъекту удержать его в сознании как целостный единый акт, как психологическое настоящее. Действие – это единица, в которой соединены внешние исполнительские процессы (движение, речь) с когнитивными процессами»⁴. Но это не значит, что действием можно подменить субъекта. Человек как субъект деятельности в этой схеме является главным. Вместе с тем все составные части должны рассматриваться как единое целое, что позволяет применить эту четырехчленную схему и в нашем исследовании.

С этих же позиций в настоящей работе осуществляется анализ деятельности военнослужащего. Он (**субъект**) является носителем профессионального опыта, который позволяет оценить влияние психологической ситуации и окружающего мира на его состояние, свойства (сознательное и бессознательное в личности) и эффективность его деятельности. Профессиональный опыт офицера всегда рефлексивен, в результате чего

² Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с.

³ См.: Гальзина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний: психологические основы. – М.: МГУ, 1984. – С. 87.

⁴ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. – М., 2001. – С 37.

происходит формирование профессионала. **Действие** позволит рассматривать внешние исполнительские и когнитивные процессы деятельности военнослужащего в экстремальной ситуации в их органической взаимосвязи. **Объект** обеспечивает раскрытие специфики воинской деятельности как определенной психологической динамики, приводящей к конкретным количественным и качественным изменениям. **Окружающий мир** позволяет рассматривать влияние социального окружения, пространства и времени на деятельность (действие) военнослужащего, а также на формирование его личностных особенностей.

Вышеизложенная четырехчленная схема (субъект – действие – объект – окружающий мир) позволит всесторонне исследовать психологическое содержание деятельности и структуру изменения личностных особенностей профессионалов, принимавших участие в боевых действиях. Для целостного анализа одновременно всех вышеизложенных структурных компонентов деятельности, ее внутренних и внешних детерминант необходимо использовать такую категорию, как «ситуация». Жизненный и трудовой процессы легче рассматривать и моделировать, если они разделены на части. Деление на ситуации – один из способов такого квантования.

На сегодняшний день в психологической науке можно выделить три подхода к пониманию ситуации.

1. Ситуация как обстановка, совокупность объективных условий, в которых функционирует какая-либо система, и обстоятельств, определяющих тот или иной характер деятельности (Ф.В. Березин, Ц.П. Короленко, Д.П. Космолинский, В.И. Лебедев, М.П. Мирошников, Е.Д. Соколова и др.). Система внешних по отношению к субъекту условий, побуждает и опосредует его активность.

2. Ситуация как перцептивный конструкт личности (Дж. Форгас, А. Первин, Н.В. Гришина). Человек не отражает бытие, а создает ситуацию в своем сознании.

3. Ситуация как объективно-субъективная реальность (Л. Николов, Т. Шибутани и др.). Ситуацию определяют как результат активного взаимодействия личности и среды.

Разнообразие используемых характеристик ситуации указывает на отсутствие единого тезауруса для описания рассматриваемых ситуаций. Каждый автор акцентирует внимание на отдельных аспектах исследуемого явления. Поэтому имеющиеся точки зрения целесообразно не противопоставлять, а синтезировать, выделяя в каждой из них рациональные зерна. Применительно к военной сфере ситуация представляет собой целостную часть деятельности воина в конкретных условиях, фиксируемых им в течение определенного промежутка времени в ходе выполнения учебной или боевой задачи. Возвращаясь к схеме «субъект – действие – объект – окружающий мир», можно констатировать, что в случае существенного изменения одного из четырех компонентов начинается новая ситуация, характеризующаяся единством и взаимовлиянием перечисленных элементов.

Ситуация может быть повседневной (обычной) или экстремальной. Экстремальная ситуация – это такая, в которой экстремальные факторы действуют во времени и пространстве, имеют определенное значение для личности и субъективно оцениваются ею как необычные, напряженные, трудные. Экстремальная ситуация, связанная с избыточной мотивацией, необходимостью выполнять сложные действия в условиях осознаваемой угрозы (жизни, здоровью, социальному положению личности), вызывает вначале общее снижение физиологических и психологических показателей с последующим их подъемом, свидетельствующим о мобилизации более глубоких слоев резервных возможностей человека. Происходит своеобразная тренировка психики.

Следовательно, определенный уровень экстремальности обязательно должен присутствовать в деятельности, иначе человек не сможет развивать необходимые для профессиональной деятельности психические качества. Направленность и избирательность развития обеспечиваются за счет подбора соответствующих условий и задач деятельности с постепенным наращиванием индивидуально-допустимого уровня их психогенного влияния.

Приведенный теоретический экскурс по проблеме деятельности позволяет перейти к анализу интересующего нас ее конкретного вида – повседневной и боевой **деятельности профессионального военнослужащего**. Исходя из общепринятого понимания профессии, можно вывести основные характеристики (черты) воина-профессионала.

Во-первых, воином-профессионалом может стать и становится только тот военнослужащий, который добровольно избирает военную службу как свою жизненную профессию. Этот выбор осуществляется на всю жизнь или достаточно длительный ее этап.

Во-вторых, профессиональный военнослужащий обладает всеми объективно необходимыми способностями и качествами, позволяющими эффективно выполнять необходимые функции как в повседневной, так и в боевой обстановке.

В-третьих, избранная профессия рассматривается военнослужащим как поприще, на котором он сможет проявить и реализовать свои творческие устремления, способности, таланты. Воин-профессионал имеет положительное ценностное и эмоциональное отношение к своим служебным обязанностям. Они для него – не «каторга», не повинность, не печальная необходимость, продиктованная какими-либо обстоятельствами, а занятие, которое нравится, и сам процесс осуществления которого, а также получаемые результаты приносят удовлетворение. То есть человек находит личный жизненный смысл в служебной деятельности. Он дорожит ею и предпочитает ее другим вариантам жизнеосуществления.

В максимальной степени аутентичными этим характеристикам являются офицеры. Диплом об окончании военного училища, как правило, свидетельствует, что его владелец способен выполнять возлагаемые на него функции и приобретать в дальнейшем необходимые качества воина-профессионала. Этого не случается в двух случаях: 1) если диплом выдан незаслуженно (необъективность оценок или снижение критериев оценок в учебном заведении); 2) если офицер не намерен служить или рассматривает службу как временный эпизод своей жизни, миновать который пока не позволяют обстоятельства. В первом случае человек не может, а во втором – не хочет стать профессиональным военным.

Кроме офицеров профессионалами могут быть прапорщики и мичманы. Профессионализм данной категории военнослужащих формируется в более узком секторе требований к ним по сравнению с офицерским составом. Служебная перспектива офицера, как правило, коррелирует с изменением должностей и званий, а социальный статус прапорщика, мичмана в основном зависит от уровня овладения им избранной специальностью, должностью, от степени «незаменимости» его на конкретном участке деятельности. К сожалению, низкий уровень оплаты воинского труда в настоящее время не создает конкурсного отбора на эти должности. По аналогичной причине сегодня трудно рассчитывать на высокий профессионализм воинов, проходящих службу по контракту на должностях рядовых и младших командиров (их в повседневном общении обычно называют «контрактниками»).

Высокий уровень ответственности и требований как к внешней, так и к внутренней сторонам деятельности воина-профессионала выделяет ее, делает особенной и придает ей статус **долга**.

Необходимо заметить, что в сочетании со словом «долг» принято употреблять наименование не всех, а весьма узкого круга профессий. Так, например, в научной литературе и в повседневной речи не говорят о долге токаря, слесаря, тракториста, бухгалтера., но естественно звучит «долг офицера», «долг врача», «долг ученого». Это, как правило, профессии, отличающиеся от множества других весьма широким диапазоном обязанностей, среди которых имеется ряд специфических, коррелирующих с особыми качествами личности.

Раскрыть особенное в долге профессионального военного – это значит выделить и рассмотреть специфическое внешнее (требования к нему, обязанности) и специфическое внутреннее (интеллектуальные, моральные, психологические и физические качества личности) в их единстве. В единстве, – так как требования должного, не встречающие положительного восприятия и готовности действовать в соответствии с ними, не являются долгом в полном смысле этого слова. Поэтому при формулировке особых признаков профессионального долга воина в интересах анализа мы допускаем, что они являются сущими, что они состоялись.

Рассмотрим наиболее важные, значительные из них.

1. Добровольное, основанное на высоких нравственных качествах личности, принятие ею особых моральных и правовых требований общества и государства по вооруженной защите интересов страны. Стать воином-профессионалом может лишь человек, добровольно избравший военную службу как цель жизни и как средство решения смысложизненных проблем. При этом материальное вознаграждение за службу рассматривается не как цель, а как средство, позволяющее с максимальной эффективностью реализовать общественно значимые индивидуальные возможности. Боеспособные Вооруженные Силы и добросовестная служба воина не могут существовать без таких имманентных сознанию понятий, как Отечество, честь, долг, справедливость.

2. Особым признаком профессионального долга военнослужащего является необходимость постоянной работы с людьми, наличие нужных для этого педагогических качеств. Вся система управления социальными единицами в Вооруженных Силах базируется на их иерархическом распределении и субординационной зависимости друг от друга. Поэтому каждый военнослужащий, за исключением низового звена, непосредственно контактирующего только с материальной частью (оружием и механизмами), управляет и техникой, и людьми одновременно. Необходимость работы с внутренним миром другого человека, умение позитивно влиять на его жизнь и судьбу превращают долг воина-профессионала в особый – гуманный, человеческий – долг.

3. Долг воина-профессионала связан с применением оружия, с необходимостью посылать людей в бой и, в связи с этим, подразумевает моральную ответственность за их жизни. Мы выделяем ее как особенное в долге воина-профессионала, так как командир в условиях боевых действий наделен легитимным правом заставлять подчиненных убивать и посылать их на смерть. Нравственная проблемность военной службы несоизмерима с другими сферами деятельности. Каждый командир берет на себя ответственность за сохранение величайших в мире ценностей – человеческих жизней.

4. Особенными в долге воина-профессионала также являются высокая степень профессионального мастерства и повышенный удельный вес творчества в

служебной деятельности. Профессиональный военный может оставаться истинным профессионалом только постоянно учась и тренируясь. Ограниченное число наиболее вероятных боевых ситуаций моделируется в процессе учебы, и для каждой из них вырабатываются соответствующие алгоритмы действий военнослужащего, которые доводятся тренировками до автоматизма. Но бой, в отличие от любого отработанного производственного процесса, чаще всего протекает не по задуманной схеме: возникают непрогнозируемые уникальные ситуации, на которые нельзя ответить готовой формулой действий. Эта формула также должна быть уникальной.

Поэтому профессионал – это не ретранслятор заложенных в него готовых алгоритмов деятельности, в нем должны быть в максимальной степени развиты творческие начала, позволяющие создавать эти уникальные формулы поступков.

5. Долг воина-профессионала связан с **повышенными трудностями, лишениями службы, с жесткой регламентацией многих сторон жизни и деятельности.** Вся жизнь профессионального военнослужащего – это состояние готовности к бою. У него не лимитирован рабочий день. В период учений и походов он находится в аскетических условиях быта.

Наряду с этим уставами, инструкциями и атрибутами принципа единоначалия очень жестко регламентируется служебная деятельность и поведение военнослужащего. Подобной степени регламентации нет ни в каких других видах профессионального долга, ни в каких других сферах производственной или социальной деятельности; эта особенность вызвана объективной необходимостью максимальной управляемости воинскими социальными общностями любого масштаба – от отделения до Вооруженных Сил целом.

6. **Высокие требования к физическим качествам и здоровью человека** также являются особой характеристикой профессионального долга военнослужащего. В отличие от многих других профессий, для которых данное требование является желательным, для военного профессионала оно имеет императивный характер и выступает как обязательное качество. Без него не могут реализоваться рассмотренные выше особенные признаки, так как для объективации каждого из них требуется максимальное напряжение физических и духовных сил личности. Может возникнуть необходимость нести эту нагрузку довольно продолжительное время.

7. Наряду с вышеназванными, характерной особенностью профессионального долга воина является **высокая степень риска для жизни, готовность к самопожертвованию.** Для того чтобы успешно выполнять свои обязанности в условиях боевых действий, профессионалу необходимо иметь особое отношение к собственной смерти. Любому человеку умирать страшно. Но, если для большинства людей, живущих мирными буднями, смерть находится в неясном будущем, за горизонтом существующих сегодня проблем, то для человека на войне его смерть все время находится рядом. Взаимоотношения воина и смерти будут подробно рассмотрены во второй и третьей главах. Здесь же предварительно заметим, что человек, не способный преодолеть чувство страха смерти, не может быть профессиональным военным, так как в этом случае все другие аспекты его профессионализма остаются не реализованными на поле боя.

Сложность и динамичность функционирования военной сферы детерминирует соответствующую многогранность учебно-боевой деятельности профессионального военнослужащего. Эти грани определяются различными содержательными аспектами: мирное или военное время, вид Вооруженных Сил, занимаемая должность, место и время действия, уровень подготовки подчиненных, степень экстремальности ситуации и т.д., то есть исследование деятельности должно быть не общим (абстрактным), а связанным с ее

конкретными субъектом, объектом и условиями⁵. И лишь достоверные данные об отдельных аспектах позволяют переходить к обобщениям.

Деятельность офицера может быть учебной или боевой. Учебная деятельность имеет «модельно-игровой вариант», то есть в ней присутствуют условности мирного времени. Так как она предназначена для подготовки к войне, на тренировках и учениях создаются условия, схожие с боевыми. Единственное, что нельзя смоделировать, это страх смерти. При любой сложности учебных задач мирного времени воин знает, что его никто не собирается убивать.

Для боевой деятельности характерны следующие особенности:

- постоянное наличие опасности для жизни и здоровья;
- постоянное применение или готовность к применению оружия;
- враждебное окружение;
- возможно решение задач на значительном удалении от основных сил, небольшими по численности штурмовыми (разведывательными) группами при отсутствии контакта с командованием;
- большие физические нагрузки в сочетании с высокой активностью когнитивной сферы;
- повышенная концентрация внимания;
- подчинение всего режима жизнедеятельности решению поставленной боевой задачи (нарушение режима отдыха, сна, питания, дискомфортные санитарно-гигиенические условия) и др.

Операционную структуру деятельности командира подразделения можно представить следующим образом. Командир как субъект деятельности получает задачу от вышестоящего начальника в вербальной форме через средства связи (радиостанцию, телефон и т.п.), которая сформулирована обычно на быденном языке с использованием закодированных слов. Собрав дополнительную информацию об обстановке от подчиненных, командир подразделения анализирует слуховую и визуальную информацию и принимает решение (табл.1.1). Являясь интегрирующей инстанцией, он способен сравнивать и оценивать свой прошлый опыт, настоящее положение дел («здесь и сейчас»), прогнозировать возможный результат своих действий («что будет потом»).

Пространство командира, осмысливающего поставленную задачу, содержит предметы и ориентиры: подчиненные; объект, который нужно штурмовать; активно противодействующий противник и др. При этом предметы пространства подвижны и изменчивы.

⁵ Для обоснования основных положений настоящей работы проведены с использованием апробированных психологических методик исследования профессиональной деятельности и личностных особенностей офицеров морской пехоты взводного и ротного звена (98 чел.), участвовавших в боевых действиях на территории Чеченской республики в 1995-1996 гг. Это та категория профессионалов, которая не опосредованно, а непосредственно управляет на поле боя воюющими подразделениями, находясь в их составе. Поэтому на войне потери убитыми и ранеными в этом звене офицеров объективно самые большие, что позволяет выборку считать репрезентативной для исследования влияния понимания смерти и бессмертия на формирование личностных и морально-боевых качеств офицера в условиях войны. При этом необходимо учитывать, что некоторые характеристики исследуемой группы являются специфическими для морской пехоты, основные же духовные феномены могут быть экстраполированы на другие категории воинов-профессионалов. (Подробно методы психологических исследований и их результаты изложены в приложении 1.)

**Источники информации, используемые офицером морской пехоты
для принятия решения в боевой ситуации**

Источники информации	%	Ранг
Личное наблюдение за противником и местностью	100	1
Доклады подчиненных	88	3
Информация от вышестоящего командования	90	2
Предыдущая информация разведки	85	4
Звуковой фон боя	79	5
Информация, полученная от военнопленных	12	6

Из приведенной таблицы видно, что, принимая решение в боевой ситуации, офицер морской пехоты наблюдает за противником и местностью. Для проверки и уяснения настоящей ситуации командир использует и другие источники информации. Очень часто полной уверенности о ее достоверности нет.

«Когда начался бой, я не понял, откуда велся огонь. Дав команду своим бойцам укрыться и наблюдать, я начал вести сам наблюдение, которое показало, что боевики ведут огонь из двух стоящих друг против друга домов. Наш дом находился между ними. Я доложил командиру батальона о ситуации и получил от него информацию о возможном количестве боевиков. Эта информация отличалась значительно от той, что я получил от разведчиков. Количество стреляющих по звукам и засеченным моими бойцами огневым точкам подтверждало то, что говорили разведчики...»⁶.

В процессе выполнения задачи командир выполняет почти одновременно множество действий: принимает доклады от подчиненных и передает информацию вышестоящим начальникам; осуществляет постоянную корректировку действий своих подчиненных исходя из изменений в боевой обстановке; ведет огонь по противнику из стрелкового оружия; организует эвакуацию раненых и убитых.

Проведенное исследование показало, что в боевой обстановке офицер испытывает влияние множества ситуационных факторов, в различной степени затрудняющих его деятельность (табл.1.2).

Таблица 1.2

**Степень воздействия факторов боевой ситуации, влияющих
на боевую деятельность офицера морской пехоты**

Характерные факторы ситуаций	%	Ранг
Ответственность	97	1
Неопределенность	95	2
Внезапность	91	3
Опасность	84	4
Дефицит времени	68	5
Недостаток информации	59	6
Новизна	29	7
Увеличение темпа действий	21	8
Совмещение нескольких направлений деятельности	6,1	9
Погодно-климатические условия	4,1	10

На первом месте по психологическому воздействию у респондентов отмечена **ответственность** перед товарищами и командованием за надежное выполнение порученного дела. Иногда фактор ответственности так сильно влияет на командира подразделения, что он начинает необоснованно волноваться и проявлять негативные эмоции. Если же военнослужащие хорошо подготовлены к выполнению боевой задачи, этот фактор способствует концентрации внимания и четкости действий.

⁶ Здесь и далее приводятся высказывания офицеров – участников боевых действий.

Часто ответственность за жизнь подчиненных вытесняла у офицера морской пехоты страх за свою жизнь. Результаты исследования показали, что 89,7 % военнослужащих за свою жизнь боялись меньше, чем за жизнь подчиненных и товарищей.

Неопределенность как осознаваемая степень неадекватности имеющейся информации условиям реальной обстановки сопутствует деятельности офицера морской пехоты в большинстве боевых ситуаций и отмечается респондентами на втором месте по значимости. Специфика ситуации часто накладывает жесткие ограничения на возможности ведения наблюдения, сбора дополнительных данных о действиях противника, об окружающей местности и т.д.

На третьем месте по воздействию респонденты отмечают фактор **внезапности (неожиданности)** по времени, месту и условиям. Так, инициатива в вооруженном противодействии или нападении на военнослужащих морской пехоты принадлежит боевикам (30%).

В боевой ситуации внезапное воздействие противника сопровождается резким повышением интенсивности когнитивной и моторной деятельности военнослужащего на фоне эмоционального всплеска (испуга). По мнению 91% офицеров морской пехоты, фактор внезапности чаще всего вызывает необходимость действий, приводящих к принятию рискованного решения.

Опасность респондентами обозначена на четвертом месте. Опасность командиром подразделения воспринимается как объективно существующее стечение обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью его и его подчиненных. Она может быть реальной или мнимой, ее можно как недооценить, так и преувеличить. В процессе выполнения боевой задачи офицерам морской пехоты и их подчиненным приходится постоянно балансировать на грани потенциальной и реальной опасности, что требует постоянно и адекватно оценивать ситуацию. Непосредственное восприятие опасности всегда должно быть адекватным. Фактор опасности у офицерского состава в отличие от рядового вытесняется факторами, связанными с необходимостью руководства личным составом (ответственностью, неопределенностью, внезапностью).

Между предположением о ходе предстоящей боевой деятельности и её реальным развитием существует несоответствие. Это – **новизна обстановки (нестандартность)**, которая отмечается респондентами на седьмом месте. По сути дела военнослужащие постоянно действуют в новой обстановке, так как вынуждены все время менять место дислокации, а за счет этого изменяется окружающее их пространство (рельеф местности и т.д.). Новизна присутствует также и в действиях противника, стремящегося совершенствовать способы и средства активного противодействия. Усилению этого фактора могут способствовать упущения, допущенные при подготовке к боевым действиям.

«...Карта, которую нам выдали перед вводом в г. Грозный, была старая и на ней даже не все улицы обозначены. Масштаб карты тоже оставлял желать лучшего, так как не позволял нам качественно ориентироваться при движении по улицам».

Опыт службы и исследование показывают, что большинство (75%) ситуаций повседневной служебной деятельности однотипны и, наоборот, – большинство ситуаций боевой деятельности нестандартны (88,7%).

Погодно-климатические условия (неприятные физические ощущения и вызываемые при этом психологический дискомфорт и стремление к более комфортным условиям) отмечаются респондентами на десятом месте. Почти все военнослужащие, принимавшие участие в исследовании, данный фактор выделили незначительно. Это

связано с тем, что в ситуациях повседневной деятельности военнослужащим приходится постоянно сталкиваться с этим фактором, и в связи с этим он для них незначим.

Совокупность перечисленных выше особенностей создает психологическую нагрузку на командира подразделения при выполнении боевой задачи. Ее величина в каждой конкретной ситуации зависит от суммарного воздействия факторов, но с обязательным доминированием в общей нагрузке отдельных из них. *Исследование показало, что наибольшее стрессовое напряжение создают факторы ответственности и неопределенности.*

Исследование также показывает, что *наибольшую сложность для командира подразделения при выполнении боевой задачи оказывают такие интеллектуальные задачи, как прогнозирование дальнейших изменений в оперативной обстановке, определение характера наиболее вероятных действий противника.* Командир подразделения решает эти сложные интеллектуальные задачи в условиях динамично развивающейся оперативной обстановки, острого дефицита времени и недостатка информации.

1.2. ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В социально-психологической и философской литературе имеется много работ и точек зрения, касающихся проблемы личности. Каждый автор рассматривает интересующие его аспекты, концентрируя на них свое внимание. Обобщенный же взгляд является устоявшимся: личность – это социализированный человек. Системный подход позволяет выделить в ней три подсистемы (структуры): биологическую, психологическую и социальную.

Биологическая структура включает в себя все то, что является в человеке природным, что изначально принадлежит ему как организму, а не формируется в процессе обучения и воспитания. Из психологических феноменов сюда можно отнести темперамент, который является врожденным и определяет стиль поведения личности в той или иной ситуации.

Разумеется, темперамент не есть что-то раз и навсегда данное, застывшее, неподвижное свойство личности. Его можно изменять. Однако изменение темперамента не следует понимать как превращение одних особенностей высшей нервной деятельности, присущих конкретному человеку, в другие. Когда говорят об изменении темперамента, подразумевают усиление его положительных для данного вида деятельности особенностей и ослабление отрицательных. То есть личность, осознавая необходимые требования деятельности к проявлению темперамента, способна относительно корректировать его отрицательные проявления.

Психологическая структура личности включает в себя эмоции, интеллект, мотивацию, коммуникативный стиль поведения. Все эти составляющие интегрируются в характер.

Различные проявления характера называются чертами. Характеру человека наряду с индивидуальными чертами присущи и общие черты. Они формируются у определенных социальных (профессиональных) групп, выполняющих одну и ту же деятельность. Так, например, военнослужащие морской пехоты имеют типичные черты характера, обусловленные выполняемой профессиональной деятельностью (решительность, настойчивость, самообладание, коллективизм и т.д.).

Среди множества черт характера некоторые выступают как ведущие, другие – как второстепенные, обусловленные развитием ведущих свойств; при этом они могут и

гармонировать, и резко контрастировать с ведущими свойствами, что образует цельные или противоречивые характеры. Проявляясь в деятельности, характер одновременно формируется в ней, обнаруживая зависимость от ее содержания, смысла и других атрибутов.

Эмоции представляют собой индивидуальный стиль переживания, субъективную чувствительность к явлениям окружающей жизни, проявляющиеся как фон настроения, так и интенсивностью выражения чувств.

В контексте темы настоящей работы заслуживают внимания ум и познавательные качества личности – ощущения, восприятия, память, представления, воображение, мышление. Экстремальные ситуации предъявляют повышенные требования к способности человека понять, разобраться в них, взвесить все и действовать с умом. Каждое из познавательных качеств играет свою роль, но особое значение имеют *качества мышления*, характеризующие уровень развитости интеллекта человека: быстрота, гибкость, находчивость, глубина, аналитико-синтетический характер, логичность, ясность, доказательность, практичность, прогностичность, критичность, интуитивность, самостоятельность, творческий характер. Немецкий военный теоретик К. Клаузевиц писал: «Решительность, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением»; решительными «не могут быть люди с ограниченным умом»; решительность есть «способность... устранять муки сомнения и опасности колебаний»⁷.

Важными для поступательного развертывания возможностей личности являются ее мотивационно-смысловая сфера и направленность. В направленности выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности.

Мотивы профессиональной деятельности рассматриваются как осознанные внутренние побуждения человека, определяющие направленность его активности в профессиональном поведении в целом и ориентации на разные стороны самой профессиональной деятельности. Следует отметить, что мотивы выбора, отношения к профессии связаны и обуславливаются характером способностей, склонностей, интересов, индивидуальных ценностей личности, а также существенно меняются в ситуациях профессиональной переориентации или переподготовки личности.

Основу **социальной структуры** личности представляет мировоззрение, которое определяется как система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации⁸. По своей психологической структуре мировоззрение включает знания, взгляды и убеждения. Его основой являются знания как совокупность усвоенных человеком сведений о сложных связях и отношениях между предметами, явлениями и событиями, происходящими в природе и обществе. Переходной ступенью от знаний к убеждениям выступают взгляды. Они выражают главным образом степень понимания окружающего мира, согласие или несогласие личности с теми или иными явлениями действительности. Во взглядах проявляется отношение человека к тому, что происходит вокруг.

Когда знания и взгляды сливаются с чувствами и волей человека, становятся его личным достоянием, основой поведения, то происходит их превращение в убеждения, обладающие огромной побудительной силой.

⁷ Клаузевиц К. Фон. О войне: в 2 т. – СПб.: Terra Fantastica, 2002. – Т. 1. – С. 67.

⁸ Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Мн.: Харвест, 1998. – С. 301.

Интеграция личности в целое реализуется через самосознание, самооценку и самоконтроль, составляющие актуальное «Я», в то время как его идеальное «Я» определяет направление, в сторону которого движется личность в процессе самосовершенствования.

Приведенное выше (или любое другое) структурирование личности проводится в интересах ее исследования в увязке с темой и конечными целями работы. То есть любой анализ личности носит условный характер, так как в действительности она является цельной, и все выделенные структурные элементы находятся в интегрированном единстве и взаимосвязи. Вместе с тем их выделение и описание помогает увидеть и понять личностные черты, которые есть не что иное, как внешние проявления рассмотренных выше элементов и взаимодействие между ними. Тогда личностными особенностями будут те черты, которые являются специфическими для конкретной социальной группы (в нашем случае это профессиональные военные). Среди личностных особенностей воина можно выделить его высокие морально-боевые качества.

В свою очередь, сами морально-боевые качества можно определить как совокупность духовных (нравственных, психологических) и собственно профессионально-боевых (навыки, умения, боевое мастерство) свойств личности, необходимых для решения боевых задач в контексте выполнения воинского долга. Морально-боевые качества имеют две стороны: нравственную и собственно боевую. Нравственная сторона морально-боевых качеств является воплощением смысла жизни воина и образована сформировавшейся системой ценностей, идеалов, мотивов и целей личности. Собственно профессионально-боевая сторона морально-боевых качеств образована боевой (специальной, тактической, огневой), физической и технической подготовками, которые являются средством достижения моральных целей.

Естественно, что морально-боевые качества, как и личностные особенности профессионала, формируются в процессе всей служебной деятельности.

Любая профессиональная деятельность оказывает существенное влияние на формирование личности. Это происходит потому, что для выполнения профессиональных задач приобретаются определенные знания и формируются необходимые умения и навыки. Такие условия деятельности создают специфический внутренний мир личности и систему отношений, особенности реагирования на те или иные события, стиль поведения и т.д.

Развитие личностных особенностей профессиональных военнослужащих осуществляется во времени и в связи с «временным» содержанием жизни. При этом предметом, материалом, формирующим их личностные особенности, выступают не только психологические содержания, «привязанные» к актуальному (настоящему) моменту, но и к прошлому, и к грядущему жизненному опыту.

Влияние воинской деятельности на формирование личностных особенностей профессионала, принимавшего участие в боевых действиях, можно разделить на ряд этапов.

1. Этап выбора профессии. Ведущие индивидуально-типологические тенденции формируют индивидуальную избирательность человека в выборе профессиональной деятельности. Одновременно с этим профессия также предъявляет свои требования к будущему профессионалу. Так, поступая в военное училище (институт), будущий офицер проходит профессионально-психологический отбор, который направлен на выявление у кандидата личностных особенностей, позволяющих успешно осваивать программу обучения.

2. Этап самоосознания личности в системе будущей профессиональной деятельности (профессиональное обучение). В процессе обучения у курсанта формируется отношение «человек – профессия», опосредованное его участием в специально организуемой деятельности с достаточно высокой степенью приближенности к реальному профессиональному труду. Участие в этой деятельности, с одной стороны, способствует развитию адекватных представлений о профессии, с другой – формированию операционной основы профессионального самоопределения, то есть системы профессиональных знаний, умений, навыков, элементов профессионального мышления, памяти. На основе когнитивной составляющей развиваются механизмы профессиональной самооценки «Я – профессия» за счет волевой осознанной и неосознанной работы личности, обновления или изменения личностных особенностей.

В ходе разрешения создаваемых в процессе обучения экстремальных (стрессовых) ситуаций (создание различных учебных экстремальных ситуаций: борьба с огнем; ночные и дневные стрельбы, приближенные к боевым условиям; использование средств имитации огневого воздействия противника; прыжки с парашютом; несение караульной службы и т.п.) у курсантов формируется психологический опыт (механизмы) по преодолению данных ситуаций.

Таким образом, в итоге тренировок по подготовке к экстремальным ситуациям будущей профессиональной деятельности вырабатывается внутренняя позиция курсанта как модель отношения к профессии, где задействуется личностный потенциал курсанта, а также формируются и закрепляются способы преодоления данных ситуаций.

3. Этап профессионального становления молодого офицера (первые 2-3 года службы). Изменяется отношение к профессии как следствие перехода от идеальной (учебной) профессиональной деятельности к реальной. На этом этапе развиваются: самооценка профессионала, индивидуальный стиль деятельности, компенсаторные механизмы на воздействие экстремальных ситуаций, уверенность в себе.

4. Этап обретения целостного устойчиво сформированного «Я – профессионала». Складывается отношение к службе как гармоничная профессиональная позиция. То есть формируются следующие черты: внутренняя целостность и согласованность, достаточно устойчивый уровень самооценки и самоуважения и т.д.

5. Этап изменения личностных особенностей профессионала в процессе участия в боевых действиях. Деятельность офицера, участвующего в боевых действиях, состоит из множества экстремальных ситуаций, характерной чертой которых являются стрессогенные факторы, оказывающие психологическое влияние на личность.

Влияние экстремальных условий на личность рассматривается в психологии с точки зрения позитивных и негативных изменений личности. Здесь не должно быть одностороннего подхода. По этому поводу А.М. Столяренко справедливо отмечает, что «отношение к любому экстремальному событию только как негативному в жизни человека ошибочно с позиций фило- и онтогенеза человека. Развитие человеческих свойств шло в истории человечества и происходит в каждом индивиде в процессе преодоления противоречий между требованиями жизни и наличными возможностями и ведет к совершенствованию возможностей». И далее: «...действия в экстремальной ситуации часто имеют решающее значение для успеха. Они – пик профессионализма и подготовленности человека к реалиям жизни»⁹.

Формирование профессиональных свойств и качеств человека не является пассивным процессом, это не результат механического взаимодействия субъекта с предметом труда, а активный процесс, результат его сознательных усилий,

⁹ Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 607 с.

направленных на преодоление трудностей, что и приводит к развитию необходимых черт, психических процессов, обеспечивающих успех деятельности.

Влияние боевых действий на личностные особенности военнослужащего, прежде всего, связано с его смыслообразующими мотивами выбора профессии и отношения к ней. Для исследования смыслообразующих мотивов командира подразделения применялись анкета участника боевых действий и нестандартное направленное интервью.

Анализ полученных данных показал достаточно высокий уровень **профессиональной заинтересованности** у офицеров – участников боевых действий.

Офицеры ретроспективно называют многочисленные причины и обстоятельства своего профессионального выбора: внешние стимулы, больше связанные с настоящим временем, которые оказывают определенное влияние на высказывания о выборе профессии и стойкие внутренние психологические образования, побуждающие и регулирующие профессиональную деятельность (табл.1.3).

Ведущим мотивом профессионального выбора офицеров является **мотив, определяемый содержательными характеристиками деятельности** (стремление к активной, разнообразной и живой работе, связанной с общением, с людьми – 50%; содержательный интерес к работе – 89%; желание сделать профессиональную карьеру в Вооруженных Силах РФ – 46% и т.д.). Этот содержательно-смысловой мотив характерен в среднем для 70% ответов. После участия в боевых действиях значение этого мотива не изменилось, а для некоторых военнослужащих усилилось.

Таблица 1.3

Смыслообразующие мотивы службы офицера морской пехоты

Мотивы	До БД		После БД	
	%	Р	%	Р
Профессиональные мотивы				
Интерес к профессии, которая просто нравится	79	1	89	1
Стремление к активной, разнообразной и живой работе, связанной с общением, с людьми	50	2	50	2
Желание быть причастным к важному делу по защите Отечества	48	3	46	3
Реализация романтической мечты, навеянной приключенческими произведениями литературы	33	4	33	4
Следуют семейным традициям	29	5	29	5
Привлекают воинские традиции, ритуалы, форма одежды	22	6	22	6
Повлияло занятие в военно-патриотическом клубе	21	7	21	7
Следуют примеру друзей, знакомых, служащих в ВС РФ	17	8	17	8
Служил в морской пехоте или специальных частях	14	9,5	14	9,5
Заинтересованы в организованном, упорядоченном образе жизни	14	9,5	14	9,5
Мотивы самосовершенствования, самосозидания				
Повышение уровня образования	6,1	3	74	1
Стремятся испытать себя в сложных условиях	12	1,5	3,1	2
Стремятся к физическому совершенствованию	12	1,5	31	3
Социально-экономические мотивы				
Престижная профессия	25,5	1	0	1
Хотел общественного признания	6,1	3,5	0	0
Хотел реализовать свои идеи на государственном уровне	6,1	3,5	0	0
Привлекает стабильный заработок и льготы	6,1	3,5	3,1	2
Хотят решить материальные проблемы	6,1	3,5	0	0

Примечание. БД – боевые действия; Р – ранг.

Мы видим, что участие в боевых действиях незначительно, но повлияло на отношение военнослужащих к своей профессиональной деятельности. Так, старший лейтенант Р. отметил, что «...до боевых действий в Чеченской республике я хотел увольняться, так как считал, что я как профессионал занимаюсь не своим делом, но по возвращении оттуда у меня как будто открылось второе дыхание, появился интерес к профессиональному и интеллектуальному росту».

Следующим по значимости является **нравственный мотив** (желание быть причастным к важному делу по защите Отечества) – 48% всех ответов. После участия в боевых действиях значение этого мотива у военнослужащих изменилось – 46% всех ответов.

Третьим по значимости является мотив, связанный со **стремлением подражать образцу, эталону, традиции при выборе профессии** (семейная традиция – 29%; пример друзей, знакомых, служащих в ВС РФ – 17%); романтическая мечта, навеянная приключенческими произведениями литературы – 33%; занятия в военно-патриотических клубах – 21%; воинская служба в морской пехоте или специальных частях – 14%.

Социально-экономические мотивы занимают последнее место в мотивационной структуре профессионального выбора военнослужащих и их сегодняшнего отношения к профессиональной деятельности (стабильный заработок, льготы и т.п.). Как сказал один из участников исследования майор В.: «Мы подрабатываем по ночам, чтобы днем служить и заниматься своим любимым делом».

Группа мотивов самосовершенствования, самосозидания базируется на потребностях военнослужащих в постоянном личностно-профессиональном росте и связанной с этим осознанием необходимости соответствовать определенному профессиональному эталону. Результаты исследования показали значительный рост этой группы мотивов. До участия в боевых действиях всего лишь 6% исследуемых хотели повышать свой интеллектуальный уровень (учиться дальше) и 7% не задумывались о долгосрочной (7-10 лет) перспективе своего профессионального роста. К концу же проводимого нами исследования 67% военнослужащих получили второе высшее образование без отрыва от служебной деятельности и 7 % поступили в военные академии.

Группа мотивов самозащиты, самосохранения рассматривалась в контексте отношения к участию в боевых действиях, страха за собственную жизнь. Из всех исследуемых только 2% заявили о том, что они не чувствовали себя готовыми к участию в боевых действиях и пошли на войну потому, что им было бы стыдно перед сослуживцами, если бы они отказались. Все остальные военнослужащие думали об ответственности за своих подчиненных, о профессиональном долге. Капитан-лейтенант А. выразился по этому поводу так: «Я уходил в Чечню тогда, когда у меня жена была беременна, но у меня не было сомнений в правильности моего решения. Даже если бы я отказался, мои товарищи меня бы не осудили, но у меня и мысли такой не было. Находясь в Чечне, я испытывал страх не за собственную жизнь, а за жизнь своих подчиненных, и еще я сильно боялся погибнуть, не узнав, кто у меня родился, а когда узнал о рождении дочери, появился страх, что я ее могу не увидеть. Но что страшнее – первое или второе? Скорее всего, все-таки первое. О своей семье я думал только тогда, когда была спокойная обстановка, а о подчиненных постоянно».

Страх за собственную жизнь у большинства военнослужащих компенсировался активной профессиональной боевой деятельностью, а в дальнейшем он осознавался

после боя в спокойной обстановке. Этот страх не был, по их словам, травмирующим и настолько значимым, чтобы отрицательно влиять на поведение в бою.

Старший лейтенант Ю. рассказывал: «У меня не было времени подумать о себе, я все время был занят выполнением каких-то задач. А когда кто-то погибал из моих подчиненных, я думал, что это моя вина, что это я как командир не смог все предусмотреть». Капитан К. отмечал, что «страх за свою жизнь, конечно, был, не бояться только не ценящие свою жизнь люди. Но он был мне подконтролен, я им мог управлять, он проходил, как только я начинал руководить своими бойцами...».

Самосохранение как мотивация личности включает в себя побуждения, определяемые не природным страхом, а смысложизненными ценностями и интересами военнослужащего, сформированными в процессе профессиональной деятельности.

Профессиональный выбор и отношение к профессии у военнослужащих является полимотивированным (называются причины и обстоятельства, относящиеся к различным мотивам и факторам). Соподчиненность мотивов офицеров представляет собой следующую структуру по степени значимости: содержательно-смысловой – нравственный – подражательный – самосовершенствования и самосозидания – социально-экономический.

Особый интерес представляет мотивация участия и проявления высоких морально-боевых качеств в военных действиях.

История учит, что в вооруженных событиях решающее значение для обеспечения активных боевых действий военнослужащих играют широкие социальные мотивы. Н.Н. Головин еще в начале истекшего века подчеркивал, что «все победоносные войны имели в своей основе идеи, которые близки сердцу бойца, а основа победного стремления бойца лежит в мотивах социального характера»¹⁰. Поэтому среди побуждений, которые следует развивать у воинов, он в первую очередь называл патриотизм, составляющий «фундамент победного стремления бойца»¹¹.

На определяющую роль широких социальных мотивов в системе мотивации участников войн указывают и многие современные авторы.

Данные, полученные нами в процессе настоящего исследования, свидетельствуют о некотором своеобразии в мотивации активных боевых действий офицеров морской пехоты (табл.1.4).

Таблица 1.4

Мотивация участия в боевых действиях

Виды мотивов	%	Ранг
Профессиональный долг	80	1
Коллективизм, боевое товарищество	64,2	2
Стремление испытать свои личностные качества, характер	57,1	3
Чувство мести	24,4	4
Патриотизм	21,4	5
Стремление к справедливости	15,3	6
Ненависть к противнику	12,2	7
Боевой азарт	4,1	8
Уважение и доверие к вышестоящим командирам	3,1	9

Из таблицы видно, что более существенное значение для участников боевых действий приобрели чувства *профессионального долга, боевого товарищества, стремление испытать свои личностные качества, характер*. Ведущие мотивы

¹⁰ Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. – СПб., 1907. – С. 51.

¹¹ Там же. – С. 91.

боевой деятельности офицеров морской пехоты здесь как бы замыкаются в рамках самой военной системы, воинской части и подразделения.

Мотивы *патриотизма, стремления к справедливости* также присутствуют в структуре мотивации военнослужащих, но чаще всего лишь как фоновые. Это связано, прежде всего, с социальным расслоением общества, с недоверием широких народных масс современным субъектам власти, с отсутствием яркой, привлекательной, эмоционально окрашенной общегосударственной идеи, объясняющей цели и задачи использования войск для решения политических и иных проблем.

Такой мотив боевой деятельности как *ненависть к противнику* уходит на седьмое место, потому что конфликт в Чеченской республике ведется на своей территории и между воюющими отсутствуют непримиримые, жизненно важные противоречия. В военных конфликтах отмечается рост значимости такого мотива боевой активности военнослужащих, как *чувство личной мести* за погибших товарищей, личных счетов с противником. Это объясняется тем, что, во-первых, отношения мести – это спутник всякой войны. И, во-вторых, тем, что офицеры, стремясь побудить себя и подчиненных к самоотверженным действиям в бою, ищут действительно реальные, «осязаемые», «работающие» мотивы и прививают их подчиненным военнослужащим.

На последнем месте находится мотив *уважения и доверия к вышестоящим командирам*. Это объясняется тем, что офицеры морской пехоты очень часто сталкивались с необдуманными и неправильными, на их взгляд, действиями вышестоящего командования, которые с точки зрения профессионального военного объяснить было невозможно. «На Бамбурово мы выехали 3-го. Это в то время газеты писали: “В Приморье, на полигоне Бамбурово, полк морской пехоты готовится к действиям в Чечне”. А мы думали: какая Чечня?! Какие боевые действия?! Матросы ничего, НИЧЕГО не умеют! За три дня провели наспех несколько занятий и три (!) строевых смотра, которые показали, что мы не готовы. И я успокоился. Потому что надеялся, что там, наверху, сидят умные люди, они не пошлют пушечное мясо. В крайнем случае, дадут еще время на подготовку».

Учитывая высокую побудительную силу таких широких социальных мотивов, как патриотизм, ненависть к врагу и других, необходимо подчеркнуть, что их слабая представленность в структуре мотивации офицеров морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях, сужает возможности побуждения боевой активности. Из этого следует, что, во-первых, мотивация офицеров морской пехоты отличается переплетением мотивов разных уровней, доминирующими из которых являются побуждения, связанные с взаимоотношениями между ними и чувством профессионального долга. Во-вторых – формирование общественно значимых, эмоционально окрашенных и привлекательных идей, способных играть роль широких социальных мотивов, составляет в настоящее время важнейшую задачу психологического обеспечения боевых действий войск.

Сочетание воздействия психологических факторов боевой ситуации со своеобразием мотивации боевых действий офицеров морской пехоты порождают сложную гамму их психических состояний в боевой обстановке.

В исследовании под психическими состояниями понимается самостоятельная группа психических явлений, которые формируются и развиваются в результате восприятия, переживания и осознания офицерами наиболее значимых событий и психологических факторов боевой ситуации. Они определяют собой уровень жизненной активности офицеров, их отношение к задачам боевой деятельности, своим действиям, окружающему миру, коллективу и обществу в целом.

Как показало исследование, преобладающими психическими состояниями выступают: напряженность, собранность, душевный подъем, состояние боевой активности (84%) до боя, и усталость (77%), спокойствие (80%) после боя (табл. 1.5).

Психическое состояние боевой активности зависит от наличия конкретной цели. Личностную сторону боевой активности офицера можно определить как совокупность признаков, характеризующих силу его стремления к достижению цели во время боя.

Анализ интервью показал, что у большинства офицеров морской пехоты (84%) при боевой активности происходит внутренняя мобилизация всех физических и духовных ресурсов: «Я делал все быстро и успевал делать несколько действий одновременно...»; «До боя я не спал практически несколько ночей и чувствовал сонливость. Мне хотелось спать. Бой все в одно мгновение изменил. Уже при первых выстрелах сна как не бывало»; «Перед первым боем я думал о том, как я себя покажу, смогу ли управлять своими подчиненными. Мои опасения были напрасными. В бою об этом уже не думалось. Все мои действия были направлены на то, чтобы выиграть бой. Было состояние какого-то подъема и азарта...».

Таблица 1.5

Психические состояния, переживаемые офицерами морской пехоты в боевой ситуации

Психические состояния	% до боя	% после боя
Раздражительность	7,1	12
Безразличие	3,1	7,1
Тревога	21	0
Состояние усталости	12	77
Страх	2	0
Неуверенность в собственных силах	12	0
Напряженность	84	0
Собранность	84	0
Душевный подъем, порыв	84	0
Состояние спокойствия	7,1	80
Отчаяние, беспокойство	3,1	0
Ощущение бессмысленности происходящего	3,1	3,1
Ответственность за подчиненных	81	81

Состояние напряженности связано с ожиданием начала боя, с той неизвестностью, которая ждет офицера впереди. Состояние напряженности офицерами не воспринимается как негативное, скорее всего оно для них само собой разумеющееся, то есть они знают, что перед выполнением любой задачи (боевой или учебной) всегда есть период ожидания, который длится определенный промежуток времени. Состояние напряженности, как и боевой активности, отмечено 84% респондентов.

Состояние тревоги перед боем отметили 21% офицеров морской пехоты. Состояние тревоги возникает у офицеров в боевой нестандартной ситуации, когда нет информации о противнике; непонятна поставленная задача; возникает несогласие с указанием командования по средствам и приемам решения поставленной задачи.

Боевая деятельность ставит перед личностью офицера морской пехоты конкретные задачи, решение которых находится в прямой зависимости от уровня развития качеств, которые характеризуют данного специалиста как профессионала. Среди этих качеств особое место занимают профессионально важные качества (ПВК), которые позволяют преодолевать трудности боевой деятельности: реальные угрозы жизни и здоровью, угрозы физического противодействия или психического давления, субъективные состояния, силы природы, ошибки в работе.

Своеобразие требований деятельности определяет специфичность необходимых для ее выполнения качеств. Особенно это касается профессионально важных социально-

психологических качеств личности, формирование которых определяется главным образом условиями социальной жизнедеятельности, процессом воспитания и непосредственного выполнения конкретных видов совместной деятельности.

Исследование профессионально важных качеств офицеров морской пехоты проводилось на базе подразделений морской пехоты Тихоокеанского флота и Тихоокеанского военно-морского института им. С.О. Макарова. В ходе исследования было опрошено 98 командиров подразделений морской пехоты, не принимавших участие в боевых действиях; 98 командиров подразделений морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях; 57 курсантов 5-го курса берегового факультета ТОВМИ им. С.О. Макарова. В ходе исследования респондентам помимо фиксации качеств, необходимых для профессиональной деятельности вообще, предлагалось проранжировать их по степени важности для служебно-боевой деятельности (табл.1.6).

Таблица 1.6

**Сравнение ранговой расстановки профессионально важных качеств
экспериментальной группы (ЭГ) с ранговой расстановкой этих же качеств
в контрольной группе (КГ)**

Профессионально важные качества офицера морской пехоты	ЭГ		КГ оф-ры		КГ к-ты	
	%	Р	%	Р	%	Р
Умение действовать нешаблонно в быстро изменяющейся обстановке	98	1	64	10,5	61	9
Одновременное выполнение нескольких видов деятельности или нескольких действий	97	2	32	30,5	32	65,5
Быстрая вработываемость, перестройка стереотипов поведения	94	3	71	6,5	21	95
Умение принять решение в очень короткие сроки	93	4	71	6,5	47	31
Умение предвидеть возможные изменения обстановки и ожидаемый результат деятельности	91	5	43	30,5	37	53
Умение сохранять работоспособность и активность при развивающемся утомлении	89	6	29	63,5	32	65,5
Самообладание и выдержка	88,1	7	71	44	74	19
Быстрая адаптация к новым условиям	88	8	36	6	53	3
Смелость, мужество, решительность, энергичность, инициативность	86	9	50	10,5	74	12,5
Находчивость и быстрое реагирование	83	10	79	3,5	47	31
Умение находить индивидуальный подход к людям	81	11	36	44	47	31
Склонность к разумному риску	78	13,5	43	33	32	65,5
Настойчивость в достижении цели	78	13,5	43	34	47	32
Организаторские способности, способность побуждать людей к активной деятельности	76	15,5	79	3,5	63	7,5
Интуиция, способность предвидеть	76	15,5	43	34	37	53
Высокая эмоционально-волевая устойчивость	74	16	36	44,5	37	53
Стремление творчески применять профессиональные знания	73	17	36	44,5	21	95

Анализ таблицы показал, что офицеры морской пехоты считают важными для профессиональной деятельности познавательные качества личности: мышление, воображение, представления, выраженные в умении действовать нешаблонно в быстро изменяющейся обстановке, одновременном выполнении нескольких видов деятельности или нескольких действий; в способности принять решение в очень короткие сроки, предвидеть возможные изменения обстановки и ожидаемый результат деятельности. Каждое из познавательных качеств играет свою роль, но особое значение на войне имеют такие качества мышления, как быстрота, гибкость, находчивость, глубина, аналитико-синтетический характер, логичность, ясность, прогностичность, интуитивность.

Особое значение для офицера морской пехоты имеет способность к надситуативному мышлению, под которым подразумевается умение предвидеть возможные изменения обстановки и ожидаемый результат деятельности. Мысля надситуативно, офицер должен представить то, что лежит за горизонтом непосредственно воспринимаемого, то есть включить в понимание оценку ситуации и адекватное ей разумное регулирование своего поведения здесь и сейчас. При этом он использует всю информацию, хранящуюся в памяти, актуализирует ее и задействует в процессе мышления. Мысленное привлечение такой информации дает возможность понять экстремальную ситуацию, позволяет предвидеть возможные изменения обстановки и ожидаемый результат деятельности.

Формулируя требования, предъявляемые к личности командира, необходимо исходить из анализа деятельностных характеристик, совокупности факторов, влияющих на операциональный и личностный план деятельности специалиста. Такие требования можно изложить по двум основным группам: командир должен знать и командир должен уметь.

I. Командир должен знать: требования документов, регламентирующих боевую деятельность вверенных ему подразделений; особенности ведения боевых действий в зависимости от оперативно-тактической обстановки; внешние и внутренние признаки психической напряженности; личностные особенности подчинённых ему военнослужащих (сильные и слабые стороны их характера, основные ценностные и мотивационные установки, степень их личной подготовленности к выполнению боевой задачи); способы саморегуляции психического состояния человека в экстремальной обстановке.

II. Для эффективного применения знаний в практике командир должен уметь: определить характер деятельности по внешним признакам, составу сил и средств подразделения, а также противоборствующей стороны; руководить действиями подчинённых; собрать исчерпывающую информацию, установив надежную связь с командованием, взаимодействующими органами; выдавать чёткие и недвусмысленные распоряжения подчиненным; предвидеть возможные изменения обстановки и ожидаемый результат деятельности; действовать быстро, решительно, нешаблонно, качественно выполняя одновременно несколько видов деятельности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Учебная деятельность воина-профессионала (офицера) состоит из последовательно осуществляемых служебных действий по выполнению тех или иных постоянных или внезапно возникающих задач в мирных условиях. Ее целью является подготовка (морально-психологическая, физическая, военно-техническая) военнослужащего к эффективному выполнению функциональных обязанностей в различных условиях современной войны. Эти условия в учебной обстановке можно создавать искусственно, что позволяет, с одной стороны, формировать нужные качества воина, а с другой – отслеживать их уровень. Но в мирных условиях реально не отслеживается отношение воина к смерти, которое появляется лишь в бою, где сама смерть становится реальной.

Боевая деятельность – это противоборство вооруженных субъектов, активно стремящихся достичь свои цели путем физического уничтожения материальной части и живой силы противника. В этом процессе деятельность офицера опосредована его знаниями, навыками, умениями, структурой мотивов, детерминирующей его активность. В свою очередь, сами боевые действия корректируют и оттачивают личностные особенности воинов, объективно необходимые для достижения победы.

Проведенные исследования показали, что страх смерти на войне присутствует в сознании офицера, но он не доминирует над другими чувствами и психическими состояниями, несмотря на то, что под угрозой находится сама человеческая жизнь. Сформированные в процессе обучения и воспитания нравственные ценности оказываются настолько весомыми, что пожертвовать ими для спасения жизни воин-профессионал не в состоянии, то есть они становятся ценностями смысла жизни. Из двух страхов – умереть или утратить эти ценности – второй оказывается сильнее. Или жизнь со смыслом, или смерть – в этой альтернативе и скрывается непонятная типичному обывателю готовность воина-профессионала выполнить свой долг до конца. Истинна ли эта альтернатива? Ответу на этот вопрос посвящены следующие главы настоящей работы.

Глава 2

ВЛИЯНИЕ ПОНИМАНИЯ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ ВОИНОМ НА ЕГО ПОВЕДЕНИЕ В БОЮ

2.1. ВАРИАНТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ

Прежде чем рассматривать отношение к смерти и бессмертию современного воина, логически целесообразным является ретроспективный анализ сосуществования человека с этой проблемой, чему и посвящен данный параграф.

Физическая смерть человека – это вечный, неустранимый атрибут индивидуального и социального бытия, который во все времена так или иначе, с той или иной степенью остроты присутствовал в человеческом сознании как проблема, требующая релевантного объяснения. Полное исчезновение, превращение в ничто собственного «Я» не может не вносить дискомфорта в жизнеощущение индивида и смирить, успокоить логику мышления, остановив ее на такой фатальной перспективе. Поэтому столько веков, сколько существует эта логика (самосознание), она пытается снять абсурд смерти. Этот абсурд снимается тем или иным вариантом понимания бессмертия. Поэтому рассмотрение смерти и бессмертия в единстве и взаимообусловленности является, по мнению авторов настоящего исследования, отражением структуры танатологической проблемы в духовном мире человека.

Исторический взгляд на варианты осмысления проблемы позволяет выделить три взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга ментальных пласта понимания и объяснения смерти и бессмертия: 1) варианты **обыденного** понимания смерти и бессмертия, имеющие специфику у разных народов и изменяющиеся в процессе исторического развития; 2) варианты **религиозного решения проблемы**; 3) варианты философского **осмысления** смерти и бессмертия. В интересах раскрытия темы вышеназванные варианты будут рассматриваться через призму детерминации ими поведения человека, отношения его к жизни в целом.

На заре человечества зачатки знаний об окружающем мире дополнялись мифологической верой. Эти своеобразные вымыслы вместе с тем были связаны с реалиями мира и превращали их в объяснимые, более понятные для человека. Нельзя не согласиться с отношением К. Ясперса к этим истокам философствования: «В своих начатках философские мысли присутствуют в каждом человеке, в наиболее чистом виде иногда в детях. Обнаружить такие ходы мыслей, прояснять их и раскрывать, повторять их и узнавать в них то, что мыслилось на протяжении тысячелетий, – дело философии как превратившегося в профессиональное ремесло мышления»¹².

Идея бессмертия по своей сути имеет философский характер. Философия по глобальным историческим меркам возникла относительно недавно, идея же бессмертия жила в человеческом сознании задолго до первых цивилизаций. Одним из свидетельств этого является древнейший обычай преднамеренно хоронить мертвых. Как отмечает К.Л. Воропаева: «Этот обычай носит культовый характер, он выражает заботу о дальнейшем существовании умершего сородича, а это уже не что иное, как начало веры в сверхъестественное, веры в загробную жизнь, свидетельствующей о наличии религиозных воззрений»¹³.

¹² Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 431.

¹³ Воропаева К.Л. Существует ли загробная жизнь. – М., 1958. – С. 11.

Археологические раскопки захоронений каменного века могут в определенной мере свидетельствовать о наличии верований в послежизненное существование. Древние люди хоронили умерших в позе младенца, как в утробе матери. Тем самым они как бы хотели сказать, что после физической смерти начинается другая жизнь. Древние религии Шумера, Египта, Индии, Греции всегда имели в своей основе идею иммортализма, то есть бессмертия души. Иммортализм присущ всем культам и религиям, как древним, так и нынешним, он возник как естественная рефлексия людей на конечность биологической жизни и является архетипичным образованием. Это коллективный опыт всего человеческого рода.

Обратимся поэтому вначале к шумеро-вавилонскому эпосу. Сохранившиеся таблички со сказаниями о Гильгамеше, датируемые учеными примерно третьим тысячелетием до н.э., имеют развернутые в этом мифе представления о смерти и бессмертии. Причем они как бы превосходят представления библейские. На это обращает внимание Д.Г. Редер в своей книге «Мифы и легенды древнего Двуречья»¹⁴. Целью странствий и злоключений героя вавилонского эпоса Гильгамеша стало обретение личного бессмертия и бессмертия для людей, что и обусловило особое значение и звучание этого сказания.

На подвиги Гильгамеша подвигла смерть его любимого друга – Энкиду, над могилой которого он говорил: «Тело моего друга рассыпалось в прах и смешалось с землей. Я знаю, что и мне суждена такая же участь. Мое тело также превратится в прах и глину. Я страшусь смерти»¹⁵. Но есть в мифе и другие слова Гильгамеша: «Все деяния человека развеются как ветер. Я хочу оставить по себе добрую память, чтобы вечно повторялось мое имя»¹⁶. Сказание о Гильгамеше свидетельствует о том, что о смерти и бессмертии человек задумывался во все времена.

У славян смерть тоже мыслилась не прекращением существования человека, а лишь переходом его в другой мир. Загадочность и непостижимость смерти сама порождает веру в то, что жизнь непременно продолжится и после земной гибели, что душа бессмертна и ей уготовано место в загробном мире. Древние русичи вообще воспринимали себя частью самой Природы, самой Вселенной. Они наблюдали, как зарождается жизнь весной, а зимой цепенеет и засыпает мертвым сном. Вот и человек умирал, «вроде солнышко за облака теряется». В русских народных сказках все русские богатыри, оживляемые живой водой, заявляют: «Ах, как я долго спал!». А в похоронных причастиях мы можем услышать следующие слова: «Стань, пробудись, мой родимый батюшка, от сна крепкого, от крепкого сна, от мертвого»¹⁷. До сих пор умершего называют усопшим, то есть заснувшим.

Любопытен тот факт, что и сегодня кое-где на русском севере слово «жить» и слова, образованные от слова «жить» обозначают бодрствовать, не спать. Смерть у древних славян всегда крылата. Эта смерть – птица, прекрасная и молниеносная. «Сидит птичка на полянке, она хвалится, выхваляется, что никто от нее не отвилается: ни царь, ни царица, ни прекрасная девица».

Смерть несла стражу, охраняя живых. Позднее возникла идея бога – Крестоса. Бог Крестос стал хранителем перекрестков дорог, богом умерших – покровителем своего народа. Позднее Крестос будет христианизирован и превратится в Христа. То есть Крестос/Христос есть бог мертвых и покровитель живых.

¹⁴ Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М., 1965. – С. 12.

¹⁵ Там же. – С. 93.

¹⁶ Там же. – С. 85.

¹⁷ Гофман О. Русская книга мертвых. – СПб.: Питер, 2003. – С. 20.

В древнегреческой мифологии также широко представлена тема смерти и бессмертия. Тема смерти постоянно присутствует в событиях и сопровождает мысли и поступки греческих героев. Люди считались смертными, а смерть – естественным результатом жизни. Бессмертными были только боги. Лишь в исключительных случаях кто-нибудь из людей получал возможность приобщиться к бессмертным, но только по воле богов и через совершенство. Таким примером стал знаменитый Геракл. Он был смертен, но героической борьбой во время своей земной жизни заслужил бессмертие.

Чем проще, ограниченнее человеческое сознание, тем легче оно убеждается и самоубеждается в существующих коллективных представлениях о смерти и бессмертии. До позднего Средневековья в европейском сознании инвариантным оставалось естественное отношение к смерти как к необходимому жизненному атрибуту, который не вызывал характерных для настоящего времени тревог и страхов. Человек находился в спокойной атмосфере, ауре всеобщей уверенности в инобытии, переход в которое являлся пусть не рядовым событием, но и не тем, которое бы повергало в ужас.

Основой такого отношения к собственной кончине было не только устоявшееся в социуме ментальное клише, но и отсутствие индивидуализации, автономизации человеческого «Я». Сознание не выделяло своего носителя из социальной группы, к которой он принадлежал, не заострялось на собственном исчезновении.

В России похожее, спокойное, отношение к смерти сохранялось в деревнях среди крестьян вплоть до середины XX века. Патриархальный уклад жизни, традиционализм, низкий уровень миграционной подвижности (до 60-х годов XX века колхозники не получали паспортов), малая доля относительно образованных людей, всеобщая бедность, спокойная на уровне обыденного восприятия религиозность, коллективный труд, коллективные (всей деревней) похороны и поминки – все это помещало индивидуальное сознание и восприятие смерти в общее, единое, бесконечное жизненно-послежизненное русло («На миру и смерть красна.»).

Выработанные веками нравственные принципы взаимоотношений распространялись и на умерших. Их любили, уважали, вспоминали; ухаживали за могилами на кладбищах; в дни поминовений на столе для них ставилась посуда. Для живущих они были не окончательно исчезнувшими, а перешедшими в мир иной. Поэтому при жизни, особенно на ее финишной прямой, русский крестьянин готовился не к гибели, не к исчезновению, а к **переходу**.

Так как после смерти изменить ничего прижизненного нельзя, важным и значимым становилось такое отношение к окружающим, которое оставляет добрый след, добрую память. Ведь это уже остается навсегда. В связи с этим умирающий всегда просил прощения у каждого из односельчан, особенно у тех, с кем были конфликты, перед кем «был грех». Люди, конечно, прощали – ведь любому придется умирать, – и человек, исполнив долг перед живущими (равно перед Богом), не страшился собственной кончины.

Данный сюжет, сложившийся в результате авторских наблюдений и опросов, подтверждается содержанием произведений писателей-«деревенщиков» и других русских прозаиков.

У Толстого в рассказе «Три смерти» ямщик умирает на печи. Русский мужик знает, что он умирает, но относится к этому величественно и спокойно, он не интересуется даже в чем его болезнь. «Он знал и говорил, что смерть его пришла, и ничего больше»¹⁸. Кончина для него не являлась проблемой. А.И. Солженицын так описывает подобное отношение к смерти: «Сейчас, ходя по палате, он вспоминал, как умирали те старые в их

¹⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание соч. – М., 1931. – Т.5. – С. 166.

местности на Каме, – хоть русские, хоть татары, хоть вотяки, не пыжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, – все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, будто просто перебрались в другую избу»¹⁹. Смерть при данном отношении не отрывает человека от общества, коллектива, семьи. Не случайно в средние века погребения производились на территории городов и деревень. Живые и мертвые не разлучались, они оставались вместе «до конца времен». Так и сегодня в центрах японских мегаполисов можно встретить небольшие, ухоженные кладбища и семейные склепы, которые гармонично вписываются в городской ландшафт.

В европейском сознании индивидуализация человеческого «Я» начинается в позднем Средневековье. Позже эта тенденция закрепляется развитием экономических отношений. На начальном же этапе данного процесса духовная сфера оказалась не в состоянии выработать приемлемый умиротворяющий вариант взаимоотношений индивида и его личной смерти.

Эта ситуация нашла свое отражение в художественном творчестве того времени. «Пляски смерти» надолго стали тематическим стержнем изобразительного творчества. Й. Хейзинга в своей работе «Осень Средневековья» весьма выразительно передает это настроение: «В представления о смерти вторгается новый, поражающий воображение элемент, содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, ледящего страха. Всевластная религиозная мысль тут же переносит все это в моральную сферу, сводит к «memento mori», охотно используя подчиняющую силу страха, основанную на представлениях, окрашенных ужасом перед привидениями»²⁰.

В дальнейшем этот ужас снимается культурой Реформации. Индивидуальное сознание, не забывая о небесах, сосредотачивается на решении земных проблем. Этому способствовала и протестантская этика, придававшая естественным житейским заботам божественное оправдание.

Нельзя отрицать, что нормальное человеческое сознание, психика стремятся адаптироваться не только к внешним условиям, но и нацелены на гармонизацию, упорядочение внутреннего мира. Благодаря этому острота проблемы смерти и бессмертия в разные времена может снижаться, смягчаться, приобретать те или иные оттенки, но полностью абстрагироваться от нее развитое самосознание не может.

Дальнейшее развитие общества, изменение экономических и социальных условий жизни влияли на духовный мир человека. С нарастающей тенденцией, особенно в XX веке, в развитых странах усложняется культурная и связанная с ней социальная стратификация населения. Наряду с архетипичными, традиционными появляются новые реакции на временность земной жизни. Усложнение социальной структуры дифференцирует, разнообразит варианты отношений к смерти и бессмертию.

В этом контексте заслуживают внимания рассуждения Филиппа Арьеса, приведенные им в книге «Человек перед лицом смерти»²¹. Проведя философско-культурологический анализ отношения к смерти, он выделяет четыре основных параметра, определяющих понимание смерти и отношение к ней на всех этапах развития человеческой культуры. Такими параметрами, по мнению Ф. Арьеса, являются:

¹⁹ Солженицын А.И. Раковый корпус: собр. соч. – Frankfurt/Main., 1969. – Т. 2. – С. 115.

²⁰ Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М., 1989. – С. 157.

²¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.

- 1) индивидуальное самосознание, фиксирующее значимость индивида, группы и общества;
- 2) защитные механизмы против неконтролируемых сил природы, которые угрожают социальному порядку (одной из наиболее опасных сил является смерть);
- 3) вера в загробное существование;
- 4) вера в тесную связь между злом и грехом, страданием и смертью, которая образует базис мифа о «падении» человека.

Арьес Ф. выделяет **пять главных вариантов понимания смерти** и отношения к ней. Эти пять вариантов, взаимопроникая друг в друга, характеризуют различные смысловые формы отношений к смерти.

В этой классификации рассмотренное нами выше спокойное отношение к смерти может быть отнесено к варианту Ф. Арьеса, который он называет «прирученная смерть». Вторым вариантом – «смерть своя» – связывается Арьесом с развивающейся идеей страшного суда, причем суда не коллективного, а индивидуального. Происходит «открытие индивида, осознание в час смерти или в мысли о смерти своей собственной индивидуальности, личной истории, как в этом мире, так и в мире ином»²².

В XVII веке это привело к созданию новых кладбищ, которые выносятся за пределы городов. Возникает ощущение нетерпимости близости умерших и живых, вид трупа, скелета вызывает страх и ужас. Ужас и страх при виде трупа – это всего лишь перенос страха за свою жизнь. С этого периода страх перед смертью сопровождает человека всегда и становится экзистенциальной проблемой.

Третий, четвертый и пятый варианты понимания смерти приводят к развитию культурно-исторической трансформации страха перед смертью. Ф. Арьес назвал эти варианты соответственно: «смерть далекая и близкая», «смерть твоя» и «смерть перевернутая»²³. Вариант «смерть далекая и близкая» предполагает связь ужаса смерти с пониманием ее неизбежности, но не сейчас, а потом. При этом к смерти возвращается ее дикая, неукротенная сущность, и воспринимается это через страх перед ее неизбежностью.

Вариант «смерть твоя» вызывает в сознании человека новое явление – комплекс трагических эмоций, вызванных уходом из жизни близкого, любимого человека. Это явление связано с укреплением эмоциональных, духовных уз внутри семьи, ослабляется вера в загробную кару – смерть ждут как способ воссоединения с любимыми. Кончина близкого более тягостна, чем собственная. При этом варианте возникает тенденция к замещению страха перед смертью в чувство прекрасного через романтизацию.

В XX веке, когда развивается пятый вариант отношения к смерти, обозначенный Арьесом как «смерть перевернутая», страх перед смертью достигает такого предела, что даже само упоминание о смерти, само это слово становится невыносимым. Подобно тому, как несколько поколений тому назад в обществе считалось неприличным говорить о сексе, так после снятия этого запрета разговор молчания перенесли на смерть. Стало неприкрытым говорить о смерти и даже думать о ней, ее стараются скрыть, спрятать от глаз. В развитых странах Запада кончина человека обставлена так, что она становится делом одних лишь врачей и предпринимателей похоронного бизнеса.

Не во всем, безусловно, можно согласиться с Филиппом Арьесом в выделении им этапов развития отношения к смерти, но в логике его философско-культурологического анализа, несомненно, много ценного для нашего исследования отношения к смерти.

²² Арьес Ф. Указ. соч. – С. 287.

²³ Там же.

Любая классификация духовных феноменов объективно влечет их схематизацию, абстрагируется от частных, нюансов, то есть упрощает ментальную ситуацию. В действительности, наряду с общим в восприятии смерти и бессмертия, в каждом социуме находилось особенное, даже уникальное. Поэтому, осуществляя типологию, необходимо учитывать, что варианты понимания смерти и бессмертия взаимодействуют и взаимопроникают в зависимости от синергии объективных и субъективных факторов личностной экзистенциальности, что собственно и порождает постоянную напряженность и динамику развития представлений человека о его месте в мире живых и в мире мертвых.

Отношение к смерти меняется не только в истории как составляющая общественного сознания, но и в течение жизни каждого конкретного человека как составляющая индивидуального сознания. Изменение это связано с изменением условий жизни и мировоззрения индивида. Отношение к смерти у юноши, без сомнения, будет другим, чем у этого же человека, но в старости.

Понимание смерти и бессмертия изменяется и в случаях, когда человек кардинальным образом меняет род деятельности или образ жизни, когда изменяются условия жизни и случаются очень значимые для него события. В этом процессе есть более или менее устойчивые моменты. Наиболее устойчивым, архетипичным в отношении к смерти всегда был и будет страх смерти, хотя люди разных эпох и культур также боятся смерти по-разному. Наиболее мобильным моментом является индивидуальный смысл смерти. Устойчивость первого момента связана с его бессознательностью, а изменчивость второго – с осознанностью.

Естественно, что неразрешимая и в то же время не отпускающая человека проблема его смерти и бессмертия является главной, узловой во всех **религиозных учениях**.

Согласно Библии, смерть человека неизбежна, но древо жизни цветет в Эдеме. Значит, не все и не для всех еще потеряно: веди себя достойно и вкусишь от плодов его. Отношение человека к смерти всегда ставило вопрос и о возможности бессмертия. Все христианские богословы смотрели на земную жизнь как на странствие к отечеству небесному (Быт. 14: 11, 9; ср. Евр. 11: 13-16), а на смерть как на переселение к отцам (Быт. 25: 8; 35: 29; 9: 29). В «Екклесиасте» (стих 7, глава 12) говорится: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его».

Богом человек интересуется не из праздного и даже не из научного любопытства, а, прежде всего, потому, что от него зависит личная жизнь и судьба. Главное для индивида не бог и его атрибуты, а свои собственные жизненные проблемы, которые во что бы то ни стало надо решить, а без бога это сделать невозможно. Бог выступает как средство, с помощью которого достигаются личные цели. Для большинства верующих религия является, прежде всего, религией спасения. Если человек целенаправленно не занимается теологией, не является ученым-богословом, ему из религиозных учений ничего не нужно, кроме убедительных ответов на вопросы о смысле жизни и смерти.

Все религии выступают как спасители человека. Согласно мусульманскому вероучению, смыслом человеческой жизни является знание, ведущее к вечному блаженству, здоровью души. Для этого необходимо сделать свою жизнь свободной от эгоизма, зла и монополий. Путем к такой свободе является богобоязненность человека.

Коран в своих наставлениях перекликается с Библией: «Кто стремится к посеву для будущей жизни, тому Мы увеличим его посев, а кто желает посева для ближней, – Мы дадим ему его, но нет в последней никакого удела»²⁴. За творение несправедливости ждет человека мучительное наказание. «А те, которые веровали и творили благое, – в

²⁴ Коран. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – С. 337.

цветниках рая. Для них – все, что они пожелают, у их Господа. Это – великая милость!»²⁵. «Не вкусят они там смерти, кроме первой смерти; избавил Он их от наказания геенны... Это – великая награда»²⁶.

Свои особенности имеет буддистский вариант избавления человека от мучительных переживаний конечности своего бытия. В основе этого учения лежат так называемые «четыре благородные истины»: 1) жизнь есть страдание; 2) причины страдания – желания, жизненные привязанности человека; 3) чтобы освободиться от страданий, необходимо избавиться от желаний и привязанностей; 4) путь к избавлению от желаний – следование учению Будды.

Таким образом, те или иные религиозные концепции, предлагая свои, на первый взгляд отличающиеся друг от друга, варианты решения проблемы смерти и бессмертия сходятся в главном: обрести спасение человек может только в вере и служении Богу, Всевышнему. Сила и влияние религии заключается в том, что она дает законченную, готовую формулу отношения к жизни и смерти, используя присущую человеку потребность в этой формуле. Религия в полной мере учитывает естественные желания людей, она обещает им дать желаемое – индивид обретает гармонию жизнеощущения.

Вместе с тем, как показывает история развития наук о человеке, его сознанию свойственно воспринимать ценности не только в религиозном варианте, а как выведенные из самой жизни, из истории, доступные дискурсивному мышлению и доказательству. Причем с развитием человечества в исследованиях смерти и бессмертия философской составляющей постепенно отводилось все больше и больше места. Человеческое мышление, развиваясь и целенаправленно изменяя человеческую жизнь, стало относиться к самому себе с заслуживающим того доверием. Так, представитель современного экзистенциализма Ж.-П. Сартр считает, что философия должна решать вопрос о жизни и смерти без Бога и независимо от Бога. «Даже если бы Бог существовал, – пишет он, – это ничего бы не изменило... Это не значит, что мы верим в существование Бога, – просто суть дела не в том, существует ли Бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования Бога»²⁷.

Это позиция одного из известных мыслителей современности, история же развития философских взглядов на проблему показывает, что с древних времен и до рубежа XVIII-XIX веков большинство философов рассматривали бытие человека как должное, предопределенное божественной волей²⁸. Так, по Платону, человек не творит, а лишь реализует независимо от него и до него существовавшие идеи²⁹.

Сократ, готовясь умереть, не сомневается в будущем бессмертии. В диалоге с друзьями он заявляет: «Никаких оснований для недовольства у меня нет, напротив, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее, и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных»³⁰.

²⁵ Там же. – С. 337.

²⁶ Там же. – С. 347.

²⁷ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Ницше Ф. и др. Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 344.

²⁸ Авторы настоящего исследования отделяют философские учения о смысле жизни и смерти от религиозных (рассмотренных выше) по основанию приоритетности в них самостоятельного человеческого мышления, независимого от религиозных первоисточников (текстов божественного откровения). Теология исходит из священных текстов. Философия пытается отвечать на смысложизненные вопросы с помощью свободного мышления, опирающегося на реалии человеческого существования и на накопленные человечеством знания, связанные с исследуемой проблемой. В этом случае не исключается использование исследователем понятия бога как недостающего звена в логической цепи рассуждений. У разных философов понятие «Бог» при решении проблемы смерти и бессмертия отличается как по своему содержанию, так и по функциональной роли.

²⁹ Платон. Федон: соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2 – С. 42.

³⁰ Там же. – С.20.

Акцентирование внимания философов Античности на проблеме смерти говорит о том, что отношение к ней не было индифферентным. Она тревожила. Закономерно, что рассуждения многих мыслителей представляют своеобразную философскую терапию «больного смертью» человеческого сознания. Они рационально, логически убеждают себя и других, что смерть недостойна страха. Но коль приходится в этом убеждать, значит, страх был.

Характерны по этому поводу рассуждения Цицерона: «Причина, по-видимому, весьма сильно беспокоящая и тревожащая людей нашего возраста, – приближение смерти, которая, конечно, не может быть далека от старости. О, сколь жалок старик, если он за всю свою столь долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть надо либо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен... Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастен, либо даже буду счастлив?»³¹.

Эпикур же своим абсолютным рационализмом вообще устраняет человеческую встречу со смертью: «Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем»³².

Своеобразный кодекс взаимоотношений со смертью предложил в своих письмах к Луцилию римский философ и писатель Сенека. Его рассуждения можно свести в несколько заслуживающих внимания тезисов:

- смерть не впереди, а за плечами, так как все прожитые годы принадлежат ей;
- человек боится не смерти, а мыслей о смерти, поэтому о ней нужно постоянно размышлять, чтобы приучить сознание к спокойному восприятию смерти;
- здравый рассудок в состоянии избавить человека от страха смерти;
- жизнь ценна не продолжительностью, а качеством («как пьеса»);
- необходимо всегда быть готовым к смерти;
- если смерть человеку не страшна, то ему уже ничего не страшно³³.

Вот такая спокойная, трезвая рассудительность философа, направленная на преодоление страха смерти, вполне заслуженно превратила его нравственные письма к Луцилию в бессмертные, так как и в настоящее время во взаимоотношениях со смертью сознание человека находится в той же ситуации. Поэтому человек вынужден рассуждать. Действительно, если смерть неизбежна, философствующий рассудок ужасу и страху предпочтет, или будет стремиться предпочесть, спокойствие и достоинство, так как второе аксиоматически ценнее первого.

Через полторы тысячи лет идеи Сенеки эхом отозвались в «Опытах» Монтеня. «Конечная точка нашего жизненного пути – это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство, применяемое невежественными людьми, – вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой!»³⁴.

В борьбе со смертью Монтень применяет уже апробированное оружие: «Так как даже наилучшая броня от нее не обережет, давайте научимся встречать ее грудью и вступать с нею в единоборство. И, чтобы отнять у нее главный козырь, изберем путь,

³¹ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М., 1975. – С. 24.

³² Эпикур. Эпикур приветствует Менекея // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991. – С. 126.

³³ См.: Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Сенека и др. Если хочешь быть свободным. – М.: Политиздат, 1992. – С. 7-110.

³⁴ Монтень М. Опыты. Избранные главы. – М.: Правда, 1991. – С. 66.

прямо противоположный обычному. Лишим ее загадочности, присмотримся к ней, приучимся к ней, размышляя о ней чаще»³⁵. Даже одна из глав «Опытов» озаглавлена автором «О том, что философствовать – это значит учиться умирать».

Люди настолько обеспокоены своим бессмертием, что зачастую начинают рассуждать о нем прежде, чем зададутся вопросом о сути своей смертности. Хрестоматийный тезис Эпикура об отсутствии контакта человека со смертью оригинально был развит блаженным Августином в его «Исповеди» и работе «О граде Божиим». Он задается вопросом, когда же человек бывает в смерти (ибо тогда он бывает умирающим), чтобы соответственно каждому из трех состояний, которые мы называем бывающими до смерти, в смерти и по смерти, были: живущий, умирающий и умерший.

Августин приходит к выводу, что пока душа находится в теле, человек является живущим; когда же душа покинет тело и уничтожит всякую чувствительность в нем, он признается умершим. Умирающим же человек не бывает, так как переход от живущего к умершему не имеет временного измерения.

Эта первая смерть (расставание души с телом) еще не смерть. Настоящая смерть – **вторая** – уготована неправедным людям, творившим на земле не добро, а зло. Она не состоит из отделения души и тела, а обнимает их для вечного наказания. Там же, не как здесь, не будут люди до смерти и по смерти, а постоянно в смерти; и потому никогда не будут живущими или умершими, а будут без конца умирающими. И никогда не будет для человека чего-либо худшего в смерти, как когда сама смерть будет бессмертной³⁶.

Понимание бессмертия души позволяет сосредоточиться не на смерти, а на решении жизненных проблем. В эпоху Просвещения доминирует вера в гуманизм, прогресс и торжество человеческого разума. Но путь мудрости требует труда и, прежде всего, труда философского. «В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особого труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко»³⁷. Эта констатация отнюдь не отменяет доминирования философского оптимизма над пессимизмом во взглядах на жизнь, смерть и бессмертие человека. Ведь ему путь к мудрости и спасению не заказан.

Вместе с тем развитие естествознания в механическом русле и складывание капиталистических отношений, весьма далеких от гуманистических прогнозов, постепенно наращивали минорную струю реализма во взглядах на человека. Вселенная предстала бесконечной, и на фоне ее масштабов проблемы жизни индивида и сам он оказались своеобразными песчинками в пустыне.

Поиски решения проблемы смерти и бессмертия через включение разума человека и попытки рационализации религиозных вариантов завершились философией А.Шопенгауэра, которая явилась своеобразным апофеозом жизненного пессимизма.

Шопенгауэр приходит к выводу, что «могучая привязанность к жизни неразумна и слепа и объясняется только тем, что все наше внутреннее существо есть бессознательная воля к жизни, а потому жизнь и кажется высшим благом. Познание же, по мнению Шопенгауэра, через раскрытие брэнности жизни позволяет победить страх смерти. «Когда оно, познание, берет верх и человек спокойно и мужественно идет навстречу смерти, то это прославляют как великий и благородный подвиг: мы празднуем тогда славное торжество познания над слепой волей к жизни, – волей, которая составляет все-

³⁵ Там же. – С. 69.

³⁶ См.: Августин. О граде Божиим // Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. – Киев, 1906. – Ч. 3. – С. 300-304.

³⁷ Спиноза Б. Этика // Указ. соч. – С. 590.

таки ядро нашего собственного существа»³⁸. С другой стороны, отмечает Шопенгауэр, люди презирают тех, кто любыми способами цепляется за жизнь, малодушничает и встречает смерть с отчаянием, хотя это всего лишь проявление нашей природной сущности. Здесь было бы уместным привести мысль, высказанную Цицероном: «В гладиаторских боях мы обыкновенно презираем робких и униженно молящих о пощаде; наоборот, мы хотели бы сохранить жизнь тех, кто храбр и мужествен, кто сам отважно предает себя смерти»³⁹. Шопенгауэр справедливо ставит вопрос, каким образом «безграничная любовь к жизни», если она и есть наше существо, могла оказаться презираемой и низкой в глазах общества. Для ответа на этот вопрос он делает несколько выводов: «Итак, эти соображения подтверждают для нас то,

- 1) что воля к жизни – сокровеннейшая сущность человека;
- 2) что она сама по себе бессознательна, слепа;
- 3) что познание – это первоначально чуждый ей, дополнительный принцип;
- 4) что воля (к жизни – авт.) с этим познанием враждует и наше суждение одобряет победу знания над волей»⁴⁰.

Из данных суждений ясно видно, что Шопенгауэр через отношение к смерти раздваивает сущность человека на природную и духовную. При этом в экзистенциальности человека сущность духовная, находясь в противоречии с биологической, все более и более преобладает. Именно поэтому в силу очевидной неизбежности смерти организма и осознания этого индивидом при познании страх перед смертью биологической вытесняется духовной сущностью человека и, прежде всего, такими ее составляющими, как мораль и вера. Таким образом, коли жизнь организма не абсолютна и его смерти избежать нельзя, то человек с необходимостью ищет опору в жизни духовной. Так он и обретает бессмертие. Трусость и малодушие – это, таким образом, не только смерть духовная, которую и надо бояться более всего, но это еще и невежество, признак инфантилизма.

XX век подтвердил, что проблема смерти и бессмертия остается вечной в философии. В новых социальных условиях, на новом уровне культуры философы, вместе с тем, обречены обращаться к тем же, рассмотренным выше, вариантам анализа. При этом предпринимаются попытки углубить исследование темы или внести новые аспекты в ее методологию и содержание. Так, например, профессор философии Олвин Плантинга (США), пытаясь доказать существование души, рассуждает: «Мне кажется возможным, что с помощью какой-то технологии будущего все части моего тела можно будет быстро заменить другими, и при этом я буду оставаться в сознании... Если такое произойдет, то я не перестану существовать, хотя мое тело фактически будет уничтожено. Следовательно, я могу существовать отдельно от тела: я не тождествен ему, и отличен от него»⁴¹.

Подобные рассуждения могут быть интересными, оригинальными, но все же не в состоянии разорвать замкнутый круг. Человеческий разум не в состоянии познать самого себя (душу). Субъект познания должен быть сложнее объекта. Не случайно, чтобы быть до конца логичными, большинство участников современной дискуссии по этой вечной теме вынуждены в данный вариант бессмертия включать Бога как необходимый элемент доступной для понимания системы⁴².

³⁸ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – С. 93-94.

³⁹ Цицерон. За Ания Милона // Цицерон М.Т. Избранные речи М. Тулия Цицерона: пер. [и предисл.] А.Клеванова. – М.: Салаев, 1876. – 430 с.

⁴⁰ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – С. 94.

⁴¹ Великие мыслители о великих вопросах: современная западная философия. – М., 2001. – С. 80-81.

⁴² Там же.

Оппонирующую позицию по отношению к таким концепциям занимали отечественные философы советского периода, рассматривавшие смерть и бессмертие через призму атеизма. Атеизм всего лишь исключает веру в Бога, но проблемы смерти и бессмертия не устраняет. Он всего лишь трансформирует понимание смерти и бессмертия, переводя решение этой проблемы в социальную плоскость, когда имеется в виду бессмертие в творениях, делах и поступках. В сущности, это понимание бессмертия стоит на варианте веры, что «весь я не умру!». Пушкин, когда писал «Памятник», имел в виду именно бессмертие в творениях: «Душа в заветной лире мой прах переживет...»⁴³. Жесткая советская философская критика религиозных концепций смерти и бессмертия лишний раз подтверждает важнейшее значение этих вопросов для людей, живущих в любые времена.

Современные сциентисты, космисты предлагают свои варианты спасения, воскрешения. Если нельзя не умирать, то можно «уйти в машину». Мысли живущих можно поместить в книги, компьютеры, видеотехника сохранит их образы для потомков. Некоторые «спасатели» заходят так далеко, что готовы на базе информационных технологий воссоздавать предков на небиологической основе.

Новым витком осмысления темы отношения к смерти и бессмертию в современных условиях явилась философия экзистенциализма. Экзистенциальная философия утверждает, что отношение к смерти не обязательно постоянно присутствует в сознании человека, но, тем не менее, оно представляет собой необходимое условие для достижения подлинного существования.

Эти проблемы обостренно, неравнодушно заявлены в экзистенциальной философии М.Хайдеггера. Человек, по Хайдеггеру, это сущее, вопрошающее о смысле своего бытия. Он пытается понять «здесь – бытие», способ существования которого экзистенция. Человек выбирает себя в мире («бытие – в мире»), осуществляет проектирование жизни и обнаруживает границы своих возможностей. Поэтому его состояние можно охарактеризовать как озабоченность. Особую остроту озабоченности придает будущая смерть. Можно избавиться от этой озабоченности, забыв про смерть, отдавшись делам повседневности. Но такой выбор, по мнению Хайдеггера, будет неподлинной экзистенцией. Человек в этом случае утрачивает свое «Я» и превращается в безликого «Ман». «Мы должны будем... в качестве полного существа экзистенции мыслить одновременно стояние внутри нее (забота) и выдерживание в предельном (бытие к смерти)»⁴⁴.

К мысли об акцентировании внимания на смерти Хайдеггер возвращается в своих работах неоднократно. «Речь не о готовности к смерти, а о принятии человеком своей смертности», о безусловном знании, что (здесь можно сказать словами поэта Державина) «река времен... поглотит все дела людей». Только знание (опыт) смертности освобождает человека от затерянности в «людях» (das Man), высвобождает его для возможного подлинного бытия. От смертности как таковой человек еще не умирает; оттого, что он в силах принять свою смертность, «способен» к смерти, его жизнь перестает быть голой биологией и открывается для биографии (истории)»⁴⁵.

Заставляя человека преодолеть страх смерти и взглянуться в смерть, в свое ничто, Хайдеггер, таким образом, изменяет взгляд индивида на свою жизнь и судьбу. Человек смотрит на свои сегодняшние дела и поступки как бы из могилы, из тех времен, когда его не будет. В результате ценность и смысл каждого мига соотносятся со всей жизнью и

⁴³ Пушкин А.С. Лирика 1826-1836 гг. – М.: Советская Россия, 1981. – С. 278.

⁴⁴ Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Время и бытие: статьи и выступления. – М., 1993. – С. 31.

⁴⁵ Хайдеггер М. Вещь // Указ. соч. – С. 324.

даже с тем, что будет после жизни. Благодаря такому взгляду, каждый отдельный выбор поступка определяется не только и не столько сиюминутным интересом, сколько необходимостью обеспечения смысла всего бытия человека, в том числе и послежизненного. Миг настоящего приобретает такую значимость, от которой зависит вся судьба человека.

В русле экзистенциализма также работала целая плеяда оригинальных западных философов (С.Кьеркегор, А.Камю, Ж.-П. Сартр, Ж. Маритен и др.). В размышлениях о смерти и бессмертии у каждого из них есть свои нюансы. Но всех их объединяет рассмотрение человека как свободного индивида, несущего личную ответственность за свое прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, исследование в настоящем параграфе понимания смерти и бессмертия позволяет констатировать широкий диапазон вариантов отношений к этой вечной проблеме, определяемых множеством факторов.

Во всех вариантах и уровнях осмысления смерти и бессмертия во все времена просматривается своеобразная константа, которой является взаимосвязь исследуемых феноменов с жизнью. Причем отношение к жизни становится детерминантой отношения к смерти и бессмертию, и, наоборот, смертность человека, временность его земного бытия ставят сознание перед главным жизненным вопросом: «Зачем, ради чего и как жить?».

Этот общечеловеческий вопрос у профессионального военного в любой момент может по воле политиков переформулироваться: «Зачем, ради чего и как воевать?» Причем смерть окажется «не за горами», не в дальней перспективе, а рядом. Проблеме взаимоотношений с ней в таких условиях и посвящен следующий параграф.

2.2. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ ВОИНОМ В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

Философский анализ смерти и бессмертия, установление их взаимосвязи со смыслом жизни являются общими как для воина, так и для представителя любой другой профессиональной группы. Поэтому имеются все основания непосредственно экстраполировать рассмотренную выше смысложизненную детерминацию бессмертия человека на жизнедеятельность военнослужащего. Но взгляд на данную детерминацию через призму конкретного высвечивает в ней то специфическое, что позволяет выполнять воинский долг на грани жизни и смерти.

Важнейшей особенностью отношения к смерти и бессмертию воина является ярко выраженное доминирование в сознании значимости нравственного содержания смысла жизни, связанного с выполнением воинского долга перед Родиной. Смысл смерти и бессмертия всегда связан со смыслом жизни и, прежде всего, с ее нравственной составляющей. Сама смерть, ее условия и отношение к ней воина накладывают отпечаток на социальную оценку его жизни. Именно поэтому готовность к самопожертвованию воина в период выполнения боевой задачи – это реализация жизненного смысла и результат духовности высшего уровня, имманентно содержащей идею бессмертия. Не случайно все мировые религии подобное поведение отмечают как ценность и воздаянием за него обещают рай. Спасение от смерти любой ценой, через попрание морали и нравственных ценностей приводит к утрате человеком смысла жизни, т.е. противоречит самой жизни. Сократ отмечал: «Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре»⁴⁶.

⁴⁶ Цит. по: «Энциклопедия афоризмов». – М.: ООО «Изд-во АСТ», 1999. – С. 517.

Утрата смысла жизни – это уже смерть, но не физическая, а духовная. Следующий шаг – смерть физическая, быстрая через суицид, либо медленная и мучительная через наркоманию, пьянство, угрызения совести, депрессию, психозы и т.д. Неслучайно Н. Бердяев утверждал: «Физическая смерть менее страшна, чем смерть духовная»⁴⁷.

Природа дала всему живому, и человеку в том числе, инстинкт самосохранения, но рассматривать его необходимо целостно и полно не только как тенденцию индивидуализма и эгоизма, но и как проявление коллективизма и альтруизма. Именно поэтому в природе преобладает такое поведение животных, когда они всеми способами защищают свое потомство и свою стаю. Подобное поведение характерно и для человека: родители оберегают детей, социальная группа отстаивает интересы своих членов, а члены социальной группы – интересы всей группы, воин профессионально с оружием в руках защищает свою страну...

Если в животном мире поведение обусловлено инстинктами, то в общественной организации в качестве естественного регулятора поведения выступает мораль. Наша нравственность, как справедливо утверждал Ч. Дарвин, а за ним и П.А.Кропоткин, – это результат борьбы личного и общественного инстинкта. Причем общественный инстинкт в конечном итоге всегда побеждал, иначе не было бы уже самого человечества⁴⁸. Что касается нравственности воина, то она, безусловно, предполагает главенство общественного над личным, иначе не было бы воина, жертвующего свою жизнь за жизнь других. Воин непосредственно стоит у истоков решения вопроса: жизнь или смерть? Он, воин, призван убивать! Для решения боевой задачи воину приходится лишать жизни других людей – врагов своей страны. Воин-командир вынужден принимать решения и посылать в бой своих подчиненных, которые при этом, возможно, погибнут. А поскольку воин призван решать вопрос самой жизни других людей, он в первую очередь вынужден и должен решать вопрос собственной жизни или собственной смерти. Все вопросы воинской деятельности, какие бы ни решал воин, так или иначе связаны с вопросами жизни и смерти. Именно на этой основе выработались все нормы воинской морали и исторически закрепились как ценности человеческой культуры.

Война не может оцениваться абстрактно: отрицательно (как современными пацифистами) или положительно (как, например, Гегелем). Нужен конкретный подход: кем, по какой причине и во имя чего осуществляется вооруженное насилие? Объективные ответы с позиций нравственности на данные вопросы возможны. Эти ответы дают основание оценивать действия каждой из воюющих сторон как справедливые или несправедливые (по аналогии с индивидуальным физическим насилием). Исходя из нравственной сути смысла жизни, можно констатировать, что участник боевых действий, адекватно оценивающий цели и интересы субъектов политики, объективно и субъективно не утрачивает этот самый смысл лишь при условии справедливой войны. Поэтому в настоящем исследовании взаимосвязь понимания смерти и бессмертия с морально-боевыми качествами воина рассматривается в контексте его участия именно в справедливой войне. При этом условии действия воина не только оправдываются, но и получают со стороны общества высшие нравственные оценки.

Аналогичный подход просматривается в христианстве при целостном взгляде на это учение. Хотя иногда можно встретиться с предубеждением, что христианство не приемлет войны, а христианская этика носит антимилитаристский характер.

Христос, уча любви к ближнему и всепрощению, дал понять своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царствия Божия. «Не думайте, что Я

⁴⁷ Бердяев Н. Судьба России. – М., 1918. – С. 179.

⁴⁸ См.: Кропоткин П.А. Этика // Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 45-66.

пришел принести мир на землю – не мир пришел Я принести, но меч...» (Матф. X, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях – не ужасайтесь, ибо всему надлежит быть прежде» (Матф. XXIV, 6; Марк. XIII, 7; Луки XXI, 9). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи на орала» и бросить военную службу как занятие Богу негодное. Наоборот, отбытие воинской службы – самого тяжелого из всех налогов, является воздаянием: «Кесарево – кесарю» (Матф. XXII, 21; Луки XX, 25). Ошибка «непротивленцев злу» заключается в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Матф. V, 39-40; Луки VI, 29). Этим Он определил личное отношение человека к человеку. И Христос снес багряницу и терновый венец как относившийся к нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню – Дом Отца Его, Он свил бич из веревок и выгнал их вон. Таким образом, в Новом Завете четко определено, что необходимо смирение, если злобствования относятся к вам лично. Но если ближний посягает на высшие ценности – наш долг воспротивиться ему.

Христос не говорил, что взявшие меч погибнут от гнева Господа или от болезней и природных катаклизмов. Взавшие меч погибнут именно от меча. Но для того чтобы погибнуть от меча, нужно поднять меч за добро – прибегнуть к справедливой войне. Остальные же все равно погибнут, но не от меча. Св. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя Сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую землю восстать на угнетателей.

Герои-воины, положившие свою жизнь за Отечество и веру, признаются праведниками и святыми. В 1813 г., во время войны с французскими захватчиками, святитель Московский Филарет говорил своей пастве: «Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество – ты примешь жизнь и венец на небе»⁴⁹. Смерть на поле боя за правое дело православие понимает как путь достижения бессмертия.

Замечательны в этом отношении рассуждения известного религиозного философа И. Ильина: «Взявший меч готов убить; но он должен быть готов к тому, что убьют его самого; вот почему приятие меча есть приятие смерти, и тот, кто боится смерти, тот не должен братья за меч. Однако в любви не только отпадает страх смерти, но открываются те основы и побуждения, которые ведут к мечу. Ибо братья за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле»⁵⁰. Природа меча не в нем самом, а в человеке, взявшем его. Свят он в руках святых и мерзок в руках разбойничьих. Своей же собственной правды он не имеет.

Воинская мораль лежит в контексте проблемы жизни и смерти, смысла жизни человека. Выполнение норм этой морали, т.е. долга, и есть реализация смысла жизни воина и его деятельности. Сущность этого процесса, естественно, не всеми осознается на уровне философии, но система воспитания должного поведения в обществе позволяет достичь реализации смысла воинской деятельности даже без его собственного интеллектуального постижения индивидом. Поведенческая схема для него заложена и транслируется культурой общества, в котором он живет. В общественном сознании за многие тысячелетия опыта социального сожития сложился тип героя с присущими ему

⁴⁹ Цит. по: Основы социальной концепции Русской православной церкви. Отдел внешних церковных связей Московского патриарха. – 2000. – № 8. – С. 10.

⁵⁰ Ильин И.А. О силе, мече и праведности // Христоролюбивое воинство. – М.: Военный университет, 1997. – С. 49.

качествами. Этот тип приобрел семиотическое значение для большинства носителей культуры, он стал критерием оценки жизни и всей деятельности. Именно поэтому при знакомстве с поведением, соответствующим типу героя, у людей возникает чувство, которое уместно обозначить такой эстетической категорией, как возвышенное. М. Бахтин по этому поводу писал: «Героизуя других, создавая пантеон героев, приобщиться ему, помещать себя в него, управляться оттуда своим желанным будущим образом, созданным, наподобие других. Вот это органическое ощущение себя в героизованном человечестве, своей причастности ему, своего существенного роста в нем, укоренение и осознание, осмысливание в нем своих трудов и дней – таков героический момент биографической ценности»⁵¹.

Таким образом, тип поведения, в данном случае воина, связанный с особой жертвенностью своей жизнью, от чисто прагматического, материального и даже физического постепенно переходит к этическому, правовому и эстетическому восприятию. В такой материально-духовной системе тип поведения наиболее устойчив, он становится базовым и вливается в культурный архетип социума.

Социальная значимость жертвенного и самоотверженного поведения естественным образом порождают систему военного воспитания в обществе. Такая система сложилась в глубокой древности. Трансформируясь с годами в различных обществах, она неизменным оставляла главное и основное – воспитание чувства долга и способности к самопожертвованию ради выполнения требований долга. Так было в Античной Греции, и особенно в государстве воинов – Спарте, так было в период Средневековья, когда воспитывали воина-рыцаря, так было в Новое время в Европе и в Азии, так осталось теперь. Менялись формы и средства воспитания воина, но формирование такого объективно необходимого отношения к смерти и бессмертию оставалось инвариантным.

Военная культура как субкультура в силу понятной всем специфики всегда предполагала особое отношение к смерти. В боевой обстановке нравственность, как и все иные слагаемые жизни человека, переводится на «военные рельсы». Если нравственность как духовное образование обеспечивает жизнь людей, то она естественным образом призвана нравственно обеспечивать и жизнь людей в экстремальных, экстраординарных условиях. Эти условия вносят коррективы в мораль, трансформируют ее под условия выживания. Поэтому нравственная оценка поведения людей в условиях экстремальности, чтобы быть в максимальной степени объективной, должна производиться с учетом естественной трансформации нравственных установок в условиях выживания. Так, экстремальность диктует жесткую логику построения морали в условиях войны и боя: «Враг не способствует моей жизни – значит и он и все, что он делает, безнравственно! Нравственно то, что способствует нашей жизни в самом широком смысле этого слова!». Нравственность, как и сама жизнь на войне, носит фатальный характер.

Воин, чтобы победить и выжить, должен желать смерти своему врагу. Все, что ни делает воин (боевая учеба, работы по обслуживанию техники и вооружения, несение караульной службы и пр.), имеет один главный смысл – выполнить долг, а значит, победить, значит, уничтожить врага, иначе придется умереть самому, так как у врага есть прямо противоположное стремление. Эта предельно простая логика войны порой вызывает жесткое неприятие со стороны некоторых пацифистов, которые анализ проблемы начинают не с причин войны, а с самой войны, в результате чего она (а не интересы субъектов власти) оказывается абстрактным источником зла и насилия.

⁵¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 176-177.

Николай Бердяев в связи с этим отмечал: «К войне невозможно подходить доктринерски-рационалистически. К сфере относительного не применимо абсолютное. В исторически телесном мире нет ничего абсолютного... В историческом теле, в материальной ограниченности невозможна абсолютная божественная жизнь. Мы живем в насилии, поскольку живем в физическом теле. Законы материального мира – законы насилия»⁵². Воин более всего не желает военного насилия, так как ему при этом придется умирать лично. Н. Бердяев делает вывод: «Убийство – не физическое, а нравственное явление и оно, прежде всего, совершается духовно. Стреляющий и колющий солдат менее ответственен за убийство, чем тот, в ком есть руководящая воля к победе над врагом, непосредственно не наносящая физического удара... Мы все, так или иначе, участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, принимаю национальность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу победы русским, я участвую в войне и несу за нее ответственность. Когда я желаю победы русской армии, я духовно убиваю и беру на себя ответственность за убийство, принимаю вину. Низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую»⁵³.

У воина нет отвлеченного отношения к смерти. Если не участвующий в боевых действиях может рационалистически, со стороны, без всякой угрозы быть убитым, рассуждать об ужасах войны, то воин, находящийся в этом ужасе, видящий множественные случаи смерти друзей, несущий смерть для врага и ожидающий ее для себя, должен иметь нравственное оправдание всему происходящему. Логически оправдать собственную смерть можно только тем, что дороже жизни, а такой ценностью является нравственное понимание смысла жизни. На обыденном уровне это понимание проявляется в том, что человек не может, не способен совершить подлость, предательство по отношению к своим товарищам. Воин, видя перед собой смерть, не хочет умирать, любит жизнь как никто другой, так как ощущение ее краткости повышает ценность каждого временного отрезка. Но каждое мгновение жизни ценно благодаря наличию в нем нравственного смысла. Он готов сделать все возможное, чтобы сохранить такую жизнь, но не ту жизнь, которую он презирает. Причем невозможность подобной альтернативы должна быть осмыслена рационально и заранее.

Благодаря такому отношению к смыслу жизни, реальной особенностью восприятия воином смерти и бессмертия становится **адаптация, приспособление сознания к несущей смерть реальности в условиях боевой обстановки**. Смерть товарищей и угроза собственной жизни вводят эти понятия в повседневное бытие человека в условиях войны. Множественные случаи смерти приучают человека жить под постоянной угрозой для жизни, риск является атрибутом повседневной деятельности военнослужащего.

Воину, чтобы жить и выжить, необходимо перестать быть рабом смерти, необходимо освободиться от страха перед ней. Страх сковывает, делает жизнь невыносимой, а вероятность гибели при этом повышается. Страх перед смертью или пренебрежительное отношение к ней деструктивны для воина. Поэтому необходима адаптация сознания воинов, которая предполагает привыкание к опасности, а также и проживание смерти на духовном уровне. Очень показательны в этом отношении предписания бусидо («Путь воина»). Так называли в древней Японии свод правил и установлений, регламентирующих поведение и повседневную жизнь самураев – воинского сословия, определяющего историю своей страны на протяжении столетий. Так, например, великий самурай Дайдодзи Юдзан свой трактат начинает так: «Самурай

⁵² Бердяев Н. Судьба России. – М., 1918. – С. 182.

⁵³ Там же. – С. 181.

должен, прежде всего, постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, – что он должен умереть. Вот его главное дело. Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почтительностью, избегнуть мириада зол и несчастий, уберечь себя от болезней и бед и насладиться долгой жизнью. Он будет исключительной личностью, наделенной прекрасными качествами. Ибо жизнь мимолетна, подобно капле вечерней росы и утреннему инею, и тем более такова жизнь воина»⁵⁴. И здесь нет парадокса. Действительно, жить и радоваться жизни воин может, лишь преодолев чувство ужаса перед смертью. В этом случае сознание обеспечивает адекватное поведение в условиях опасности для жизни, а значит, повышается вероятность победы и возможности «насладиться долгой жизнью».

Эти рекомендации самураю не расходятся со взглядами на проблему европейских мыслителей. Достаточно вспомнить, что особое внимание проблеме «приручения» смерти уделяли такие известные западные философы, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Фромм и другие. Особое звучание проблема «приручения» смерти, естественного отношения к ней, приобрела также у западных военных теоретиков и военачальников, которые стремились подготовить подчиненных к особым условиям боя и войны. Клаузевиц в своих исследованиях доказывает, что подготовка войск в мирное время с необходимостью должна воспитывать привычку преодолевать опасности и «трения», т.е. трудности. «Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу – к опасностям, рассудок – к осторожности... Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца... Крайне важно, чтобы военный любого ранга на войне не впервые столкнулся с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы»⁵⁵.

Анализируя поведение воинов в бою и результаты военных действий, военные исследователи пришли к убеждению, что к победе и выживанию более способны те воины, которые, как говорил Клаузевиц, освоились с мыслью о необходимости выполнить воинский долг даже ценой жизни. Обобщая исследования Клаузевица, Суворова, Драгомирова, Скобелева, вице-адмирал С.О. Макаров делает вывод: «Каждый военный человек действительно должен воспитать в себе сознание того, что ему придется пожертвовать свою жизнь»⁵⁶. Часто в условиях боя ощущение риска для жизни настолько сильно, что выдержать эту психологическую нагрузку может только подготовленный к этому воин. Клаузевиц отмечает: «Дабы в подобную минуту не лишиться спокойствия и твердости..., нужно освоиться с мыслью – погибнуть с честью. Эту мысль должно благовейно сохранять и непрерывно в себе питать, дабы с ней совершенно свыкнуться»⁵⁷. Военный человек воспитывается для боя и в силу этой специфики он живет под постоянной угрозой смерти. В какой-то степени он похож на неизлечимо больного человека, который знает свой диагноз, но не знает, когда наступит его срок. Такой человек продолжает жить, работать, общаться с людьми, зная и

⁵⁴ Книга самурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон. – СПб.: «Евразия», 2001. – С. 14.

⁵⁵ Клаузевиц К. Фон. О войне: в 2 т. – СПб.: Terra Fantastica, 2002. – Т.1. – С. 116-117.

⁵⁶ Макаров С.О. Мир не вечен... «Рассуждения по вопросам морской тактики» и другие сочинения адмирала С.О. Макарова. – СПб.: Элмор, 1997. – С. 151.

⁵⁷ Цит. по: Макаров С.О. Указ. соч. – С. 150.

смирившись, что, возможно, через год, месяц, а может быть неделю, он умрет. Надежда выжить существует, но как маловероятная счастливая случайность.

Для война смерть не является чем-то таким, что было бы для жизни внешним и чуждым, она представляет собой неотъемлемую часть самой его жизни. Задача подготовки воинов к боевой деятельности состоит в том, чтобы через экзистенциальное усвоение смерти ввести это событие в самую жизнь. Достижение этой цели осуществляется через особое отношение к смерти и бессмертию: воин как субъект, думая о своей смерти, мысленно проживает свою жизнь и усиливает ее личное восприятие, и это проживание и усиленное восприятие радикально изменяет саму жизнь. В данном случае речь идет не только о придании воину стойкости в час смерти и даже не о поведении в час смерти, но речь идет, прежде всего, о значении знания о возможной смерти для самой текущей жизни. Напускное равнодушие при мысли о смерти, показная храбрость – это лишь искусственное сокрытие желания жизни и тем самым бегство от самого себя. Без осознания смерти живут все животные, в том числе и человек, пока он остается в плоскости естественного биологического бытия. Другими словами, без осознания смертности человек поступает в ситуациях риска для жизни как биологический организм, как животное. Естественно, возникает вопрос, сможет ли человек, находясь лишь на уровне биологического бытия, реализовывать свои высшие возможности? Ответ на этот вопрос очевиден. Инстинкт самосохранения, как онтогенетическая программа индивида, бросит война в бездну бесчестия и позора, а в условиях современного боя, скорее всего, приведет и к биологической гибели. Таким образом, мужество, отвага, храбрость, боевое мастерство – это те качества, которые связаны не с онтогенетической, а филогенетической составляющей личности война. Осознание воином личной смертности детерминировано филогенетическими общественно значимыми установками война.

В свою очередь, участие человека в боевых действиях оказывает существенное влияние на его восприятие смерти и бессмертия. З. Фрейд в статье «Мы и смерть» писал: «Наш договор со смертью... перестает соблюдаться так, как прежде. Мы уже не можем упускать смерть из виду, нам приходится в нее поверить. Теперь люди умирают по-настоящему, и не единицы, а во множестве, подчас десятки тысяч в день. К тому же теперь это уже не случайность»⁵⁸. Фрейд четко разделяет людей в их отношении к смерти на две категории: тех, кто непосредственно участвует в войне и рискует собой, и тех, кто остался дома и наблюдает за войной, опасаясь утраты близких. Он отмечает: «Крайне интересно было бы, если бы мы обладали возможностью исследовать, какие душевные изменения влечет за собой у воюющих готовность к самопожертвованию. Но я об этом ничего не знаю; я, как и вы все, принадлежу ко второй группе, к тем, которые остались дома и дрожат за дорогих им людей»⁵⁹. Как видим, Фрейд считал невозможным из мирных буден рассмотреть «душевные изменения» воюющих.

Ключом к открытию специфики изменений сознания человека, участвующего в войне, может быть сравнительный анализ отношения к проблеме в естественных условиях и в ситуации боя. Естественные условия (ординарное существование) формируют некую экзистенциальную позицию, которая основана на одной из важнейших психологических систем, определяющих наше осознание жизни, – системе неуязвимости. Психологическая система неуязвимости представляет собой защитную конструкцию, предохраняющую наше «эго» от угрозы небытия. Смерть где-то далеко, за горизонтом, а сегодня я молод, здоров, и впереди счастливое будущее. Дейл Карнеги

⁵⁸ Фрейд З. Мы и смерть // Хрестоматия «Психология смерти и умирания». – Минск: Харвест, 1998. – С. 186.

⁵⁹ Там же. – С. 187.

вообще предлагает жить в «отсеке сегодняшнего дня», не загружая сознание вчерашними и завтрашними проблемами⁶⁰.

Но повседневность нашей жизни часто «сотрясается» вторгающимися в нее катаклизмами, которые нарушают размеренный ход устоявшегося, ординарного существования. Существование в модусе неповседневности (трансординарное существование) вызывает к жизни проблему бытия личности в условиях угрозы небытия.

В этой ситуации существование человека выходит за пределы повседневности, приобретая черты аномальности, катастрофичности, запредельности. В современных публикациях преобладает психологический подход к анализу трансординарного существования, что, с одной стороны, позволяет увидеть механизм функционирования психики в этих условиях, а с другой – сужает аналитическое русло исследования и делает видение проблемы фрагментарным⁶¹.

Философский же анализ трансформации личности под воздействием экстремальности позволяет подойти к решению проблемы шире и рассмотреть ее через призму многообразия проявления бытия личности и ее функционирования в обществе. Подобный подход преодолевает психологическую трактовку трансформации личности в условиях экстремальности только как негативность.

Бытие личности в условиях угрозы небытия может вызывать трансформации не только негативные (синдром, травма), но и позитивные, связанные с целеполаганием и отношением к смыслу жизни. Угроза небытия, осмысление этой угрозы оказывают на личность не только деструктивное влияние, но и конструктивное: ее реакции на ситуации становятся адекватными.

Сам термин «трансформация», т.е. изменение, преодоление формы, побуждает рассматривать процессы личностных изменений под воздействием экстремальных жизненных ситуаций как под знаком «минус», так и под знаком «плюс». Трансформация личности в условиях угрозы жизни представляет собой способ адаптации, понимаемой в самом широком смысле. Происходит адаптация к условиям экстраординарности и организма, и психики, и всех составляющих личности (направленности, системы ценностей, идеалов и др.).

Данное приспособление к боевой обстановке, адаптация сознания к смертельной опасности отнюдь не подразумевают равнодушного или отрицательного отношения к жизни. Жизнь (со смыслом) по-прежнему остается высшей ценностью. Смысл жизни и готовность к смерти, чтобы не утратить этот смысл, являются двумя сторонами адекватного, непротиворечивого понимания воинского долга, который одновременно становится долгом перед самим собой, перед своей собственной судьбой.

Такое понимание жизни, смерти и бессмертия делает действия воина на поле боя продуманными, выверенными и, как следствие, оправданными. Этот вывод служит основанием для различения поведения человека с адаптированным к условиям боя сознанием от поведения суицидента. Первому нужен смысл жизни, второму – смерть. Поэтому, с общественной точки зрения, суицид не имеет ценности для социума, так как не приводит к решению социально значимых задач, а поэтому деструктивен и как следствие – порицаем окружающими. Самопожертвование воина, напротив, имеет особо важное, конструктивное для общества значение. Смерть в бою как объективная необходимость является последним и предельным средством достижения социально и

⁶⁰ См.: Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить. – М.: Прогресс, 1989. – С. 12.

⁶¹ Диагностическое статистическое руководство Американской психиатрической ассоциации DSM-III (Diagnostic and Statistic Manual). – 1980.

лично значимой цели, – это последний акт жизни, реализующий и сохраняющий ее смысл.

Таким образом, преодоление человеком страха перед смертью в условиях боя является результатом доминанты общественного начала в нем перед индивидуальным, как общего над единичным, где единичное всегда подпадает под общее, а общее выражается через единичное. В данном случае противоречие между общественным как общим и индивидуальным как единичным разрешается диалектически и приводит к самоорганизации систем воинских общностей как на микро, так и на макроуровнях.

Поведение людей в экстремальных ситуациях определяется синергетическими законами, определяющими устойчивость, а в данном случае – выживание всей системы. Экстремальность, воспринимаемая людьми как ситуация преобладания случайностей и хаоса разнонаправленных свободных волей индивидов, порождает некую генеральную согласованность действий. По сути, этот процесс протекает на всех уровнях организации жизни человека: биологическом, психическом, интеллектуальном, нравственном. Так, например, в условиях боя и других экстремальных ситуаций на грани жизни и смерти достаточно часто профессионалы показывают чудеса силы, выносливости, реакции, быстроты, не деструктивно, а конструктивно реагируют на стрессовые моменты. Вот как описывает подобную ситуацию С.О. Макаров: «Защитники Севастополя, которые несколько месяцев оставались на своих бастионах, до такой степени привыкли к мысли о смерти, что каждый из них считал для себя случайностью то, что он жив, а не то, что он может быть убит. Капитан 1 ранга Шеман, молодецки командовавший морской батареей при осаде Геок-Тепе, говорил нам, что у него впервые явилось предположение, что он останется жив только тогда, когда он был тяжело ранен»⁶². Перестройка организации жизни людей в условиях боя на интеллектуальном уровне приводит к возникновению философии рока, о чем было упомянуто выше. Смысл существования в условиях экстремальности становится более концентрированным, весомым, возрастает ответственность человека за каждое действие, за каждый поступок.

С адаптацией сознания к опасности также связана такая особенность восприятия воином смерти и бессмертия, как **фаталистическое отношение к индивидуальному бытию в экстремальных условиях боевой обстановки**. К фаталистическим установкам ведет недостаток персонального контроля над условиями собственной жизни. В зависимости от свойств личности и особенностей культуры процесс преодоления критических жизненных случаев и ежедневных нагрузок по-разному способствует формированию стресса и возникновению фатализма как отношения к жизни.

Известно, что стресс может оказывать как положительное, мобилизующее, так и отрицательное (дистресс) влияние на деятельность, поведение в бою, вплоть до ее полной дезорганизации (деморализации).

На психические процессы естественным образом накладываются социальные (смысложизненные) образования, в том числе и такой мировоззренческий феномен, как фатализм. Степень фатальности обратно пропорциональна объективной возможности человека влиять на динамику своей жизни, изменять ее.

На войне фатализм – это трансформация личности, которая играет скорее положительную, чем отрицательную роль. Фатальные установки вовсе не являются девиантным поведением, они были присущи разным народам и в любые времена. Это доказывают возникшие в далекой древности и существующие в народе пословицы и поговорки. Пословица – не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней

⁶² Макаров С.О. Мир не вечен... «Рассуждения по вопросам морской тактики» и другие сочинения адмирала С.О. Макарова. – СПб.: Элмор, 1997. – С. 153.

заключена народная оценка жизни, наблюдение народного ума. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают. Они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина. Прислушаемся, как определенно и категорично звучат они: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать»; «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах»; «Либо пан, либо пропал»; «Прежде смерти не умрешь»; «Риск – благородное дело»; «Все под Богом ходим»; «Чему быть, того не миновать» и другие⁶³. Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. Пословицы редко бывают эмоционально нейтральными. Они – отражение вихря чувств людей, их создавших. Приведенные выше пословицы были созданы в экстремальные моменты жизни при ощущении фатальности бытия человека. Они представляют собой вербальное выражение экзистенциальности личности в экстраординарных условиях.

Фатализм как мировоззренческая установка, объективно оправдываемая в условиях, когда человек не в состоянии что-либо изменить, ретроспективно просматривается на протяжении всей истории.

Одним из факторов формирования фатализма является поведение противника, которое надежно не прогнозируется. Для воина на поле боя противник со своим стремлением к жизни – это воплощение образа смерти, как и сам воин для своего противника. Любовь к жизни у воина – это тенденция к смерти у его противника, а стремление к жизни противника равнозначно угрозе жизни воина. Воин и его противник в условиях войны – это зеркальное отражение друг друга. Улавливая тенденцию к жизни противника, мы с необходимостью отмечаем тенденцию к собственной смерти.

Фатализм – это рационализация поведения человека в условиях несвободы, это такое мироощущение, когда участь человека предрешена судьбою, некоей высшей силой. В рамках предначертанного, в рамках необходимости и несвободы у человека, вместе с тем, есть возможность выбора своего отношения к ситуации и связанного с этим выбором поведения. Эта свобода реализуется через волю человека. Когда вопрос жизни и смерти решает случай, воину ничего не остается, кроме как положиться на фатум, с достоинством идти ему навстречу, чтобы не утратить свое человеческое «Я».

Фаталистическое отношение к жизни и смерти на войне обуславливает еще одну особенность восприятия воином смерти и бессмертия. Она состоит в том, что **в условиях боя отношение к смерти и бессмертию тяготеет к своей архетипической форме**, при которой смерть воспринимается как обычное явление, не вызывающее паники и ужаса. При этом в сознании воина присутствуют и другие смысловые формы отношения к смерти и бессмертию, которые, основываясь на базовой форме, формируют сложные смысловые образования личности.

Архетипическое отношение к смерти, готовность принять смерть на поле боя получает высокую нравственную оценку общества, что подтверждается нижеперечисленными фактами.

1. Смерть друзей, боевых товарищей наряду с горечью утраты романтизируется. Гибели боевых товарищей придается особое, порой сакральное значение. На уровне общественного сознания и особенно нравственности гибель воинов в бою приобретает форму социально значимого, трагического, но необходимого явления, подвига. На личностном уровне возникает чувство утраты и вины, которое трансформируется в чувство долга.

⁶³ См.: Словарь русских пословиц и поговорок / сост. Жуков В.П. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 535 с.

2. Данное отношение к смерти близких друзей, боевых товарищей в армейской среде приводит к возникновению этических обычаев и традиций. Так, на любом празднике третий тост поднимается молча «за тех, кто погиб»; друзья погибших берут на себя заботу об их семьях и близких; в помещениях, где располагаются воинские подразделения, в которых есть погибшие, оборудуются их мемориальные кровати и уголки боевой славы; их имена произносятся ежедневно на вечерних поверках и т.д.

3. Подобное отношение к смерти воинов в бою присутствует не только в корпоративной среде, но и во всем обществе. Так, государство законом устанавливает социальные гарантии семьям погибших при исполнении воинского долга, их именами называются улицы, их подвиги и память о них вплетаются в ткань национальной культуры.

4. Смерть при исполнении воинского долга приобретает для оставшихся в живых высокое этическое значение, при этом она эстетизируется и понимается как социальное бессмертие, что способствует внедрению в сознание носителей данной культуры и в национальный архетип образов героев и схем их поведения. Данный вывод можно подтвердить множеством примеров как периода Великой Отечественной войны, так и послевоенного времени. Например, подвиги Александра Матросова, Виктора Талалихина и других имели множество повторений не только непосредственно в годы войны, но и через несколько десятилетий после ее окончания.

Исходя из наблюдений и психологических исследований, можно констатировать, что в процессе адаптации воинов к условиям войны, а затем и к мирной жизни стимулируются качественные скачки в развитии смысла, которые становятся альтернативой саморазрушению. При этом эволюционно востребованными становятся элементы и качества, латентно присутствующие в системе, но прежде бесполезные и не настолько вредные, чтобы быть активно отбракованными. Накопленный ресурс избыточно разнообразных смысловых форм обеспечивает устойчивость в изменившихся обстоятельствах. Когда эффективные прежде смысловые и жизненные схемы становятся контрпродуктивными, какое-то из латентных качеств приобретает доминирующее значение, т.е. другая смысловая форма становится системообразующей. Со своей стороны новая смысловая структура, первоначально чуждая «метасистеме» смысла жизни, образует дополнительные механизмы взаимодействий, что обеспечивает относительно стабильное существование воина в новых условиях. Вот почему человек, попавший в экстраординарные условия войны, изменяет свое отношение к смерти и бессмертию. Предельно обостряются его нравственные смысло-жизненные установки и ценности. Поэтому часто люди, реально не участвующие в боевых действиях, не могут понять тех, кто воевал, не могут понять тех, кого раньше так, казалось бы, хорошо знали, но кто изменился после определенных событий. Данное непонимание связано с различием моделей понимания, с полярностью смыслов тех, кто стоял на пороге смерти, и тех, кто не смотрел в глаза смерти и, более того, даже опасался думать о ней. Непонимание связано с различием моделей понимания тех, у кого смысловая форма отношения к смерти сугубо штатская, мирная, не измененная экстраординарной экзистенциальностью, и тех, у кого модель понимания изменена войной и боем.

«Эти люди живут полноценной жизнью, поскольку они осознают, где и в каком времени они находятся. Такой человек знает, что когда он умрет, деревья также будут расти в этом парке, а город жить своей жизнью, но **он** уже не сможет увидеть их. Поэтому он использует любую возможность, чтобы с максимальной полнотой прожить каждое мгновение, отпущенное вечностью»⁶⁴. Не удивительно, что большинство

⁶⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Эксмо, 2002. – С. 300.

участников боевых действий стали социально активнее, острее воспринимают несправедливость, более отзывчивы к людям, у них обострились чувства любви и счастья.

Следующей особенностью, накладывающей отпечаток на восприятие воином смерти и бессмертия, является **особая, коллективистская, система взаимоотношений людей в боевой обстановке**. Совместная деятельность воинов в экстремальных условиях боя естественным путем формирует **коллективизм** как необходимое условие выживания. Коллективизм предполагает возрастание альтруистического отношения к жизни ради боевых товарищей и всего общества, консолидированного перед лицом общей для всех опасности.

Осознание или просто ощущение близости смерти заставляет выстраивать особую систему социальных, межличностных отношений и формирует коллективизм и войсковое товарищество, через которое проявляется понимание воином социального бессмертия. Система отношений в процессе военной службы и особые условия быта и деятельности способствуют формированию таких экзистенциальных установок, которые подготавливают воина к существованию под угрозой смерти на войне. Здесь следует уточнить, что мы имеем в виду действительно конструктивные отношения и условия, складывающиеся в частях и подразделениях, где проводится целенаправленная боевая подготовка, максимально приближенная к боевым условиям, а личный состав комплектуется в соответствии с существующими требованиями профессиональной пригодности. В условиях кризиса, когда армия и флот лишены необходимого, а служба в них становится непрестижной, могут складываться иные, деструктивные, отношения и условия, более похожие на тюремные, чем на военные (унижение личности, неуставные отношения, выполнение несвойственных для армии хозяйственных работ и т.п.).

Так, например, наблюдения показывают, что во время войны в Афганистане в частях и подразделениях, которые действительно принимали участие в боевых действиях, между военнослужащими складывались товарищеские, добрые отношения. Неопытные, молодые солдаты оберегались и опекались более опытными, помощь и взаимовыручка становились естественными атрибутами боевой службы, нередкими были случаи риска и самопожертвования ради своих товарищей. Боевая, физическая и духовная поддержка друг друга становятся необходимым условием жизни на войне. Особенно интересны в этой связи наблюдения, проведенные в воинских коллективах, которые впервые прибывали в зону боевых действий и ранее участия в боях не принимали. Сложившаяся небоевая иерархия отношений резко изменялась уже после первого боя или даже обстрела. Люди начинали оценивать друг друга по их поведению в бою независимо от их срока службы и даже званий, самый молодой солдат вдруг становился уважаемым и почитаемым, а бывший «дедушка» утрачивал былую спесь. Воинские коллективы в условиях войны или в преддверии боя сплачиваются, консолидируются; личные интересы, так много значащие до этого, отходят на второй план, а интересы коллективные, общественные подчиняют себе действия большинства. Множество разрозненных индивидов и их разнонаправленных волей объединяются, превращаясь в монолитное целое. Самоорганизация жизни в условиях войны происходит из-за осознания угрозы личному бытию. Ранее сложившаяся система сообщества быстро изменяется при введении такого существенного фактора, как свист пуль над головой, который внезапно открывает перед человеком бездну личного небытия. Шаткость и непрочность личного, индивидуального бытия проявляют филогенетически заложенные программы поведения, которые, преобладая и смешиваясь с программами онтогенетическими, создают сложную динамичную структуру поведения в условиях боя.

Такая инстинктивная, подсознательная реакция на возможную смерть создает условия для наиболее вероятного выживания. Это поведение архетипично, оно обусловлено коллективным бессознательным.

Страх смерти и борьбу со смертью легче пережить совместно. Понимание этого способствует появлению коллективизма. Стремление к объединению в экстремальных условиях архетипично и зачастую не осознается человеком. Однако оно проявляется практически во всех случаях экстремальности. Народный фольклор также отметил эту тенденцию через пословицы: «На миру и смерть красна»; «Один в поле не воин»; «Жизнь за други своя»; «Все за одного, и один за всех. Вместе не страшно»; «Сам погибай, а товарища выручай»... Элиас Канетти справедливо отмечает: «Тысячи людей, каждому из которых по отдельности в один и тот же миг сказано: “Ты должен умереть”, – действуют совместно, чтобы отвести смертельную угрозу... Они спешат скорее привлечь к себе всех, кто чувствует ту же угрозу, и соединяют свои силы для отпора врагу»⁶⁵. Далее он говорит: «Когда они (военные массы) конституировались, высшей целью каждой из них становится сохранение самой себя как переживающего и действующего единства. Утратить его – все равно, что отказаться от самой жизни»⁶⁶.

Идя на смерть вместе с другими, индивид всегда утрачивает остроту восприятия неизбежности индивидуальной смерти. Вероятность собственной смерти в этой ситуации снижается, а вероятность остаться живым, следовательно, увеличивается. После боя возникает смешанное с горечью утраты, возвышенное чувство преодоления смерти. Эта совокупность чувств тем сильнее, чем большая опасность была преодолена, а эта опасность измеряется числом жертв как со стороны своих, так и со стороны чужих. «Они считают, что можно отвести, перевести на других висящий над ними коллективный приговор. Их смертоотвод – это враг, и единственное, что от них требуется, – это опередить врага. Надо только быть достаточно стремительным и убивать не колеблясь»⁶⁷.

Станислав Гроф, исследуя психологические интерпретации субъективных переживаний процесса умирания и указывая на наличие в различных культурах связанных со смертью ритуалов, отметил филогенетическую склонность людей объединяться перед лицом смерти. «Во многих дописьменных культурах гомогенная, замкнутая и в высшей степени сакральная природа общины является тем клубком взаимозависимостей, внутри которого умирающий обретает себя. В подобном обществе сознание клана, племени или царства превалирует над отчетливым «Я» личности. Именно этот фактор и делает утрату индивидуальности, происходящую в момент кончины, менее болезненной по сравнению с протеканием аналогичного процесса в культурах, где сильна привязанность к «Эго»⁶⁸. Не случайно воинская среда считается наиболее корпоративной и замкнутой. Воинские коллективы, как правило, гомогенны, самодостаточны и сплочены. Такие качества, как коллективизм и взаимопомощь приобретают в армии сакральное значение. Воин по определению должен быть коллективистом. Индивидуалисты, будучи включенными в военную среду, или становятся коллективистами, или отторгаются боевым сообществом.

Данная тенденция к формированию корпоративности закономерна. Она в основе своей является психологическим и экзистенциальным приспособлением человека к условиям угрозы жизни. Человек начинает чувствовать единение, его связи с другими

⁶⁵ Канетти Э. Масса и власть. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997. – С. 83.

⁶⁶ Канетти Э. Масса и власть. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997. – С. 83.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Гроф С. Человек перед лицом смерти. – М.: Изд-во «АСТ», 2002. – С. 17.

настолько укрепляются, что приобретают качество, называемое в обществе боевым братством.

Индивид в таких условиях и таким образом уходит от одиночества и заброшенности, он становится чувственной «клеточкой» единого организма. При этом существование «клеточки» не мыслится без всего организма как целого, а организму жизненно необходима «клеточка» как часть. Таким образом, ценность и самоценность отдельной личности сохраняются и даже вырастают. Воинский коллектив при сложной системе межличностных отношений самоорганизуется и при этом приобретает устойчивость. При таком экзистенциальном симбиозе выпадение человека из системы социальных связей боевого сообщества может оказать серьезное воздействие на оставшихся в живых. Потеря боевых товарищей оказывает огромное влияние на весь воинский коллектив. Эта потеря равноценна утрате самых близких, но в отличие от мирных условий, где, как правило, смерть не имеет внешних виновников, на войне виновник четко выделен – это враг. Враг – это источник смерти не только друга, но и моей, нашей смерти, всего нашего единства. Этот враг рядом, на линии огня видны его окопы, он торжествует над смертью моего друга, он празднует нашу смерть! Так воспринимает воин смерть своих товарищей. И это настолько невыносимо, что требует немедленного ответного действия и мщения. Закипающая ненависть выжигает страх и порождает отвагу. Смерть боевых товарищей не деморализует воинское сообщество, а, напротив, мобилизует его, вызывая к жизни лучшие боевые качества: смелость, мужество, решительность, твердость, стойкость и героизм. Смерть боевых товарищей еще более сплачивает людей и укрепляет их веру в праведность их войны с врагом, множит воинскую доблесть и кристаллизует воинский дух. Повторимся: речь идет об участии человека в справедливой войне.

Смерть воина, как бы это ни казалось странным, возбуждает жизненные силы целого. Возникает смысловой ряд: общество в условиях войны живет смертью воина, а воин живет смертью врага. Вечный смысловой круг соотношения жизни и смерти в данном отношении замыкается.

Артур Шопенгауэр подчеркивает роль общественных начал в отношении к смерти при ее познании и непосредственном переживании. Познание смерти и естественное к ней отношение приводят к исчезновению страха перед конечностью личного существования и осознанию неуязвимости в роде и обществе, а также бессмертия на духовном уровне. Он пишет: «То, что существует всегда, – это род, и в сознании его нетленности и своего тождества с ним спокойно живут индивидуумы. Воля к жизни являет себя в бесконечном настоящем, ибо последнее – форма жизни рода, который поэтому никогда не стареет, а пребывает в вечной юности»⁶⁹.

Результаты рассмотрения проблемы смысла жизни в следующей главе позволяют не останавливаться на резюме Шопенгауэра, а развить его в оптимистическом русле: не только будет жить род, но и индивидуальные мысли, чувства, переживания, достойные бессмертия, продолжатся. Индивиды, а не общества мыслят, любят, ненавидят, умирают и жаждут бессмертия.

Таким образом, в экстремальных условиях войны, когда отношение к смерти трансформируется до архетипического, тогда онтогенетическое в человеке сливается с филогенетическим, тогда исчезает раздвоенность биологического и духовного, тогда сознание расширяется до безличных пределов, проявляя неразрушимое начало – архей и

⁶⁹ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1997. – С. 110.

исчезает страх смерти; тогда люди на войне показывают чудеса физической силы, выносливости и духовной стойкости.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Осознание и переживание собственной смертности, желание бессмертия являются неотъемлемыми атрибутами человека как существа, обладающего сознанием. Все многообразие пониманий и отношений к проблеме можно разделить на три «слоя»: 1) уровень обыденного осмысления проблемы; 2) религиозные варианты; 3) исследование смерти и бессмертия философией.

Обыденное осмысление проблемы и в соответствии с ним отношение человека к смерти и бессмертию изменялось на протяжении всей истории. На это отношение оказывали и оказывают влияние множество факторов. Среди них важнейшими являются уровень и особенности культуры народа, принадлежность индивида к той или иной социальной группе, тип и степень влияния религии и др. Наряду с изменением общего в восприятии проблемы социумом в исторической ретроспективе, существует индивидуальная динамика изменения отношения человека к смерти и бессмертию, связанная с его возрастом и конкретными событиями жизни.

Теология связывает решение проблемы со служением высшему началу – Богу. Она предлагает принимать бессмертие в раю на веру, так как все сверхъестественные атрибуты недоступны рациональному человеческому познанию. Перспектива райских наслаждений или адских мук коррелирует с характером образа жизни человека.

С древности и по настоящее время философия исследовала смерть и бессмертие как самостоятельную тему или в контексте изучения человека. Вплоть до XIX в. философский дискурс включал Бога как логическое звено, необходимое для решения проблемы. Позже, и особенно в последние десятилетия появляются концепции, акцентирующие внимание на смерти и бессмертии как необходимых условиях адекватного осмысления жизни (А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.). Набирает силу тенденция, артикулирующая свободу человека, его личную ответственность за осуществление выбора поступков и линии поведения, определяемого его индивидуальным отношением к жизни, смерти и бессмертию.

Так как военная служба подразумевает постоянную готовность к боевым действиям, связанным с риском для жизни, в сознании воина объективно актуализируется проблема отношения к смерти и бессмертию, что, естественно, требует ее решения.

Особенности восприятия проблемы обусловлены той спецификой требований к человеку, которая характерна для военной действительности (для подготовки и ведения войны). Основными аспектами, характеризующими особенное в восприятии воином смерти и бессмертия, являются:

- ярко выраженное доминирование в сознании нравственного содержания смысла жизни, связанного с выполнением воинского долга;
- адаптация сознания воина к несущей смерть реальности, характеризующейся постоянным наличием фактов смерти в боевой обстановке;
- фаталистическое отношение к индивидуальному бытию в экстремальных условиях боевой обстановки как наиболее приемлемое для духовного самочувствия и, следовательно, для выживания и достижения победы;
- в условиях боя отношение к смерти и бессмертию тяготеет к своей архетипической форме, при которой смерть воспринимается как обычное явление, не вызывающее паники и ужаса;

– в ситуациях непосредственной угрозы для жизни возникает коллективизм и боевое братство как необходимое условие и средство для выживания в бою.

В контексте всех вариантов понимания смерти и бессмертия как в повседневной жизни, так и в боевых условиях постоянно просматривается неотъемлемый ментальный стержень – смысл жизни человека, что свидетельствует о закономерной взаимосвязи этого смысла и восприятия собственной смертности индивидом. Какова эта взаимосвязь и какие ценности смысла жизни могут быть дороже самой жизни? Релевантный ответ на этот вопрос поможет на рациональном уровне разрешать сложные противоречия в духовном мире человека, выполняющего воинский долг, чему и посвящается следующая, заключительная, глава. При движении к ответу на поставленный вопрос авторы исходят не из идеологических ценностей, а из смысложизненных интересов человека, которые являются высшими в его духовной иерархии.

Глава 3

СМЫСЛОЖИЗНЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОГО ДОЛГА ПРОФЕССИОНАЛА

3.1. ДИАЛЕКТИКА СМЫСЛА ЖИЗНИ И ДОЛГА ЧЕЛОВЕКА

Анализировать диалектику смысла жизни и долга возможно лишь при условии предварительной достаточно четкой сформулированности их сущности и структурирования основных их содержательных элементов.

Начнем с исследования смысла жизни. В тело любого животного природа заложила способность к выживанию, инстинкт самосохранения. Это биологическое качество присуще и человеку. Но у него жажда жить, не умирать присутствует еще и в сознании как осмысленная потребность, целесообразность, ценность жизни.

Перед мышлением жизнь предстает со знаком плюс: она приносит радость, счастье. У человека есть возможность испытать великое чувство любви, наслаждаться красотой природы, искусством, ощутить себя творцом и получать радость от процесса творчества. И так как все это прекрасно, ценно, сознание не может смириться с исчезновением радости жизни, со смертью. Оно хочет, чтобы эта радость продолжалась вечно. Заметим: речь идет не о любом вечном существовании, а о бессмертии счастливой, радостной жизни, то есть жизни, имеющей ценность для человека, под которым в контексте наших рассуждений подразумевается индивид с достаточно развитым самосознанием и мышлением.

То, что человек заинтересован не в любом бессмертии, а только в том, которое он считает ценным, то есть счастливым, аргументируется существованием в роде человеческом суицидной проблемы. Современные ее исследования показывают, что большинство самоубийств являются результатом вполне осознанного, рационального решения.

Согласно статистике, самоубийство в развитых странах занимает «почетное» третье место сразу за смертью в результате болезни и за смертью от несчастных случаев. Ежегодно убивают себя 30000 американцев, 25000 японцев, 20000 французов, 60000 россиян. Число же тех, кто пытался себя убить, но у них не получилось, в 7-8 раз больше. Нужно учесть, что статистика самоубийств всегда занижена, так как в них попадают лишь явные случаи. На самом деле самоубийств чуть ли не вдвое больше. Почти полмиллиона землян каждый год сами ставят точку в своей жизни⁷⁰.

Сейчас мы не ставим задачу выяснять ошибочность или верность подобных решений. В контексте наших рассуждений важно то, что индивид при некоторых, отрицательных, на его взгляд, условиях существования не только не жаждет бессмертия, а ставит жизни и ее дальнейшему продолжению знак «минус». При этом прекращение жизни, небытие приобретает в его сознании знак «плюс». Смерть в этом случае становится желаемой, так как вместе с ее наступлением исчезают муки, страдания, олицетворением которых стала жизнь.

В такой ситуации может оказаться безнадежно, смертельно, больной человек, чье существование превращается в физические и моральные мучения. Он не может желать – и с этим нельзя не согласиться – вечной, бессмертной физической боли, то есть такое бессмертие индивиду не нужно.

Аналогичное, отрицательное, отношение к продолжению жизни может сложиться и у физически здорового человека, когда не соматические, а душевные, духовные муки

⁷⁰ См.: Вагин И.О. Психология жизни и смерти. – СПб.: Питер, 2001. – С. 56.

становятся невыносимыми, а перспективы избавиться от них, по мнению суицидента, не существует. В подобных случаях индивидом решается сложная нравственная задача. Он оценивает свою прошлую, настоящую и будущую жизнь, в результате чего приходит к выводу, что прекращение дальнейшего существования является нравственно оправданным и более ценным, чем его продолжение. Показательным является тот факт, что в Освенциме уровень самоубийств среди охранников был в несколько раз выше, чем среди заключенных.

Краткий экскурс на суицидологическое тематическое поле позволяет констатировать, что на бессмертие может претендовать лишь та жизнь, субъект которой считает ее нужной, ценной, оправданной. Это такая жизнь, сущее которой не расходится с должным, с ее объективным предназначением. В этом случае адекватное жизнеосмысление индивида позволяет ему находиться в гармонии с самим собой, то есть **человек жаждет бессмертия жизни, которая имеет смысл.**

В литературе наиболее распространенными вариантами решения смысложизненной задачи являются следующие: а) посвящение жизни выполнению заповедей того или иного теологического учения (религиозный вариант); б) достижение в процессе жизни пределов человеческих возможностей в той или иной сфере, посвящение всего себя движению к этой цели; в) путь интеллектуального преодоления абсурда жизни; г) путь гедонизма; д) посвящение жизни прогрессу, построению будущего счастливого общества и др. Несмотря на определенные противоречия между ними, проведенный анализ привел авторов к необходимости их сравнения, сопоставления, чтобы выделить в каждой из концепций те рациональные зерна, которые могут быть использованы при решении проблемы в нравственном русле.

Существует достаточно широкий разброс мнений относительно понимания самой категории смысла жизни – начиная от ее связи с мировым, вселенским смыслом и кончая сведением понятия к целям деятельности.

Многозначность термина делает невозможным определить конкретные границы и содержание проблемы. В связи с этим, целесообразным и приемлемым для определения значения является не лингвистический подход, а подход с точки зрения сущего, т.е. **исходя из содержания тех вопросов, которые задает человек, ищущий смысл своей собственной жизни:** зачем, ради чего, как мне жить, чтобы моя жизнь была объективно целесообразной, нужной и субъективно принятой, оправданной, несмотря на неизбежную смерть?

На наш взгляд, смысложизненным вопросам – ответам соответствует определение смысла жизни как **философской категории для отражения предназначения человека, объективной и субъективной значимости и ценности его жизнедеятельности, способности осмысления и в соответствии с ним – регулирования собственного бытия.** Здесь речь идет лишь о границах понятия «смысл жизни», а не о том, в чем заключается смысл жизни. При этом человек, его развитие и благо должны рассматриваться как цель общественных изменений и преобразований. Данное методологическое положение позволяет на гуманистической, нравственной основе соотносить интересы человека и интересы развития общества.

Каждый человек пытается не только осмыслить свою жизнь, свое предназначение, но и эмоционально переживает мгновения жизненного процесса. Поэтому учет соотношения рационального и эмоционального в смысле жизни является методологическим положением, позволяющим раскрыть условия гармонии в духовном мире личности. Важную роль в обретении смысла жизни играют цели, которые ставит перед собой человек.

Рассмотрение диалектики целей и смысла жизни показало, что смысловую нагрузку несет в себе не каждая цель, а лишь та, которая имеет объективную и субъективную ценность, т.е. приводит к нравственному результату как тех или иных поступков, так и жизнедеятельности в целом. Истинность же выбранных целей определяется, прежде всего, самим индивидом. В связи с этим возникает необходимость учета зависимости смысла жизни человека от уровня его интеллекта. Специфика обретенного смысла жизни заключается в том, что его нельзя подать в готовом виде как моральный кодекс или правило этикета – к нему человек должен прийти своим умом, через сомнения, поиски, разочарования. Желание творить добро реализуется в конечном итоге в адекватный этому желанию результат при условии, когда уровень профессионализма и интеллекта субъекта деятельности соответствует масштабам и сложности решаемых задач.

Если человек ведет безнравственную жизнь, он не в состоянии увидеть, найти ее смысл, ибо в этом случае такового не существует. В жизни появляется, открывается смысл в той мере, в какой его вносит сам человек своими действиями, поступками.

Таким образом, смысл жизни индивида состоит в единстве нравственного, интеллектуального, профессионального и физического самосовершенствования, в максимальной реализации его личностной уникальности, способностей и творческих возможностей на каждом этапе жизненного пути.

Необходимо подчеркнуть, что данная попытка определения смысла жизни представляет не формулу, не схему, которую можно каждому индивиду брать на вооружение, после чего считать проблему решенной. Предложенное определение показывает лишь направление, в котором можно созидать, а следовательно, и находить, ощущать смысл жизни.

При этом нравственный аспект выступает как основной, присутствующий во всех остальных сущностных составляющих, благодаря которому они приобретают смысложизненную ценность.

Нравственно-аксиологический подход к выявлению объема, рамок категории смысла жизни позволяет раскрыть ее содержание через те жизненные ценности, которые придают ей смысл. Объективно в содержании смысла жизни выделяются три основные группы ценностей: 1) ценности созидания, свершения, творчества; 2) ценности переживания; 3) ценности отношения. Авторы придерживаются данной типологии ценностей смысла жизни, предложенной известным австрийским ученым Виктором Франклом⁷¹.

Первая группа ценностей подразумевает все то, что человек создает своим трудом, своими поступками – все то, что получают от него окружающие люди и в целом все общество. К ним можно отнести его профессиональный уровень, проявление нравственных качеств, способность и возможность творить. Реализуя эти ценности, человек запечатлевает себя в мире и как бы расширяет границы своей жизни.

Вторая группа – ценности переживания – проявляются в нашей чувствительности к явлениям окружающего мира. Любовь, творческая деятельность, красота природы, поэзия, музыка, театр и кино, вершинные достижения изобразительного искусства способны вносить в жизнь индивида величайшее духовное наслаждение, поднимать его на новые ступени образного освоения мира.

Третья группа – ценности отношения – связана с наполнением жизни смыслом, когда она бесплодна в созидательном смысле и когда человек не имеет возможности реализовать ценности переживания. Объективно у каждого человека бывают тяжелые жизненные ситуации (например, крушение планов, болезнь, ожидание смерти), когда

⁷¹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 300.

кажется, что жизнь уже не имеет смысла. И вот то, как индивид относится к своей доле, то мужество, твердость духа, достоинство, которые он проявляет в ситуации обреченности, и являются ценностями отношения, которые характеризуют его как человека, как состоявшуюся личность. Эта группа ценностей показывает, что человеческая жизнь имеет смысл до ее последнего мгновения, и человек остается ответственным перед собой и другими людьми за проявление высоких человеческих, нравственных качеств в любой ситуации⁷².

Таким образом, смысл жизни является сложной проблемой, представляющей личный интерес как для ученого, так и для человека, обладающего обыденным сознанием. Постановка смысложизненных вопросов и поиск ответов на них в русле нравственной самореализации помогает человеку правильно ориентироваться в системе жизненных ценностей, видеть свое предназначение, ставить и достигать реальные цели, иметь высокий жизненный тонус и обрести то истинное, настоящее счастье, о котором мечтает каждый живущий на Земле.

Именно такая имеющая смысл и, значит, в конечном счете счастливая жизнь может претендовать на бессмертие. Человек жаждет бессмертия, но на обыденном уровне мышления предмет этого желания не получает ясно сформулированных очертаний и чаще всего предстает в виде расплывчатого силуэта. Как это ни парадоксально, но человек в данном случае желает то, не знает что. Для прояснения этого «что» в русле социально-философского анализа можно представить, смоделировать, по крайней мере, два поддающихся воображению варианта бессмертия: 1) бесконечное продолжение жизни; 2) бесконечное повторение жизни.

По поводу первого варианта философия уже ставила вопросы, и полученные ответы не могут трактовать «вечную жизнь» как желаемую, оправданную и приемлемую, то есть она оказывается бессмысленной⁷³. Для вечности приемлемо лишь то, от чего скука станет немислимой. Но если рассматривать человека тем, чем он является, то любая его вечная жизнедеятельность именно из-за ее вечности утратит смысл. Даже научный поиск, превратившись в вечный, полностью девальвирует, сведет к нулю радость творчества, доступную смертному человеку.

Рассмотрим приемлемость варианта бесконечного повторения жизни. Если человек проходит весь жизненный цикл, выполнив свое предназначение, реализовав в нравственном русле творческие возможности, испытав широчайший диапазон чувств, которые делают жизнь по-настоящему счастливой, – он может претендовать на бессмертное существование жизни, лишь подобной этому пройденному пути. Но даже если бы это возможно было физически, бесконечное повторение уже известного жизненного круга не может получить разумного оправдания. Вышеназванные прекрасные проявления жизни имеют ценность, благодаря их уникальности, **благодаря тому, что человек ощущает их впервые**. То есть, чтобы повторно испытать все радости детства, потом глубину чувств любви, творческого вдохновения и открытия, надо стать другим. Это и происходит при естественном жизненном процессе: старик умирает, а новорожденный вступает в жизнь.

«Но это уже не я!», – может воскликнуть жаждущий бессмертия оппонент. Но какое же «я» он боится потерять, коль оно, это «я», постоянно менялось в течение всей его жизни, доходя до отрицания себя прежнего. «Если бы я встретился с собой 30-летним, то стал бы себе врагом», – заявил в одном из интервью 80-летний Даниил Гранин.

⁷² См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 300.

⁷³ См., например: Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблемы человека в западной философии. – М., 1988. – С. 420-442.

Если человеку удалось реализоваться, смерть тела не должна тревожить точно так же, как не тревожит нас в процессе жизни переход из детства в юность, а из юности – в зрелость. А ведь при этих переходах реально умирает, исчезает сначала духовный мир ребенка, затем – юноши. Человек становится другим. И испытывает страдания не потому, что не стало его, прежнего, а потому и в том случае, если тот, прежний, из-за иллюзий, глупости или лени жил не так, как надо, если упустил что-то важное, значимое, что уже не исправишь и не вернешь.

Источником страдания выступает не окончание отдельного этапа или всей жизни в целом, а предшествующее существование, которое было ошибочным, которое не достойно повторения, а значит, и бессмертия. Поэтому страшно умирать тому, чья жизнь была пустой, бессмысленной. В этом случае индивид осознанно, а чаще неосознанно, ощущает трагедию, ужас приближающейся смерти, так как жизни – настоящей, человеческой – не было и уже никогда не будет.

Подобное существование отрицается культурой, которая выросла из разумности, мудрости человека и порожденных ими жажды смысла и бессмертия. Она впитывает остроту, глубину, многогранность индивидуальных чувств, созидательность и гуманность устремлений – все то, что служит осуществлению человеческого предназначения, чтобы повторить это с новыми оттенками уникальности в другом индивиде, а затем снова передать в будущее. И так будет, пока существует человечество. Это и есть не сказочное, а реальное бессмертие души в раю, которого жаждет наше сознание.

К сожалению, как показывает история, на бессмертие обречена и душа того несчастного, чья жизнь была ошибкой, повторения которой он не желал бы. Но она повторяется, осознается, погружая сознание в ужас бессмысленности существования и страха смерти. Это и есть вечный ад, от которого не избавишься, так как он является результатом и итогом индивидуальной жизни. А ее перечеркнуть, как ошибочное решение задачи, и начать с чистой страницы, увы, невозможно.

Образное употребление понятийрая и ада в данном случае уместно, так как они перекликаются с их религиозной трактовкой. Такое совпадение поневоле наталкивает на «грешное» предположение, что заповеди Иисуса Христа могут иметь «земное» происхождение. По крайней мере, выводы философского дискурса, не привязанного к Священному Писанию, с ними не расходятся.

Рассмотрим аналогично сущность и содержание **долга** человека, который непосредственно связан со смыслом его жизни и выступает как вечная социально-этическая тема, к которой снова и снова возвращаются исследователи на каждом новом витке развития человеческой мысли. Сама история человеческого общества, изменение условий существования людей и отношений между ними заставляет абстрактное понятие долга связывать с новой, изменившейся конкретной реальностью. Кроме того, неутомимая человеческая мысль, проникая в глубину проблемы долга, открывает новые связи и отношения между философскими, социально-психологическими феноменами. Исследование этих связей и отношений представляет собой как бы новые ступени познания человеком самого себя и своего места в мире.

Проблема должного не существует в естественных науках, исследующих те или иные природные явления. Физические, химические, биологические и другие природные процессы являются сущими. Человек может изучить их, вскрыть алгоритмы, закономерности, тенденции их функционирования и развития. Он признает эти процессы как естественно существующие и не может сказать, что «должно быть иначе». Здесь нет

вариантов, нет выбора, должное всегда слито с сущим, и его употребление в контексте любой из естественных наук излишне.

В гуманитарных же науках, особенно в этике, существует исследование того, что должно быть, – *должного*. Ликвидация разрыва между сущим и должным осуществляется жизнедеятельностью осознающего данный разрыв индивида и является его долгом.

Во все времена должное рассматривалось через призму нравственности, в русле творения добра, справедливости.

Уже в размышлениях философов античности требования долга рассматриваются не только как навязанные извне, но как имеющие жизненную ценность для самого человека. То есть они полезны не только Отечеству, обществу, но и самому индивиду. А если это так, то необходимо убедить человека в том, что ему выгодно выполнять долг. В этом случае он будет поступать должным образом, руководствуясь осознанием долга.

Вопрос долженствования красной нитью проходит и через все религии мира. Религиозные мыслители прошлого и настоящего сходятся в том, что Бог дал человеку мышление как средство познания добра и зла, а также свободу воли, благодаря которой имеется возможность выбора между добром и злом. Долг человека – выполнять божественные предписания, не грешить. Причем опять-таки в конечном счете человеку выгодно, целесообразно поступать праведно, идти путем долга. Иной путь греховен и наказуем.

Дальнейшее развитие человеческого общества, постепенное складывание капиталистических отношений в странах западной Европы усиливали философский интерес к проблеме человека. При этом наблюдался переход от абстрактных схем и требований долга к их конкретизации и индивидуализации. Такие темы, как жизненные интересы индивида, мотивация поведения человека, условия превращения требований морали в его интенциональные потребности были одними из главных в философских учениях западных мыслителей в прошлом веке.

Трактовка долга тем или иным мыслителем зависела от имеющейся теоретической и методологической базы исследователя, а также от конкретных условий жизни общества или социальной группы.

Стратегическая задача построения общества, основанного на высокой сознательности его членов, стимулировала в бывшем Советском Союзе философский интерес к нравственной проблематике. А так как долг является одной из узловых, главных, опорных социально-этических категорий, многие его аспекты были глубоко проработаны в советской науке.

Необходимо отметить, что наука не предъявляла и не предъявляет требования «Вы должны!» ни властным структурам, ни отдельным индивидам. Она показывает наиболее вероятные результаты, итоги поступков человека в русле долженствования или вне его. Благодаря этому индивид, заинтересованный в истинности своих собственных решений, получает реальную возможность жить и поступать так, как того требует долг.

Таким образом, понятие должного как общественно-необходимого в поступках и во всей деятельности людей является неизменным в философской трактовке с древности и до настоящего времени. Ретроспективный же взгляд на содержание общественно-необходимого показывает, что оно существенно различалось не только в разные времена и в разных странах, но даже в одно и то же время и в одном и том же обществе. Если абстрагироваться от единообразия взглядов, искусственно создаваемого тоталитарными режимами власти, то можно констатировать, что различие в понимании общественно

необходимого в конкретной практической деятельности людей являлось перманентным во всей истории науки.

В ряде публикаций внешние требования и долг рассматриваются как синонимические понятия. На наш взгляд, более точно отражает сущностные признаки категории точка зрения, определяющая объективные внешние требования как должное, а долгом они становятся в случае внутреннего принятия их человеком, когда он формулирует их для себя как свою личную задачу.

Необходимо заметить, что и в русской художественной литературе, которая всегда отличалась духовными, нравственными исканиями и пыталась отражать чаяния народа, слово «долг» в монологах и диалогах чаще всего употребляется для характеристики нравственных устремлений личности. То есть предложенный обобщенный философский взгляд на долг и его обыденное понимание в обществе в принципе совпадают. Это совпадение очень важно для исследователя, так как позволяет, с одной стороны, в полной мере опираться на жизненные реалии, а с другой – рассчитывать, что результаты научного анализа будут способствовать успешному решению жизненных, человеческих проблем.

Субъективная сторона долга (его духовные компоненты) представляет собой очень сложный феномен, сложность которого обусловлена разновариантными сочетаниями и взаимодействием в сознании индивида знаний об обществе и о себе, чувств, воли, соотношением осознаваемого и подсознательного уровней в процессе деятельности и другими личностными качествами.

Знания в структуре сознания долга. Одним из наиболее значимых содержательных элементов в структуре сознания долга является совокупность, система знаний человека. При этом нас интересует не сумма знаний вообще и обо всем, а только те из них, которые дают итоговое знание, достаточно убедительно отвечающее на вопрос: «Как я *должен* поступать?». Ответ на сформулированный выше вопрос будет своего рода стрелкой жизненного компаса, указывающего основное, генеральное направление движения, образ жизни в целом.

Данная, первая, ступень конкретизации оставляет вопросы, а следовательно, и ответы на них пока достаточно общими, в определенной степени абстрагированными от вопросов-ответов, которые индивид ставит-находит в будничной, повседневной жизни. Вместе с тем ответы на сформулированные выше вопросы важны и значимы не конкретикой предписанных норм и правил поведения, а определенностью социально-нравственной направленности жизнедеятельности человека.

Необходимо подчеркнуть, что, когда идет речь о сознании долга индивида, он ищет ответы на сформулированные выше вопросы не как сторонний наблюдатель или исследователь – в них во всех присутствует его личное «Я». И истинные ответы ему нужны не для удовлетворения праздного любопытства, а чтобы во всех ситуациях поступать должным образом, чтобы его действия и жизнь в целом не оказались ошибочными.

Чувства в структуре сознания долга. Атрибутом человеческого сознания наряду со знаниями являются чувства. Их диапазон очень широк: от ненависти и ярости на одном полюсе до любви и радости – на другом. Человеческие чувства, накладываясь друг на друга, имея различную силу проявления, образуют бесчисленное множество сочетаний. Эти сочетания могут быть какой-то промежуток времени относительно стабильными или постоянно изменяющимися. Чувства эмоционально окрашивают жизнь. Без них была бы она пресной, «безвкусной».

Современная наука связывает эмоции, силу их проявления прежде всего с потребностями человека. Чувство долга представляет собой переживания человека, вызванные неудовлетворенной потребностью в должном поведении или в желаемом результате такого поведения. И чем больше разность между должным (желаемым) и сущим, тем больше сила эмоции. Эта сила эмоции побуждает, «толкает» индивида на поступок, приближающий сущее к должному.

Специфика волевого компонента сознания долга. Под волей обычно понимают способность человека совершать сознательные действия, которые требуют преодоления внешних или внутренних трудностей. Волевой компонент можно увидеть, рассматривая борьбу мотивов в человеческом сознании. Человек, испытывая в одно и то же время несколько различных потребностей (иногда они могут быть взаимоисключающими), находится перед необходимостью выбора поступка.

Логично допустить, что наиболее сильная потребность (чувство, мотив) детерминирует соответствующее действие индивида. То есть он в каждый данный момент действует так, как ему хочется. Но эта логика рассуждений исключает волю как таковую из структуры сознания. Получается, что человек всегда поступает в соответствии с требованиями долга потому, что потребность должного поведения сильнее всех других в любой момент времени.

Несмотря на заманчивую логическую законченность этой цепочки рассуждений, есть необходимость внести в нее коррективы в связи с тем, что на практике человек долга очень часто совершает поступки вопреки своим даже самым сильным желаниям. Он подавляет желания, борется с ними, отказывается от них – и поступает не так, как хочется в данный момент, а так, как надо. Знание долга, убежденность в его истинности стоят как своеобразные часовые на пути противоречащих ему потребностей и желаний. О волевом действии можно говорить лишь в случае победы первых над вторыми.

Нравственный опыт как гарант должного поведения. Приобретенный опыт должного поведения во все времена рассматривался как признак надежности человека. Многочисленные человеческие судьбы, варианты поведения людей в экстремальных условиях показывают, что существует определенная вероятность поступка в конкретной ситуации, который противоречит фактическим убеждениям и намерениям человека. В подобном случае он может даже сам недоумевать по поводу своего поведения. Причиной нежелательного варианта поступка явилось отсутствие опыта, привычки, психологической готовности поступать должным образом в данной или типичной ей ситуации. Поэтому у нас есть все основания считать нравственный опыт личности неотъемлемым структурным элементом сознания долга.

Существенную роль нравственного опыта в формировании сознания долга можно увидеть и в классической формуле экзистенциализма: «Существование предшествует сущности». Сначала человек живет, существует, а уж потом становится кем-то или чем-то. Вот это «стать кем-то» является для каждого индивида лишь возможностью. В действительность же ее он превращает сам путем практического действия, поступка. Человек – это цепь его поступков, деяний. Если нет этой цепи должных поступков, то нет и человека долга.

Особенностью феномена опыта (привычки) должного поведения является его принадлежность не только к сознательному, но и к бессознательному атрибуту человеческого сознания, исследование которого находится на стыке философии и психологии. Анализ работ по данной проблеме позволяет выделить в сознании два уровня: рефлексивный (сознательное) и нереплексивный (бессознательное). В самом бессознательном различают досознательное и послесознательное. То и другое имеют

значение для понимания опыта и его приобретения. Досознательное присутствует в психике, но еще не осознано человеком. Оно представляет собой скрытый от сознания субъекта алгоритм действий в какой-либо сложной ситуации. Узнать о нем человек может, только побывав в этой ситуации, испытав себя в ней.

Послесознательное – это то, что было осознанным, затем доведено до автоматизма, благодаря чему уже не нуждается в осознании. Им являются стереотипы реакций человека на те или иные условия и ситуации. Эти явления в литературе чаще всего называют термином «подсознательное». В приобретении нравственного опыта как гаранта должного поведения сознательное и подсознательное не противостоят друг другу, а выступают в диалектическом единстве.

Человек осознает жизненную необходимость должного поведения в наиболее вероятных прогнозируемых ситуациях, а осознавая это, он проверяет, испытывает себя и затем при необходимости целенаправленно вырабатывает в себе нужные качества, привычки, гарантирующие адекватную реакцию даже на неожиданные динамичные события. Последнее возможно при соответствующей готовности и активности подсознательного.

Для достижения необходимого результата нужны многие годы работы над собой. Причем любой достигнутый рубеж может быть лишь очередной ступенью бесконечного подъема к профессиональному и нравственному совершенству, так как установить его предел во многих случаях практически невозможно.

Таким образом, исходя из предшествующего анализа, можно сформулировать следующее: *долгом является совокупность требований общества, имеющих объективно нравственное содержание, которые осознаны, приняты человеком, а выполнение их представляет для него личный интерес и является жизненной программой.* Только при таком слиянии внешних требований и внутреннего отношения к ним можно говорить о понятии «человек долга».

Внешние требования даже при условии их несомненной справедливости не становятся долгом, если человек не желает их выполнять. Не становятся они долгом и в том случае, если человек подчиняется им под страхом наказания или ориентируясь на корыстные цели. И в первом и во втором случае мы можем определить их как обязанности личности. Выполнение основных из них, без которых общество не может существовать, обеспечивается соответствующими мерами принуждения со стороны государства. И только в том случае, когда внешние требования находятся в одном русле с интересами и целями человека, можно говорить о долге.

Рассмотрение в начале главы основных аспектов смысла жизни человека, затем анализ в настоящем подразделе проблемы должного и долга позволяют перейти к следующему этапу исследования: соотнести смысл жизни и долг как философские и личностные проблемы, вскрыть взаимосвязь и функциональную зависимость между ними, а также между их сущностными и содержательными элементами.

Вернемся еще раз к предшествующим основополагающим выводам, которые уже указывают на взаимосвязь рассматриваемых понятий и служат надежным основанием для ее анализа. К таковым относится вывод о нравственной сути смысла жизни, о его зависимости от взаимоотношений с другими людьми. А там, где индивид вступает в отношения с другими, возникает долженствование. Следующим выводом является установление единства обязанностей и личного интереса в долге индивида. А среди множества личных интересов у мыслящего человека имеется стратегический интерес прожить свою жизнь не зря, со смыслом. Эти два вывода показывают, что смысл жизни и

долг заключают в себе ряд аспектов диалектического единства, которое просматривается в различных сущностных и содержательных составляющих той и другой категории.

Наиболее рельефно эта взаимосвязь проявляется в соотношении знаний (представлений) о долге и понимания сущности смысла жизни. Потребность поступать в соответствии с требованиями долга не является автономной, самодовлеющей. Любое из этих требований сознание человека встречает естественным вопросом: «Зачем?». И в потребность оно превращается лишь при наличии приемлемого и убедительного ответа. Этим ответом не может быть констатация внешних детерминант предъявляемого требования, так как каждая из них может быть встречена аналогичным вопросом. Убедить человека поступать должным образом может лишь знание, разъясняющее, зачем это необходимо лично ему. А так как высшими ценностями для индивида являются те, которые имеют значимость смысла жизни, – обязанности, внешние требования для него превращаются в долг лишь при условии совпадения со смысложизненными интересами.

Наряду с рационально-логической взаимосвязью исследуемых категорий существует их взаимодействие в эмоциональной сфере индивида. Рассматривая чувства в структуре сознания долга, мы установили их зависимость от потребностей человека. Стремление наполнить свою жизнедеятельность смыслом характерно для мыслящего индивида – оно является интеллектуальной социализированной потребностью, неудовлетворение или удовлетворение которой вызывает соответствующие чувства. Существует иерархия различных человеческих потребностей, которую пытались показать А. Маслоу и Ж. Годфруа, представив их в виде пирамиды, в основании которой находятся низшие, физиологические потребности (в пище, питье, кислороде). Выше, над ними, располагаются по мере усложнения следующие: потребность в безопасности (физической и психологической); потребности в привязанностях, в любви, в причастности к группе; потребности в уважении (в одобрении, благодарности, признании, компетентности); когнитивные и эстетические потребности (в порядке, справедливости, красоте, симметрии) и вершиной пирамиды является потребность в самореализации.

Так как стремление к смыслу жизни находится на вершине иерархической пирамиды потребностей, чувство, вызванное смысложизненным вакуумом, является одним из самых тягостных и мучительных ощущений человека. Он не может находиться в этом состоянии. Сознание, стремясь обрести смысловую гармонию, компенсирует отрицательный эмоциональный заряд перспективой движения к смыслу. Названная перспектива, имея общественную ценность и опираясь одновременно на личный интерес индивида, является его долгом.

С сущностными составляющими смысла жизни также связан и волевой компонент сознания долга. Волевое усилие проявляется там, где существует осознаваемая иерархия ценностей. Осознавая смысл жизни как высшую ценность, а его реализацию – как свой долг, человек отказывается от действия или бездействия, которое ставит под угрозу обретение смысла существования.

Воля – это не просто подавление желаний. О волевом усилии мы говорим тогда, когда это подавление вызвано не внешними факторами, а детерминировано рациональным расчетом индивида. Поэтому проявление воли возможно и при достижении антигуманных, эгоистических целей. Но в этом случае, исходя из сути и содержания смысла жизни и долга, можно говорить о заблуждении человека в понимании своей жизненной сверхзадачи и об отсутствии объективного долженствования.

Воля становится оправданной и отвечает своему предназначению лишь при условии смысловой ценности целей, которые ставит перед собой человек. В этом случае стремление к их достижению принимает характер не только субъективного, но и объективного долженствования. Понимание этого индивидом и заставляет его осуществлять самопринуждение, подавлять свои желания «здесь и сейчас» (проявлять волю) ради выполнения долга, которое, в свою очередь, и придает жизни смысл.

Мы рассмотрели основные содержательные элементы сознания долга через призму сущностных составляющих смысла жизни человека. Это позволило увидеть степень «наполненности» смыслом различных аспектов долженствования. Вместе с тем проведенный анализ раскрывает лишь одну сторону взаимосвязей, взаимодействия исследуемых категорий, так как в нем рассматривались лишь те сущностные аспекты смысла жизни, которые непосредственно коррелируют с основными содержательными элементами долга.

Содержание же смысла жизни включает в себя широкий диапазон ценностей, и, чтобы раскрыть другую сторону взаимосвязи рассматриваемых понятий, целесообразно исследовать, как соотносятся с долженствованием основные группы смысловых ценностей. Так как в их обретении заинтересован сам человек, мы постулируем положительное отношение к ним как сущностную характеристику долга, и нам остается выяснить, в какой степени и как внешние (общественные) требования объективного долженствования распространяются на реализацию каждой из основных групп ценностей смысла жизни. То есть является ли названная реализация обязанностями человека.

Первая группа – ценности созидания, свершения, творчества – непосредственно связана с жизнедеятельностью и судьбами других людей. Запечатлевая себя в результатах своего труда, индивид одновременно созидает материальные богатства и повышает духовную культуру общества. Это созидание является внешним объективным требованием долженствования в связи с тем, что каждый живущий в обществе человек является потребителем материальных благ и духовных ценностей. И чтобы эти блага и ценности потреблять, их необходимо произвести.

Обретение второй группы ценностей смысла жизни, связанной с переживаниями человека, с его чувствительностью к явлениям окружающего мира, непосредственно не обнаруживает отношений внешнего долженствования. Прекрасное настроение, радость или восторг – это состояние самочувствия отдельного конкретного индивида, которое придает переживаемому им моменту смысловую ценность и позволяет эту ценность ощущать. Как биопсихический процесс названное состояние объективно не выходит за соматические границы того или иного человека и ему нельзя вменить в обязанность наслаждаться природой, искусством, как можно больше радоваться процессу самой жизни.

Но на практике независимость внешнего поведения (отношения к людям) от внутренних переживаний индивида может встречаться лишь в отдельных случаях, когда человек огромным усилием воли или приемами аутогенной тренировки подавляет в себе раздражение, чтобы не выплеснуть его на родственника, собеседника или коллегу. Но даже в этом случае у нас нет оснований считать отрицательные эмоции латентными, так как человек в момент принятия решения на действие и при совершении поступка является не аутентичным самому себе. То есть отрицательные переживания индивида вносят определенную долю «нравственной отрицательности» в его поступки даже в том случае, когда он при совершении действий пытается абстрагироваться от своих эмоций.

В жизни же в большинстве случаев эмоциональное состояние индивидов вписывается в содержание их поступков или непосредственно, или с минимальной волевой коррекцией.

В зависимости от преобладания положительных или отрицательных эмоций у человека в повседневной, обыденной речи применительно к нему употребляются такие пары антонимов, как добрая и недобрая аура, донор и вампир и т.п. Индивид, не умеющий чувствовать прекрасное в жизни и наслаждаться им, не только не имеет смысложизненных ценностей переживания сам, но и в какой-то мере отнимает их у окружающих его людей.

Общество не может вменить в обязанность индивиду радоваться жизни, но в то же время нести в окружающий мир добро, а не зло – это обязанность человека, продиктованная не только его личным стремлением ощущать смысл своего существования, но и внешним долженствованием.

Третья группа смысложизненных ценностей, названная В.Франклом ценностями отношения, показывает вариант жизни со смыслом и в том случае, когда человек объективно уже не в состоянии заниматься созидательной деятельностью и наслаждаться ценностями переживания.

Ценности отношения обретаются человеком в трагической ситуации, когда он обречен на смерть или безвыходное положение, которое объективно нельзя изменить в позитивном направлении. С точки зрения обыденного мышления с человека в этой ситуации уже ничего нельзя требовать, а его можно только жалеть. И если в сознании самого индивида эмоции отчаяния заглушат рациональное осмысление ситуации с точки зрения смысла и ценностей жизни, этот несчастный действительно будет представлять сгусток страданий и жалости, у которого все потеряно и ничего уже нельзя приобрести.

Рациональное же мышление, акцентированное на нравственном смысле жизни, приводит индивида к альтернативному решению: не сдаться, а с великим мужеством перенести удары судьбы, проявить высочайшие нравственные качества, волю, а если смерть неминуема, то умереть достойно, как подобает человеку в высшем понимании значения этого слова. И если индивид, утративший ценности созидания и переживания, не утратил рациональное мышление, то в альтернативе может оказаться жалким, ничтожным или быть сильным, непобедимым. Сама логика мышления выбирает второе.

Ценности отношения являются ценностями смысла жизни самого индивида. Они не приносят материальных благ обществу. Но люди преклоняются перед их создателем, приравнивая их к подвигу, так как человек, демонстрируя вышеназванные качества, создает духовность, расширяет границы человеческих возможностей. Общество, люди осознанно или неосознанно, но заинтересованы в подобном поведении индивида, так как испытываемые ими чувства уважения, преклонения предпочтительнее чувствам жалости и презрения (в отдельных случаях). Наряду с этим большинство окружающих, имеющих возможность в данный момент заниматься созидательной деятельностью и наслаждаться различными сторонами существования, рано или поздно будут поставлены перед необходимостью попытаться обрести ценности отношения. По крайней мере от смерти никто не застрахован, а неожиданно и мгновенно она приходила и приходит к весьма небольшой части обреченных на расставание с жизнью. Поэтому ценности отношения, создаваемые отдельным человеком, становятся ценностями человечности, касающимися всех людей.

Проведенный теоретический анализ показывает, что диалектика смысла жизни и долга обеспечивает нравственный характер практической деятельности индивида, которая, в свою очередь, является условием реализации гармонической взаимосвязи и существования исследуемых феноменов. В самой же нравственной жизненной позиции

при осуществлении практической деятельности диалектика смысла жизни и долга *проявляется во взаимосвязи инициативы и ответственности* индивида. Инициатива как антоним пассивности подразумевает активную целенаправленную деятельность, направленную на динамичное изменение существующей реальности в интересах индивида.

Ответственность представляет собой понимание и прогнозирование необходимого, должного в своей предстоящей деятельности, также способность реализовывать эти взгляды и прогнозы на практике. Человек знает, что поступает правильно и отвечает перед своей жизнью, судьбой и перед другими людьми за свою правоту. В этом случае к нему применима характеристика надежности: его не нужно контролировать или держать под угрозой санкций принуждения. Внешняя необходимость, внешние объективные требования сливаются с личной заинтересованностью индивида соответствовать этим требованиям, и он уже не может поступать иначе.

Проведенный выше анализ диалектики исследуемых феноменов даст возможность и теоретические основания посмотреть на их взаимосвязь через призму конкретизации, то есть выявить смысловой потенциал в долге воина-профессионала.

Каждая профессия на фоне тех или иных социальных условий предоставляет различные возможности для удовлетворения смысложизненных запросов и творческого потенциала личности. Детерминационную зависимость между военной службой и смыслом жизни человека можно увидеть, только вскрыв в ней (в службе) те аспекты, которые позволяют человеку всесторонне реализоваться, раскрыться, в максимальной степени выполнить свое предназначение. Все они находятся в тесной взаимосвязи с особенным в профессиональном долге военнослужащего.

Так, добровольное, основанное на высоких нравственных качествах воина, принятие им особых моральных и правовых требований общества и государства по вооруженной защите интересов страны детерминирует «уплотнение» времени нравственного, профессионального, боевого становления воина, интенсификацию процесса его самоосуществления, реализацию потенциально заложенных в нем способностей. Вступление в Вооруженные Силы объективно поднимает человека над буднями повседневности. Смысл жизни начинает наполняться нравственным содержанием в процессе учебно-боевой деятельности, которая предполагает не просто инициативные действия, а действия, сопровождаемые подчас предельным напряжением духовных и физических сил, требующие хладнокровия, максимальной выдержки, находчивости, отваги, мужества и даже героизма.

Повышенные трудности и лишения службы с жесткой регламентацией многих сторон жизни и деятельности детерминируют повышенную четкость, экономичность, эффективность управленческих действий, выработку самодисциплины и воли, умения соединять в единое целое общественный и личный интерес. Профессиональный воин при выполнении воинского долга отдает себя общественно значимому делу гораздо больше, чем большинство его ровесников. Но насколько больше он отдает, настолько эффективнее идет процесс его смысложизненной реализации? Понимание этого нравственного уравнения создает в нем внутреннюю мотивацию интенсификации труда и удовлетворенность от его процесса и результата.

Высокая степень профессионального мастерства и повышенный удельный вес творчества в работе, являясь особенной составляющей долга воина-профессионала, одновременно выступает детерминантой смысла жизни, так как представляет широкие возможности для неограниченной профессиональной, военно-технической самореализации личности, обеспечивает постоянный рост в этом направлении. Любой

уровень боевого мастерства является лишь ступенью для дальнейшего движения вперед. В этих условиях невозможны остановка жизни, утрата перспективы, которые, как правило, приводят человека к ощущению пустоты самой жизни. Так как профессиональное мастерство подразумевает не набор алгоритмов деятельности, а способность нестандартно решать учебно-боевые задачи, сам процесс учебы и службы детерминирует развитие и реализацию творческих начал в войне, его уникальности и самобытности, что является важной составляющей смысла жизни.

Одной из детерминант смысла жизни является способность профессионала проводить воспитательную работу с людьми. При условии нравственного жизневосприятия командир-воспитатель вносит в сознание подчиненных не только формулы, регламентирующие служебно-техническую деятельность, но и свою аксиологию, в том числе свои взгляды на жизнь, на человеческие взаимоотношения и человеческое предназначение. А это уже та информация, которая не может быть эмоционально неокрашенной, так как она касается жизненной судьбы и счастья человека. При ее усвоении у объекта воспитания формируется духовный мир, схожий с духовным миром субъекта. Мысли и чувства воспитателя интроецируются в сознание воспитуемых. Полной идентификации, конечно, не происходит, но то, что положительно воспринято подчиненными и ассимилировано его духовным миром, получает самостоятельное существование и потенциальную возможность интроекции в других людях. Командир-воспитатель начинает жить в сознании своих подчиненных. А это – один из вариантов не мифического, а реального бессмертия человека.

Как свидетельствуют исторические оценки, произведения литературы и искусства, а также материалы настоящего исследования, в условиях военной службы, особенно при ведении боевых действий по защите своей Родины, при справедливом характере войны смысложизненной детерминантой может стать **воинский подвиг**. В этом случае даже преждевременная смерть, как это ни парадоксально, наполняет человеческую жизнь высоким нравственным смыслом.

Героизм воина в бою и его внешнее проявление – самопожертвование является соответствующим отражением его нравственности. Но подвиг – не демонстрация нравственности, это ее внешнее проявление. Воин жертвует собой, спасая многие человеческие жизни, свободу и независимость Родины. Именно поэтому воинский подвиг, обрывая физическую жизнь человека, продолжает ее в памяти других. Погибнув, он дал возможность вместо себя жить другим. И продолжение его социальной жизни является нравственным долгом живущих. И эта социальная жизнь после смерти становится нравственно ценнее, чем физическое существование, сохраненное ценой трусости или малодушия. Подчеркнем, речь идет не об идеологическом или религиозном фанатизме, а об осознанном творении добра в мире. В противном случае военный служащий, совершивший самопожертвование, будет представлять из себя марионетку, к которой наши рассуждения и оценки не применимы.

3.2. УСЛОВИЯ СБЛИЖЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Предшествующий теоретический разговор о смерти и бессмертии, о взаимосвязи их с другими духовными феноменами основывался на внутренних и внешних реалиях, максимально приближенных к идеальным состояниям, то есть к тому, что **должно** быть. Необходимо было зафиксировать состояние сущностных и содержательных характеристик смерти (бессмертия), смысла жизни и долга, чтобы использовать их,

наряду с результатами психологических исследований (глава 1), как основания для легитимности полученных результатов и выводов. Иначе эти результаты и выводы были бы невозможны.

Вместе с тем сущее и должное в любом социуме не совпадают – имеют тот или иной угол расхождения. И чем больше этот угол, тем выше степень дисгармонии, конфликтности как коллективного, так и индивидуального бытия. Крайним случаем является противоположная направленность требований государства и смысложизненных интересов личности. Особенно это касается «человека с ружьем», профессионального военнослужащего, функциональная надежность которого в конечном итоге обеспечивает жизнеспособность и национальную безопасность страны в современных условиях. А функциональная надежность подразумевает готовность, способность выполнить приказ даже ценой жизни. А это возможно, если смерть будет иметь для воина осознанный смысл, то есть иметь смысложизненную ценность.

Каковы же условия совпадения смысловых ценностей воина и требований службы? Их выявление и соотнесение с современными реалиями одновременно будет показывать и основные направления деятельности по созданию этих условий.

Основопологающим из этих условий является **несомненная легитимность субъектов государственной власти**, уполномоченных использовать Вооруженные Силы. Эти субъекты власти и проводимая ими политика должны поддерживаться народом и положительно им оцениваться. В этом случае решение об использовании армии воспринимается воином как воля народа, как приказ Родины. Только в этом случае мотив патриотизма в действиях офицеров способен стать ведущим. Периферийность мотива патриотизма у современных офицеров (по материалам психологического исследования) свидетельствует об их отрицательном отношении к деятельности высших государственных институтов. Это отношение является отражением недовольства широких народных масс действиями политиков в постперестроечный период. Офицеры же являются выходцами из этих народных масс. Данная ситуация требует принятия коренных мер в социальной политике, результатом которых должен стать такой уровень социальной справедливости, который позволит людям воспринимать государство как народное, как «наше». Логика здесь проста и естественна: отдавать жизнь объективно имеет смысл за Родину, за народ, но отнюдь не за тех правителей, для которых, к примеру, власть и народ являются лишь средствами для удовлетворения личных, далеко не патриотических, потребностей. По большому счету речь идет о создании гражданского общества, без которого, согласно политической теории, решение проблемы зависит от такого случайного фактора, как сочетание политического профессионализма и нравственности лидера.

Следующим важнейшим направлением деятельности субъектов власти в стране и военных руководителей является **проведение военной реформы, предусматривающей приведение целей и структуры Вооруженных Сил в соответствие с объективными требованиями жизни**. Воин должен ощутить нужность и социальную значимость своей жизни и службы. Военная служба должна стать привлекательной и уважаемой в глазах общества.

Огромная территория и особое геополитическое положение, исторические и национальные традиции обрекли Россию на особую роль в мире. Для такой страны жизненно необходимо иметь мощные вооруженные силы, которые обеспечили бы ее политический, экономический и духовный статус. И такая задача должна не только декларироваться, а быть объективной. Сложившееся в последнее время несоответствие требованиям жизни количественного и качественного состава армии и флота, их

структур, принципов финансирования, комплектования и управления привели не только к снижению боеготовности, но и к снижению престижа военной профессии. Между нравственным смыслом и посвящением жизни военной профессии появилось противоречие, которое продолжает обостряться. Снять эту проблему может только проведение военной реформы, которая должна наполнить функции, цели, задачи Вооруженных Сил нравственным, социально значимым содержанием.

Нравственная суть смысла жизни требует реализации такого направления деятельности, как **осуществление социальной справедливости при кадровых перемещениях воинов**. Социальная справедливость является тем «срезом» общественных отношений, который создает условия как для развития личности воина, так и для эффективного функционирования воинских коллективов. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, но генералами становились, становятся и будут становиться единицы. Это естественно. Неестественной является система критериев оценки, а также подбора и расстановки кадров, которая позволяет более слабым (интеллектуально и нравственно, прежде всего) обгонять в служебном продвижении более сильных. Одним из вариантов механизма кадровых выдвиганий может стать система конкретных требований, критериев, предъявляемых к назначаемому на должность и прохождению по ним гласного конкурса. Это позволит сменить ориентацию воина с вышестоящего начальника на себя: на развитие своих интеллектуальных, профессиональных, нравственных качеств. Более того, быть безнравственным офицеру станет невыгодно. Подхалимаж, лакейство, угодничество, хамство становятся нонсенсом, абсурдом, когда они не только осуждаются общественным мнением, но еще одновременно лишают человека служебной карьеры и связанных с ней жизненных перспектив.

Психологическое исследование воевавших офицеров показало низкий уровень их доверия вышестоящему военному руководству, что свидетельствует об актуальности и необходимости данного направления деятельности.

Столь же важным среди направлений является **предоставление воину реальной возможности проявить в процессе службы творческий потенциал**, свои уникальные, личностные, неповторимые черты, которые составляют человеческую индивидуальность и, таким образом, наполняют смыслом его жизнь. Для этого необходимо пересмотреть основные стороны службы и жизнедеятельности военнослужащих с целью определения границ их внешней регламентации. Любая внешняя регламентация (с идеальной точки зрения) ограничивает свободу, ставит определенные рамки инициативе личности. Эти ограничения должны быть определены только объективной необходимостью и ничем иным. Нужно раскрепощение профессиональных военных – превращение их в субъектов положения дел на своем участке деятельности, а следовательно, в субъектов своей собственной жизни. Воин должен нести ответственность за свои собственные решения, в настоящее же время он часто вынужден отвечать за решения вышестоящих инстанций, которые выполняет. Особый статус профессия воина имеет благодаря тому, что человек привносит в свою работу как личность. Ибо иначе его можно было бы заменить механизмом, роботом. И только выходя за пределы предписанного, воин выполняет истинно уникальную работу, в которой лишь он может раскрыться как личность. Чем меньше в службе личностного, тем меньше в ней смысложизненного содержания.

Эффективность самореализации воина, скорость его движения к поставленной цели зависит от многих бытовых факторов. Поэтому **совершенствование сферы быта и бытового обслуживания военнослужащих** является направлением деятельности, связанной с формированием понимания смысла жизни. В случае решенности острых

социальных проблем показатели быта выступают как средства осуществления смысла жизни. И, наоборот, при дефиците одного или нескольких факторов быта они независимо от желания офицера, мичмана, прапорщика превращаются в цель, достижению которой приходится посвящать внеслужебное время, которое для воина является ничуть не менее ценным, ибо это время жизни. И в данной ситуации, с точки зрения реализации смысла жизни, это время является потерянным, бесполезно потраченным. Более того, это потерянное время неизбежно потянет вниз эффективность использования будущего рабочего времени, снизится работоспособность воина. И как следствие – неудовлетворенность собой, психологический дискомфорт. А когда людей с «неустроенной жизнью» в коллективе много, снижается его общий тонус, ухудшается нравственная атмосфера. В современных условиях задача снятия материально-бытовых проблем военнослужащих может решаться лишь эволюционным путем. Приоритетность принимаемых мер при этом определяется остротой проблемы и ее влиянием на состояние боеготовности.

Перечисленные направления деятельности по созданию внешних условий одновременно должны дополняться формированием нравственной смысло-жизненной ориентации личности в современной России. На этот результат должна работать вся система образования и воспитания в стране. Речь необходимо вести о стране в целом, так как, образно говоря, посреди пустыни дикости не может расцвести и благоухать оазис нравственности отдельно в Вооруженных Силах или в какой-либо другой социальной общности. Так как человек находится в общей системе обучения и воспитания и не изолирован от пропагандируемых в обществе духовных ценностей и идеалов, необходимо выделить направления проблемного характера, осуществление которых зависит от субъектов государственной власти и, в частности, от тех, кто вырабатывает и осуществляет культурную политику.

Одним из таких направлений является **акцентуация темы смысла человеческой жизни** во всех видах российского образования и в средствах массовой информации. Нереализованная актуальность этой темы порождает в нашем обществе массу больших нравственных проблем, решение которых с помощью административных и других санкций находится под вопросом. С ликвидацией идеи построения будущего счастливого общества ее место в сознании у основной массы населения заполнил биологический инстинкт выживания, подогреваемый многими средствами массовой информации и действиями некоторых субъектов власти.

На фоне царящего беззакония государственная собственность, принадлежащая всему народу, в короткие сроки была разграблена узкой кучкой так называемых «новых русских», которые организуют футбольные турниры на северном полюсе, шокируют размахом заграничного разгула западное общество, в то время как основная масса тружеников, в том числе интеллектуальная элита страны, влачит нищенское существование.

Духовная же атмосфера общества наполняется завистью, озлобленностью, жестокостью, что стимулирует уголовщину, которая, в свою очередь, героизируется интеллектуальным дилетантизмом определенной части молодежи. При таких жизненных установках и ценностных ориентациях людей нельзя рассчитывать на экономическую и политическую стабилизацию, а следовательно, на цивилизованное будущее России.

Судорожные попытки слепоперестроечных политиков сделать всех людей верующими или вдохновить население идеей создания новой России не приносят желаемого результата. В футурологических статьях современных политологов и социологов настойчиво проводится мысль о необходимости, нужности волшебной идеи,

которая была бы понятна народу, с энтузиазмом им принималась и могла мобилизовать его на очередное переустройство России. На наш взгляд, после всех исторических перипетий, которые хорошо известны народным массам, никакая идея, ориентирующая людей на внешнюю заманчивую цель или ценность, не работает.

Остается единственная – не внешняя, а внутренняя идея, дремлющая в сознании индивидов, на разбуженный зов которой не может не откликнуться каждый из них – это идея смысла человеческой жизни. Жажда смысла – это то, что характерно для менталитета основной массы населения России.

Если то внимание, которое прежде уделялось в школьных и вузовских программах, в средствах массовой информации созиданию прекрасного будущего, сосредоточить непосредственно на смысложизненных ценностях и интересах личности, можно не сомневаться, что общественное мнение повернет в нравственное русло. В этом случае можно будет рассчитывать на гуманный характер экономических реформ и на ту особую миссию России в мире, которая не заставит содрогаться ни свой собственный народ, ни другие народы.

Из этого направления вытекает *необходимость целенаправленной пропаганды духовных, нравственных качеств как высших, элитарных характеристик личности*. Мы говорим о целенаправленной пропаганде, насаждении, выращивании духовности, так как она в отличие от материальных потребностей не заложена в биологии человека, а приобретается в процессе его социального становления. Не нужно пропагандировать атрибуты роскоши и богатства индивида. Они – от биологической природы человека, от сложившегося в процессе онтогенеза стремления выжить, которое формулировало их в течение многих веков медленно нарождающемуся человеческому сознанию как цель существования.

Когда же проблемы выжить не существует, т.е. человек имеет все необходимое для поддержания жизнедеятельности, дальнейшее накопление богатства как жизненная цель теряет смысл. Материальные ценности, находящиеся в распоряжении индивида, начинают выполнять роль средства, а целью становится осуществление жизни, имеющей смысл. Но чтобы это произошло, индивид уже должен быть носителем нравственного понимания смысла жизни, которое объективируется в соответствующее отношение к миру и позволяет ощущать гармонию существования.

Пока же, к сожалению, биологический инстинкт у многих людей доминирует над духовными потребностями. Некоторые из «новых русских» оказались в ситуации бессмысленной гонки за большими деньгами, за которые нельзя купить ни счастья, ни смысла жизни. Поэтому целенаправленная пропаганда во всех средствах массовой информации духовных, нравственных качеств как высших элитарных характеристик цивилизованного человека должна сыграть роль противовеса животным, биологическим началам. Речь идет не об апологетике нищеты и не о критике богатства как такового, а об истинной оценке человека, его способности быть счастливым и приносить счастье окружающим.

Проблема смысла жизни существует благодаря смертности человека. Именно осознание смерти актуализирует в сознании индивида поиск смысла бытия. Следовательно, человек, чтобы жизнь прошла не зря, должен думать о смерти. В связи с этим важным (а в армии особенно) является направление воспитания, которое можно сформулировать как **интеллектуальное и психологическое преодоление страха смерти**. «Конечная точка нашего жизненного пути – это смерть, – писал знаменитый французский мыслитель М. Монтень, – и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство,

применяемое невежественными людьми, – вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой»⁷⁴. Проблема поиска ответов на смысложизненные вопросы становится для человека личностной при глубоком осознании им конечности своего бытия. «Именно отказ от детской веры в личное бессмертие, – пишет И.С. Кон, – и принятие неизбежности смерти побуждает человека всерьез задумываться о смысле жизни, о том, как лучше прожить ее»⁷⁵. Преодоление страха смерти, принятие неизбежности ее – эта проблема является смысложизненной и выступает одновременно как задача нравственного воспитания.

Данную тему в предшествующие годы воспитательная система старалась не замечать. Но не думать со страхом о смерти мыслящему человеку можно лишь в том случае, если этот страх уже преодолен интеллектуально и нравственно. Обходить эту тему – значит оставить нерешенной проблему понимания и обретения смысла жизни. Научный подход не позволяет рассчитывать на биологическое бессмертие индивида. Но сам факт неизбежности смерти и позволяет по-особому, обостренно подходить к осмыслению ценности единственной и неповторимой жизни. Поэтому воспитателю не нужно уходить от обсуждения проблемы смерти, закрывать на нее глаза. Но обращение к теме временности жизни необходимо не для нагнетания страха смерти, а для выработки философского отношения к ней. Вариантов такого отношения история философии и современная наука предлагают немало. Принятие того или иного варианта зависит от особенностей осмысления проблемы каждым индивидом. Воспитатель же, зная эти особенности, помогает философски обосновать позицию человека.

С вышеназванным направлением воспитательной работы связано **создание системы отношений, обеспечивающих максимальную степень совпадения личных интересов военнослужащего и требований службы**. Воин самореализуется, утверждает свое профессиональное и человеческое «Я» не в абстрактной воинской деятельности, а через конкретную специальность, через продвижение по такой служебной лестнице, ступени которой он желает и способен преодолеть. Совпадение желаемого и реального в деятельности профессионального военного раскрепощает его духовные и интеллектуальные силы, приобщает его к высшей степени свободы, на которой внешняя необходимость становится не только осознанной, но и внутренне преодоленной. В такой ситуации он решает стоящие перед ним задачи не только потому, что это необходимо для повышения боевой готовности армии и флота, но и потому, что это его личные, жизненные задачи. Он работает на себя, так как реализует смысл своей личной жизни. Поэтому он достигает максимально возможного результата, а результат этот получается как бы из векторного сложения интересов – интереса службы и интереса индивида. Чем меньше угол их расхождения, тем больше суммарный результат. Идеальный вариант, к которому необходимо стремиться, это однонаправленность, полное совпадение вышеуказанных интересов.

Предложенные направления деятельности выделены на основе анализа социальной и духовной ситуации, которая сложилась в стране и армии к началу наступившего столетия. Они являются основополагающими, требуют творческого подхода, который, в свою очередь, будет детерминировать новые пути движения и цель, указанные изменениями существующих реалий.

⁷⁴ Монтень М. Опыты // Избранные главы. – М.: Правда, 1991. – С. 66.

⁷⁵ Кон И. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978. – С. 290.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Смысл жизни индивида, исходя из научного анализа проблемы, состоит в единстве нравственного, интеллектуального, профессионального и физического самосовершенствования, максимальной реализации его личностной уникальности, способностей и творческих возможностей в интересах общества на каждом этапе жизненного пути. Данное определение является не законченной формулой смысла, а показывает направление движения к нему. Оно учитывает, что в процессе развития и реализации своего человеческого «я» личность открывает новые грани смысложизненного содержания, поднимается на новые ступени познания себя и своих возможностей. Таким образом, осуществляются два параллельных процесса: познание смысла, движение к нему и реализация познаваемого смысла жизни на практике, в процессе повседневной деятельности. Нравственная самореализация человека является главной, основной составляющей в смысле его жизни. Она придает смысложизненную ценность интеллектуальному и профессиональному совершенствованию человека.

Нравственная направленность самореализации личности не может находиться вне общественного интереса при условии его адекватного понимания. Сам же объективный общественный интерес (его нельзя смешивать с интересом субъекта власти) не может быть направлен против человека, против его потребности иметь смысл жизни. В этом случае требования общества воспринимаются индивидом как долг перед людьми и перед собой одновременно, так как, созидая добро для других, он удовлетворяет свою потребность в счастливом жизнеощущении.

Во все времена должное рассматривалось через призму нравственности, в русле творения добра, справедливости. Эти требования выступают как обязанности индивида, а долгом они становятся в случае внутреннего принятия их человеком, когда он формулирует их для себя как свою личную задачу.

Нравственное понимание смысла жизни выступает как предпосылка выполнения человеком общественного долга, одним из выражений которого является воинский долг. Поэтому общество и государство должны быть заинтересованы в гуманной смысложизненной ориентации населения, которая формируется как общественными отношениями, так и всей системой обучения и воспитания в стране. Анализ духовной ситуации постперестроечного периода показывает, что формирование нравственных взглядов на смысл человеческого бытия приобретает значение спасительной национальной идеи, отсутствие которой тревожит политиков и обществоведов в России. Превращение этой идеи в движитель прогресса возможно при условии акцентуации темы нравственного смысла жизни как государственно-идеологической проблемы.

Возможность единства смысла жизни и готовности ему рисковать становится действительностью, если нравственные цели и назначение Вооруженных Сил в полной мере реализуются на практике. Результаты анализа духовной ситуации в стране, подтвержденные психологическим исследованием офицеров, участвовавших в боевых действиях, показывают ряд существенных расхождений между должным и сущим, между нравственными смысложизненными интересами офицера и возможностью их реализации на службе. Необходима целенаправленная деятельность на всех уровнях власти и управления по ликвидации этих расхождений, так как от функциональной надежности профессиональных воинов зависит национальная безопасность страны, ее целостность и авторитет на международной арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологическое исследование и философский срез проблемы смерти и бессмертия профессионального воина показывают ее неразрывную связь со смыслом жизни. А само слово «смысл» подразумевает ее осмысление, для чего нужен человек мыслящий, выходящий за рамки биологических инстинктов. И чем глубже, диалектичнее это осмысление, тем больше у индивида запросов, претензий к этому самому смыслу. В идеале речь идет о максимальной реализации всех заложенных в человеке потенциальных возможностей. Если человека устраивает сытость и бытовой уют, больше ему ничего не нужно для полного счастья, то в этом случае можно констатировать низкий интеллектуальный, человеческий потенциал, доминирование над ним биологических начал. Но в этом случае осмысление подчинено биологии и порождает не смысл жизни человека, а оправдание уютного, спокойного, беспроblemного существования.

К человеку, выбирающему военную профессию, применима поэтическая строчка «А он, мятежный, ищет бури...». Ему нужен смысл, оправдание жизни. Поэтому он выбрал дело, требующее активности, напряженности, самоотдачи. Он презирает биологический уровень мешанского существования. Более того, он не считает такое существование жизнью. Воин гордится максимальным проявлением человеческих начал, их победой над инстинктами. Смысловую ценность его жизни придают не уют и тепло, а преодоление трудностей, рубежей, зачастую на грани человеческих возможностей. И само общество, профессия требуют от него именно такой жизни. Поэтому в войне ценятся мужество, героизм, воля, способность владеть собой в любой обстановке, коллективизм, нравственная надежность, развитые физические качества. При условии гуманного назначения Вооруженных Сил эта максимальная жизненная самоотдача становится высшим проявлением человека и человечности. И в этом случае смерть в бою, осознанное самопожертвование, является не исчезновением, не уходом в пустоту, в ничто, а представляет собой миг, в котором концентрируется величие человеческого духа. Этот миг индивидуальной жизни (смерти) для человечества, для культуры ценнее множества тех полубиологических, серых судеб, счастьем которых является сытость и уют. Биологически они были, а духовно, исторически их не было. Эти жизни являются пустотой, ничто и уходят потом в пустоту, в ничто. Духовный мир воина не приемлет такую судьбу. Тем более, он не может принять судьбу позора. Поэтому на войне он предпочтет смерть трусости и малодушию. А то, что он не ошибается, подтверждает история развития страны и ее культуры. Как это ни банально звучит, подвиг воина бессмертен. Не будь так, не было бы воинского сословия, да и страны бы не было.

**Методы и результаты психологических исследований
офицеров, участвовавших в боевых действиях на территории
Чеченской республики**

Были использованы следующие методы исследования: стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ), метод диагностики межличностных отношений (ДМО), метод цветowych выборов (МЦВ), методика «Нарисуй время», анкета для исследования участников боевых действий, направленное интервью, анализ дневников и письменных воспоминаний.

Анализ интервью и анкеты показал, что деятельность военнослужащего в условиях угрозы жизни может вызывать изменения не только негативные (синдром, травма), но и позитивные, связанные с целеполаганием и осознанием смысла жизни. Так, на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к жизни после увиденных сцен смерти?» 92 % участников боевых действий ответили утвердительно и только 8 % свое отношение к жизни не изменили.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что после участия в боевых действиях отношение к жизни у офицеров изменилось. Так, с утверждениями «Я почувствовал вкус жизни» согласились 97 %; «Я стал зрелым, знающим человеком» – 90,8 %; «Я стал ценить свою жизнь и жизнь окружающих» – 93 %. При этом суждения о бессмысленности жизни не высказал ни один из опрошенных. Таким образом, 100 % участников боевых действий смысл жизни не утратили, а, напротив, стали острее чувствовать и воспринимать жизнь, более ценить свою жизнь и жизнь окружающих. Большинство военнослужащих (90,8 %) с надеждой смотрят в будущее и оценивают свое участие в боевых действиях как позитивный опыт.

Сравнительный анализ результатов исследования участников боевых действий сразу же после возвращения с войны и через полтора года после нее показал, что в эмоциональной сфере офицеров преобладают следующие переживания (рис. 1).

Полученные данные говорят о том, что ощущение того, что их просто «подставили», «использовали» для достижения политических, экономических, криминальных и иных целей, стало следствием негативной оценки их боевого опыта обществом после войны. Но офицеры отметили чувство честно выполненного долга, удовлетворение от участия в событиях и гордость за это. Данные переживания по прошествии времени не изменились.

Повышение желания офицеров вновь участвовать в боевых действиях связано с актуализацией ряда потребностей: быть понятым, в сопереживании и сочувствии, профессиональной востребованности. По полученным данным, в системе ценностей большинства участников боевых действий коллективизм

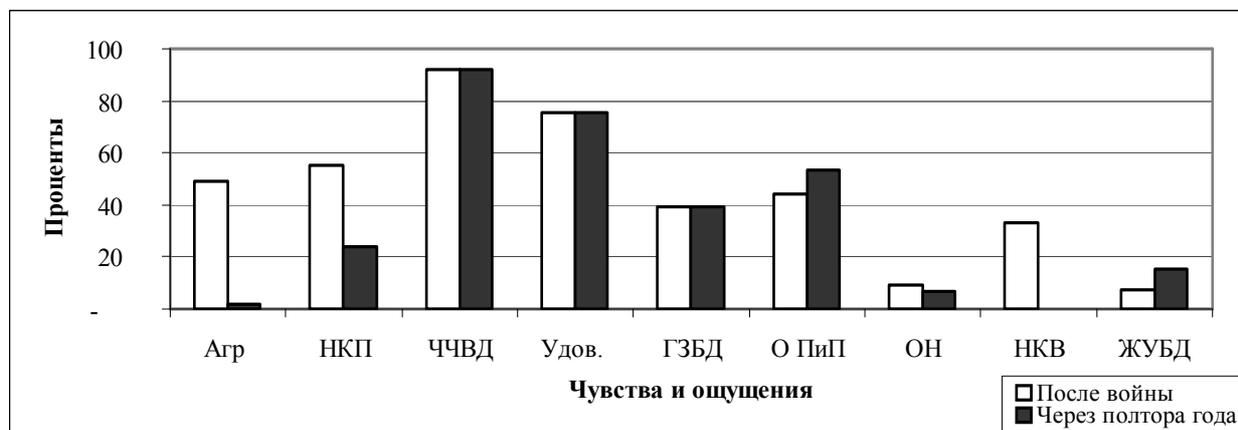

Рис. 1. Чувства и ощущения, переживаемые участниками боевых действий:

Агр. – агрессивность; НКП – ненависть к противнику; ЧЧВД – чувство честно выполненного долга; Удов. – удовлетворения; ГЗБД – гордость за участие в боевых действиях; ОПиП – ощущение, что участников боевых действий «подставили» и предали; ОН – ощущение своей ненужности.

Другие переживания обозначены как НКВ – ночные кошмары о войне; ЖУБД – желание вновь участвовать в боевых действиях

и товарищество являются одной из основных составляющих мировоззренческой установки. Эти ценности повлияли на принятие решения об участии в боевых действиях у 40 % респондентов; 94 % отмечают, что в служебном коллективе они находили внимание и поддержку; 89,7 % за свою жизнь боялись меньше, чем за жизнь подчиненных и товарищей; 92 % в период выполнения боевых задач испытывали чувство солидарности, взаимопомощи и взаимовыручки; 95 % постоянно испытывали чувство ответственности за свои действия и действия своих товарищей; 100 % отмечают, что наиболее яркие чувства и горькие впечатления связаны с гибелью друзей-сослуживцев.

Сравнительный анализ усредненных значений шкал по методике СМИЛ участвовавших (ЭГ) и не участвовавших (КГ) в боевых действиях, выявил достоверные различия ($p < 0,01$) по 4 шкалам: 4 (импульсивность), 6 (ригидность), 7 (тревожность) и 9 (оптимистичность) (рис. 2).

Анализ полученных значений по шкалам методики СМИЛ выявил у 82 военнослужащих, не принимавших участие в боевых действиях, ведущие тенденции с преобладанием стеничного, смешанного и гиперстеничного типа реагирования (Т 56-66); у 16 – акцентуированность различных личностных черт (индивидуалистичность, пессимистичность, импульсивность и оптимизм) (Т 67-70).

В группе участников боевых действий иная картина: у 86 – акцентуированность (импульсивность, ригидность и оптимизм); у 12 – ведущие тенденции, определяющие их характерологические особенности (индивидуалистичность, пессимистичность, импульсивность, оптимизм и др.). При этом 91 % военнослужащих экспериментальной группы после участия в боевых действиях добились успехов в профессиональной деятельности (получили новые должности и звания, поступили в академию и т.п.) и в социальной области (только у трех человек нет семьи, все участвуют в общественных организациях). Это может свидетельствовать о том, что реагирование по стеническому типу – одна из основных личностных особенностей офицеров группы участников боевых действий, она выражена в активно-оборонительной, жизнелюбивой позиции, что обуславливает направленность на самореализацию и позитивную социальную адаптацию.

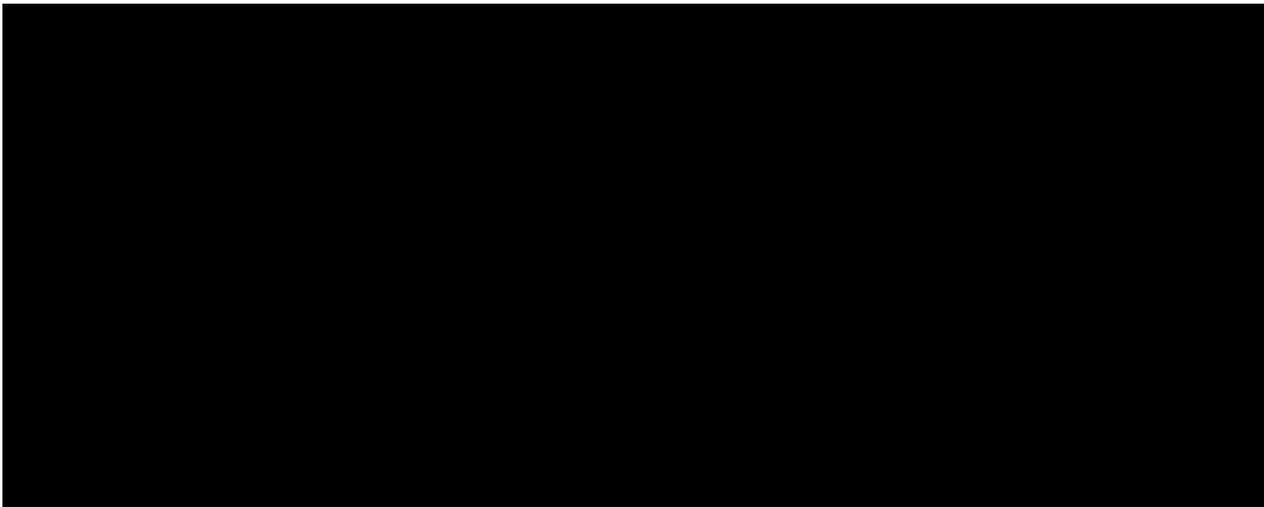

Рис. 2. Личностный профиль по методике СМЛ в ЭГ и КГ.

По методике ДМО получены следующие результаты о характерологических особенностях респондентов, стиле межличностных отношений и самооценке. В группах, участвовавших и не участвовавших в боевых действиях, выявлены достоверные различия ($p < 0,01$) по 3 октантам образа «Я-актуальное» («ЯА»): властно-лидирующий, независимо-соперничающий, прямолинейно-агрессивный и по 6 октантам образа «Я-идеальное» («ЯИ»): властно-лидирующий, прямолинейно-агрессивный, недоверчиво-скептический, зависимо-послушный, сотрудничающе-конвенциальный, ответственно-великодушный.

У офицеров, участвовавших в боевых действиях, в образе «Я-актуальное» значения всех октант умеренно выражены с преобладанием властно-лидирующего и независимо-доминирующего стиля межличностных отношений, а в образе «Я-идеальное» повышены октанты конформного поведения. Есть достоверные различия ($p < 0,01$) в этих октантах между образами «Я-актуальное» и «Я-идеальное». У респондентов, не участвовавших в боевых действиях, в отличие от участвовавших, в образе «ЯИ» повышены октанты неконформного поведения: властно-лидирующего, независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного стиля межличностных отношений.

Анализ полученных результатов по методике ДМО у каждого военнослужащего показал, что в группе участников боевых действий, в отличие от не участвовавших в них, преобладают лидерские тенденции. Об этом свидетельствуют высокие показатели у 65,4 % военнослужащих в образе «ЯА», что интерпретируется как нетерпимость к критике, переоценка собственных возможностей. В значениях же образа «ЯИ» они выражены у 32,6 % респондентов, что говорит о потребности участников боевых действий в коррекции данного типа взаимодействия. У них также наблюдается потребность в снижении чрезмерной настойчивости, несдержанности и независимости, выраженных в образе «ЯА» (41,8 %) и в образе «ЯИ» – у меньшего числа респондентов (16,3 %); потребность в компенсации, выраженная в готовности помогать и сочувствовать людям (образ «ЯА» – 7,1 %, «ЯИ» – 80,6 %).

Данная социально-поведенческая составляющая типа межличностного взаимодействия участников боевых действий дополняется повышением компромиссности и дружелюбия в поведении (образ «ЯА» – 7,1 %, «ЯИ» – 72,4 %).

Следует отметить, что именно показатели личностной активности военнослужащих отвечают требованиям, предъявляемым к ним военной профессией. Так, средние показатели по двум группам (ЭГ и КГ) свидетельствуют о том, что профессиональные военнослужащие, участвовавшие в боевых действиях и неучаствовавшие в них,

обладают выраженной склонностью к соревновательности, соперничеству, настойчивостью в достижении цели, определенной долей скептицизма с тенденцией к повышению реалистичности суждений. Эти склонности также определяют мотивацию, а следовательно, свидетельствуют о наличии определенных профессионально значимых качеств и личностных особенностей офицеров.

По методике Люшера (МЦВ) статистический анализ выявил различия на уровне тенденций между группами участвовавших и неучаствовавших в боевых действиях по позициям двух цветов: красного и желтого. Это указывает на то, что в обеих группах у респондентов выражены активность, высокая мотивация достижения целей, потребность в действии и обладании жизненными благами, стремление к доминированию, к интенсивным переживаниям и завоеванию успеха.

Проведенный корреляционный анализ по методикам СМИЛ, ДМО, МЦВ обнаружил достоверные связи между результатами, выявив тем самым их сопряженность.

Подтверждение влияния боевых действий на личностные особенности военнослужащих было получено во время трехэтапного лонгитюдного исследования участников боевых действий.

1. По методике СМИЛ от первого ко второму этапу исследования наблюдается рост значений по шкалам импульсивности, ригидности, тревожности, индивидуалистичности, оптимистичности. От второго к третьему этапу исследования достоверно снизились показатели по шкалам тревожности и индивидуалистичности. От первого к третьему этапу достоверно повысились показатели по шкалам импульсивности, ригидности, оптимистичности и тревожности.

2. По методике ДМО от первого ко второму исследованию в образе «ЯА» получены результаты, выявляющие повышение по октанту недоверчиво-скептический ($p \leq 0,01$) и тенденцию снижения показателей по октантам ответственно-великодушный и сотрудничающе-конвенциональный ($p \leq 0,05$). В образе «ЯИ» выявлено повышение по октантам: недоверчиво-скептический, зависимо-послушный, сотрудничающе-конвенциональный и ответственно-великодушный. От второго к третьему этапу исследования в образе «ЯА» достоверно снизились показатели по октантам властно-лидирующий и независимо-доминирующий; в образе «ЯИ» снижение по октантам не выявлено. От первого к третьему этапу в образе «ЯА» достоверно повысился показатель по октантам: недоверчиво-скептический; сотрудничающе-конвенциональный, ответственно-великодушный и наблюдается тенденция повышения показателя по октанту зависимо-послушный.

3. По методике МЦВ на всех трех этапах исследования первые два ранга занимают красный и желтый цвета. Наименьший ранговый вес на этих этапах имеет черный цвет. Статистический анализ не выявил достоверных различий на всех этапах исследования. Значения суммарного отклонения от аутогенной нормы на первом и третьем этапе исследования показали отсутствие нервно-психической напряженности, а на втором этапе – ее средний уровень. Результаты исследования вегетативного коэффициента показали оптимальную мобилизацию физических и психических ресурсов на всех этапах исследования.

Анализ полученных результатов по методике «Нарисуй время», анкетирования и неструктурированного направленного интервью позволяет создать эмпирическую типологию суждения о времени и выделить:

– по критерию «предметное содержание рисунков» – четыре типа суждения о времени: «Время – это настоящее, прошлое и будущее» (45 рисунков); «Время –

движение» (32 рисунка); «Время не существует» (9 рисунков); «Время – это жизнь» (12 рисунков);

– по физическим характеристикам рисунка – позитивное отношение ко времени (отражено в 89 рисунках) и негативное отношение (отражено в 9 рисунках).

Качественный анализ рисунков выявил, с одной стороны, наличие временной перспективы, с другой стороны – ее суженность, ограничение событиями ближайшего будущего (прошлого) у 13 % респондентов.

Индикацией временной ориентации на прошлое, настоящее или будущее служили не только рисунки, но и ответы на вопросы (анкета и интервью): 9 военнослужащих не могли отдать предпочтение какой-либо одной форме времени. Данный факт подтвержден результатами проективной методики «Нарисуй время», где эти респонденты временную перспективу обозначали как «Время не существует». Это означает, что они не связывают себя с настоящим и не видят каких-либо перспектив в будущем.

Остальные участники исследования ориентированы на будущее (78,5 %) и на настоящее (12,3 %).

Несмотря на то, что большинство ориентировано на будущее, 89 % респондентов подразделяют свою жизнь на три этапа: до войны, война, после войны (по результатам интервью).

Таким образом, на основе данных исследования по методикам СМЛ, ДМО, МЦВ, «Нарисуй время», анкеты и интервью выявлены и описаны личностные особенности офицеров морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях.

Эти личностные особенности в целом проявляются в достижении успеха в профессиональной деятельности, которая основывается на внутренней убежденности в своей правоте, значимости выбранной профессии и наличии собственных взглядов на имеющиеся проблемы. Удовлетворение от самого процесса деятельности ценится офицерами выше тех целей, к которым эта деятельность ведет. Для них характерно активное отстаивание своей позиции, независимость в выборе принимаемого решения как в обычной, так и в сложной, экстремальной ситуации.

Некоторая переоценка собственных возможностей приводит к попыткам дать любой ситуации собственное рациональное объяснение, а причину неудач находить в обстоятельствах и неправильных действиях других людей, в том числе и руководства. Подобный стиль мышления обозначается как интуитивный, субъективно-эмоциональный, с различными вариантами использования накопленного опыта в стрессовых ситуациях. В целом у офицеров морской пехоты эмоциональный фон характеризуется умеренно оптимистичным настроением с выраженным чувством юмора. В сложных экстремальных ситуациях их поведение определяется в большей мере рассудком, нежели чувствами. В стрессовой ситуации они проявляют активность и настойчивость в достижении цели, которая основывается на их интуиции, прошлом профессиональном опыте. Однако, если ситуация на их взгляд воспринимается как обычная и не требует от них изобретательности в принятии решения, то они проявляют беспечность, тем самым обесценивая значение стрессогенных факторов профессиональной деятельности. Следствием этого может быть понижение активности, отрицание трудности ситуации, шаблонность действий и, в конечном итоге, непрогнозируемый результат деятельности.

У большинства военнослужащих есть позитивные изменения в понимании смысла жизни, выраженные в активности, жизнелюбии, увлеченности своей профессиональной деятельностью, что является характерной особенностью офицеров морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях. Легко и с удовольствием расходуя свои силы

и энергию на профессиональную деятельность, они склонны проявлять агрессивность, настойчивость и принципиальность при взаимодействии со старшими начальниками, если те, на их взгляд, недооценивают их деятельность или не понимают конечный результат, к которому они стремятся. Их самооценка может быть завышена, так как они считают себя профессионалами, полностью отдающими себя своему делу. Они хорошо приспосабливаются к кратковременным и длительным стрессовым воздействиям. Офицеры в стрессовой (экстремальной) ситуации могут проявлять гиперактивность, стремление во что бы то ни стало реализовать свои намерения, выполнить задачу.

Обычно такие лица склонны к проявлениям честолюбия, амбициозности и авторитарности во взаимодействии с окружающими. Однако с учетом полученных данных следует отметить, что в обследуемой группе (ЭГ) эти тенденции осознаются и контролируются.

Таким образом, использование приведенных здесь методов оценки личностных особенностей позволило описать комплекс индивидуально-психологических характеристик профессионалов-военнослужащих и выявить индивидуальную неадаптированность (неуязвимость) к действию факторов экстремальной ситуации, затрудняющих профессиональную деятельность. Это отражается в высоких показателях трех шкал «сильного» регистра (4, 6 и 9-я шкалы), выявляющего стеничные свойства участников боевых действий.

Устойчивость к действию факторов экстремальной ситуации связана с наличием в структуре личности однонаправленных тенденций, которые в группе участников боевых действий акцентуированы, но находятся под контролем, а также с интуитивно-эмоциональным стилем и прогностичностью мышления, что положительным образом может сказаться на процессах принятия решений в сложных (экстремальных) ситуациях.

На основании методики «Нарисуй время», анкеты и направленного интервью выборка (98 участников боевых действий) была разделена на две группы: группа «Норма» и группа нуждающихся в особом внимании со стороны психолога (ОВП). В группу ОВП вошли 9 человек, у которых было выявлено суждение о времени – «Время не существует». Для них характерны негативное отношение ко времени, отсутствие себя и темы военно-профессиональной деятельности в рисунках о времени (по методике «Нарисуй время»); низкая профессиональная заинтересованность и индифферентное отношение к самосовершенствованию, отсутствие связи себя с настоящим и каких-либо перспектив в будущем и др. (по анкете и интервью).

Анализ результатов по методикам СМЛ, ДМО, МЦВ, «Нарисуй время», анкеты и интервью в группах «Норма» и ОВП выявил достоверные различия ($p < 0,01$ и $p < 0,05$), представленные в таблице.

**Результаты психодиагностического исследования
участников боевых действий в группах «Норма» и ОВП**

Методики	Группа «Норма»	ОВП
«Нарисуй время»	Суждение о времени: «Время – это настоящее, прошлое и будущее»; «Время – движение»; «Время – это жизнь», позитивное отношение ко времени	Суждение о времени: «Время не существует», негативное отношение ко времени, отсутствие себя и темы военно-профессиональной деятельности в рисунках о времени
Анкета и интервью	Позитивное изменение смысла жизни, война – позитивный жизненный опыт, стремление к самосовершенствованию, положительное отношение к профессии и др.	Смысл жизни не изменился, низкие профессиональная заинтересованность и стремление к самосовершенствованию, не связывают себя с настоящим и не видят каких-либо перспектив в будущем, постоянные воспоминания о войне и желание туда вернуться и др.
СМИЛ	Умеренно повышены шкалы импульсивности, ригидности и оптимистичности	Умеренно повышены шкалы невротического сверхконтроля, эмоциональной лабильности, пессимистичности и понижена шкала импульсивности
ДМО	Высокий уровень властно-лидирующего, независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного стиля межличностных отношений в образе «Я-актуальный» и сотрудничающе-конвенционального, ответственно-великодушного в образе «Я-идеальный»	Высокий уровень зависимо-послушного, сотрудничающе-конвенционального, ответственно-великодушного стиля межличностных отношений в образе «Я-актуальный» и властно-лидирующего, независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного в образе «Я-идеальный»
МЦВ	Высокий уровень активности, мотивации достижения, оптимальная мобилизация физических и психических ресурсов	Средний уровень нервно-психической напряженности, истощение физических и психических ресурсов с установкой на бездействие

**Некоторые высказывания из интервью офицеров,
участвовавших в боевых действиях на территории
Чеченской республики**

Ваше отношение к выбранной Вами профессии военнослужащего?

Я.В.: Если ответить, дала ли она мне все, что я хотел, то – нет. Но она дает возможность самореализации и удовлетворения, то есть я не жалею. В училище пошел с бешеным желанием. Была масса других возможностей, но я пошел именно туда.

К.Р.: О выбранной профессии не жалею.

А.С.: Отношусь положительно. О том, что ее выбрал, не жалею.

Вы пошли на войну добровольно или в составе подразделения (и почему)?

Я.В.: Скорее добровольно. Да и то, и другое. Причем трудно сказать, чего было больше.

К.Р.: Пошел добровольно, желания отказаться не было. Хотя причина или повод для отказа были (жена беременна).

А.С.: Добровольно. Но сомнения были. Я ведь только женился. Да и рота моя на 90% была укомплектована новичками.

П.С.: Добровольно. Это моя работа.

Как Вы отнеслись к тому, что Вас отправили в район боевых действий?

Я.В.: Как к составной части работы.

К.Р.: Отнесся как к своей профессиональной обязанности.

А.С.: Как к осознанной необходимости.

П.С.: Как к своему профессиональному долгу.

У Вас были проблемы, которые могли бы влиять на Вашу готовность к боевым действиям? Если да, то какие?

Я.В.: В тот момент ничего не сдерживало.

А.С.: Я уходил в Чечню тогда, когда у меня жена была беременна, но у меня не было сомнений в правильности моего решения. Даже если бы я отказался, мои товарищи меня бы не осудили, но у меня и мысли такой не было.

К.В.: Нет, не было. Разве что проблемы, связанные с укомплектованностью роты личным составом.

П.А.: Понимание того, что этой войне трудно найти нравственное оправдание.

Какое отношение общественности страны было к данной войне и как оно влияло на Вас?

Я.В.: У меня же тогда мама приехала. Она сказала: «Ну, что поделаешь». А общественное мнение меня никак не трогало.

Вы готовы были к участию в боевых действиях? Если нет, то почему?

Я.В.: Нет. К войне нельзя подготовиться. Как нельзя подготовиться к смерти, к первой любви, браку. Она просто приходит, ты в ней набираешься опыта. Нельзя подготовиться к тому, чего ты не знаешь вообще. На профессиональном уровне тоже не был готов. Потому что мы занимаемся не боевой подготовкой, а ерундой, хозяйственной деятельностью. Единственный раз я видел боевую подготовку, когда мы готовили ДШБ, и когда гонял Николаевич. Тогда прапорщик весом в 115 кг за две недели потерял 15 кг. Вот так. И то там очень много моментов было упущено. Мы не ходили в морг, не смотрели вскрытие. Психологическая подготовка была упущена.

К.В.: Психологически – да. В профессиональном плане – не совсем.

К.Р.: Готов полностью.

А.С.: Не готов, отсутствовал практический опыт.

С каким чувством Вы шли на войну?

П.С.: Полное спокойствие.

К.В.: Неуверенность в своих силах.

К.Р.: Я был спокоен.

Вы участвовали в бою, боевом дозоре или в других действиях, связанных с опасностью?

Я.В.: Да, имел непосредственные огневые контакты с противником. В боевом дозоре был больше десяти раз.

К.Р.: Да, более 10 раз.

Какие чувства Вы испытывали в первые дни участия в боевых действиях?

Я.В.: Нереальность происходящего. Я это представлял как ребенок смотрит фильм. Получилось что-то вроде игры в войнушку.

К.В.: Первым чувством после прибытия в Чечню было чувство неуверенности, неизвестности. Думал, как у меня получится в первом бою, как сам поведу себя, что буду делать. Когда увидел первых раненых и убитых в Андреевской долине, еще больше охватило беспокойство, серьезность появилась, чувство ответственности за своих бойцов.

П.С.: Самым ярким впечатлением о первых днях боевых действий является полная неожиданность их широкого масштаба и жесточенности.

А.С.: Опустошенность. Когда мы входили в город, то видели на улицах много погибших солдат, воевавших до нас. Мне стало жалко своих подчиненных – и я еще больше ощутил тот груз ответственности, который на мне лежит.

К.Р.: В первом бою я думал о том, как я себя покажу, смогу ли управлять своими подчиненными. Мои опасения были напрасными. В бою об этом уже не думалось. Все мои действия были направлены на то, чтобы выиграть бой. Было состояние какого-то подъема и азарта.

Н.А.: Я хорошо помню свой первый бой. Штурмовая группа под моим командованием захватила здание в центре города. Когда мы добежали до верхнего этажа, оказалось, что «нохчи» уже были на первом этаже этого же здания. Пока мы зачищали этажи, они повылезали из подвала дома. Снизу слышалось «Аллах – Акбар». Первая мысль – ну вот, попали. И так стало обидно. Только это длилось недолго. Я связался с соседней штурмовой группой, и мы начали давить их с двух сторон.

Как влияли погодные условия на Ваше физическое и психологическое состояние?

Я.В.: Не влияли. Меня больше вши донимали. А холодно или жарко – все равно. Чувства сильного дискомфорта не было. Ну, я знал, например, что будет мокро – одевал плащ-палатку. Если жарко – я снимал с себя практически все. Но дискомфорта как такового не было.

К.Р.: Я узнал, что бывают зимние палатки, только находясь в командировке в Чеченской республике. Мы на полигонах жили зимой в летних палатках при температуре минус 20⁰ С и ниже». Чувства дискомфорта у меня не было.

А.С.: Да никак. Конечно, чувство дискомфорта было. Особенно когда лежишь долго на холодной земле. Но это ерунда.

К.В.: В этом плане переживал только за матросов. Очень много было обмороженных (особенно ноги).

В какие моменты Вы испытывали страх за собственную жизнь?

Я.В.: Один раз, когда за мной снайпер охотился. Было реальное чувство страха, т.е. я точно знал, что есть кто-то, кто хочет меня убить.

К.В.: В каждом бою ждешь первого выстрела. Как только начинается бой, страх проходит.

К.Р.: Кто Вам скажет, что он смерти не боится, не верьте ему. Все боятся. Но каждый воспринимает это по-своему, ведет себя по-своему. Психологически борется с собой.

Страх за собственную жизнь у Вас был сильнее, чем страх за жизнь товарищей?

Я.В.: Страх нет – скорее ответственность. Поставленная задача все остальное заслоняет, а там уж – как получится. Такой фаталистический подход.

А.С.: Находясь в Чечне, я испытывал страх не за собственную жизнь, а за жизнь своих подчиненных, и еще я сильно боялся погибнуть, не узнав, кто у меня родился, а когда узнал о рождении дочери, появился страх, что я ее могу не увидеть, но о своей семье я думал только тогда, когда была спокойная обстановка, а о подчиненных – постоянно.

К.Р.: Страх за свою жизнь, конечно, был, не бояться только не ценящие свою жизнь люди. Но он был мне подконтролен, я им мог управлять, он проходил, как только я начинал руководить своими бойцами.

К.В.: Страх в бою не было. Был после боя. Когда начинаешь прокручивать в голове весь бой и плохие последствия, которые могли бы быть – вот тогда страшно и за себя, и за своих подчиненных.

С.А.: Когда есть цель, самосохранение уходит на задний план. То есть ты, конечно, думаешь, чтобы решить задачу и выжить, но чтобы выжить любой ценой – этого нет.

Какой процент Ваших подчиненных, на Ваш взгляд, проявлял активность в бою?

Я.В.: Из взвода – 20%. Они активно действуют, предлагают что-то.

К.В.: В первые дни около 10-20%. Через месяц процент активных в бою увеличился.

С.А.: Из увиденного в начале боя я больше всего запомнил – психологический шок у большинства матросов и сержантов. Они и не думали в первом бою проявлять активность. Потом уже сначала 10% матросов были активными, потом этот процент стал увеличиваться.

Какие чувства Вы испытывали к противнику?

Я.В.: Ничего личного. Работа. Как 2 соперника. Как математическая задача. Ни любви, ни ненависти.

К.В.: Ненависть.

П.С.: Ненависть, когда узнал, что они делают с нашими пленными.

А.С.: Азарт противоборства вначале, после первых убитых и вида пленных – ненависть.

Был ли Ваш командир (начальник) для Вас авторитетным и уважаемым?

Я.В.: Да, командир роты был для меня большим авторитетом.

К.В.: Да, был. Мы были друзьями.

П.С.: Очень большим авторитетом.

А.С.: Нет, не был. Но отношения у нас были ровные и деловые.

Какое влияние оказывало на Ваши действия Ваше отношение к своему начальнику?

Я.В.: Я пытался выполнять все его приказы, причем качественно. Если бы не было авторитета, я бы делал по своему усмотрению. А так я выполнял приказ, проявлял разумную инициативу. Без обожествления. Чистое уважение.

К.В.: Очень сильно влияло. Ты знаешь, что командир о тебе всегда помнит и всегда придет к тебе на помощь.

Были ли в Вашем подразделении конфликты между военнослужащими?

К.Р.: Да, были. С самого начала и до конца. Один считал себя всех круче, а все остальные – лохи. И это было всю войну. Я пытался изменить ситуацию, но ведь рабов рожают не цари, а рабы царей. Я пытался брать таких за грудки, одного даже грозился пристрелить. После этого он недельку сидел спокойно, а потом все заново. Да и были те, кто сами перед ним пресмыкались.

А.С.: Там уже не до конфликтов было. Так, перепалки были. Что-то вроде разрядки – поорали и разошлись.

П.С.: Нет, особых конфликтов не было.

Опишите Ваши ощущения и переживания во время боя.

К.В.: Все мысли были заняты выполнением боевой задачи.

Я.В.: Задача все заслоняла.

А.С.: У меня не было времени подумать о себе, я все время был занят выполнением каких-то задач. А когда кто-то погибал из моих подчиненных, я думал, что это моя вина, что это я как командир не смог все предусмотреть.

П.С.: До боя я не спал практически несколько ночей и чувствовал сонливость. Мне хотелось спать. Бой все в одно мгновение изменил. Уже при первых выстрелах сна как не бывало.

К.Р.: Сосредоточенность и поглощенность выполняемой задачей.

С.А.: Когда мы шли по улице к месту штурма, то я постоянно шел и оценивал обстановку на наличие возможных засад. Было какое-то плохое предчувствие, которое потом подтвердилось. Это предчувствие возникло у всех офицеров роты, когда мы обсуждали предстоящую задачу.

С.А.: Духи нас прижали к земле. Судя по плотности огня, их было очень много, больше, чем нас. Оценить обстановку было очень тяжело. Они не давали даже головы поднять. Эти сволочи, наверное, были обкурены, так как со всех сторон несло «Аллах – Акбар». Создавалось такое ощущение, что они вокруг нас и скоро подойдут к нам очень близко. Я дал команду отойти назад, но не выпускать из поля зрения наших раненых и убитых. Далее я поделил свое подразделение на две группы: первая должна была отвлекать на себя внимание «духов» и пытаться вытащить раненых, вторая – зайти к ним с тылу и внезапно атаковать.

Как Вы реагировали при виде крови своих товарищей?

Я.В.: А никак. Никак – это в плане того, что меня не тошнило, не рвало, не трясло руки. Ранило – была мысль скорее перевязать и отнести. При виде чужой крови – нормальное ощущение: кровь и кровь.

К.В.: Было чувство сострадания.

П.С.: Переживал очень сильно. Но сама кровь каких-то негативных реакций у меня не вызывала.

Если была возможность слушать по радиоприемнику музыку и песни, что Вы предпочитали слушать?

Я.В.: Наши. Больше нравятся, потому что можно подпевать. Появляется ощущение сопричастности. Да, было повышенное желание слушать именно русские песни.

П.С.: Русскую. Хотелось хоть как-то быть ближе к дому.

Какой, на ваш взгляд, оптимальный срок пребывания в районе боевых действий?

Я.В.: Не меньше года. Через год воин научится работать на войне. Допустим, три месяца непрерывных боев, затем отход на неделю. То есть небольшая разрядка – и снова в бой. Человек должен понять весь смысл войны, ощутить ее движение, логику. Если он туда пришел на 3 месяца, то ничего практически не успеет.

К.В.: Наверное, около 6 месяцев. Но выводить надолго нельзя, так как человек отвыкнет от войны. И ему придется начинать все с нуля.

Перечислите конкретные события, которые оставили неизгладимый след в Вашей памяти?

Большинство респондентов называют события, связанные с тяжелыми боями и гибелью подчиненных (товарищей).

Изменялось ли у Вас в период боевых действий ощущение времени (замедлялось, убыстрялось, останавливалось) и в каких ситуациях?

К.В.: Да. Когда мы попали в засаду, все как будто закрутилось, завертелось. Все события начали разворачиваться очень быстро.

Р.К.: Да. Когда начался бой, мне надо было пробежать открытый участок местности. Когда я бежал, по мне вели огонь, и у меня было такое ощущение, что я бегу на месте, время как будто бы остановилось, но, увидев своих подчиненных, я вернулся к реальной обстановке. И после этого я уже подобного чувства за все время командировки никогда не испытывал.

К.Р.: Да. В бою кажется, что воевал часа 2, а на самом деле 20-30 минут, а то и меньше.

С.А.: Я делал все быстро и успевал делать несколько действий одновременно...

Я.В.: Убыстрение реакции было, когда я охотился на снайпера.

Готовы ли Вы пожертвовать жизнью, если нет другой возможности выполнить боевую задачу?

К.В.: Да, готов. Если поставленная задача этого стоит. Но приложу максимум усилий, чтобы выжить.

С.А.: Скорее да, чем нет. Но в Чечне я бы на такое пошел только ради спасения жизни своих товарищей и подчиненных.

Я.В.: Да, готов. Только не ради высоких идей. Ради своих бойцов, друзей, женщин и детей.

Изменили ли Ваше отношение к жизни сцены смерти? Если да, то как?

К.В.: Я стал более терпим к недостаткам окружающих меня родных и близких.

Я.В.: Я стал больше ценить жизнь свою и окружающих.

П.С.: Да изменилось. Если раньше я грузился многими мелочами в жизни, то сейчас каждая мелкая неприятность – это неприятная сторона прекрасной жизни, которой я живу.

К.Р.: Да. Я понял ценность жизни, и теперь многое то, что меня огорчало раньше, сейчас меня не так сильно тревожит.

Как Вы реагировали на гибель своих подчиненных?

Я.В.: Лучше бы погиб сам. Хотя, с точки зрения командира, это неправильный подход. Но у меня было такое ощущение.

К.В.: Чувствовал вину. Переживал за то, что все не предусмотрел, даже если не участвовал в этом бою.

Задумывались ли Вы о смерти? При каких обстоятельствах? Как часто? И к каким выводам пришли?

К.В.: Да. Когда видел убитых. Чему быть, того не миновать.

Я.В.: Да. После тяжелого боя, где мы понесли потери или когда видел убитых и раненых. На войне как на войне.

С.А.: Да, постоянно. Особенно, когда писал дневник или думал о доме. Сначала не верил, что это может быть со мной. Потом привык к мысли, что чему быть, того не миновать.

Изменились ли в Чечне Ваши взгляды на службу, на жизнь?

К.В.: Разница есть в восприятии мира до и после Чечни. Первое, что ощущаешь в Чечне, это ответственность, которая сваливается на тебя. Нам пришлось осознать очень большую ценность – ценность человеческой жизни. Не предусмотреть чего-то, не додумаешь какие-то моменты – это может привести к очень тяжким последствиям. Поэтому многие офицеры старались беречь своих подчиненных, не жалея себя, порою ценой своей жизни помочь, спасти других. Похожее происходило и со многими матросами. Все это наложило отпечаток на мои взгляды после Чечни. Я стал по-другому относиться к обучению своих подчиненных, стал меньше заикливаться на проблемах, которые меня раньше очень волновали.

Я.В.: В Чечне я понял, что в жизни самая главная ценность – это человек, и стал по-новому строить свои отношения с подчиненными. Я стал взвешивать свои слова и поступки по отношению к окружающим меня людям.

К.Р.: Изменились мои взгляды не только на профессиональную деятельность и мое место в ней. Я по-другому стал смотреть на семейную жизнь. Если раньше у меня приоритетной была служба, а не семья, то теперь между этими понятиями стоит знак равенства. Я стал с интересом много времени проводить со своим сыном.

Изменилось ли Ваше отношение к людям после возвращения из района боевых действий?

Я.В.: Я стал более терпим к другим. Стал проще относиться к каким-то внешним атрибутам. Война дала понять, что материальные ценности не так уж и важны. Стал больше в людях ценить что-то человеческое, доброту, преданность делу.

К.Р.: Я перестал уважать барыг, торговцев и всяких бизнесменов.

К.В.: Я стал терпим к недостаткам окружающих.

Считаете ли Вы, что выполненный Вами воинский долг имел значимость для общества?

Я.В.: Считаю, что обществу наплевать на наш воинский долг.

С.А.: Обществу все равно, что творится в Чечне, пока каждого в отдельности это не коснется.

К.В.: Когда мы приехали в 1995 году из командировки, то обществу было все равно, что творится в Чечне. Зато средства массовой информации всю поливали нас грязью.

С какой оценкой общества Вашего боевого опыта Вам приходилось встречаться чаще?

К.В.: С разными.

Я.В.: С равнодушной оценкой.

Какие чувства Вы переживали после возвращения с войны?

А.С.: Тянуло выговориться, рассказать жене.

Я.В.: Занимался самообразованием. На меня давила разница между миром и войной. При виде черных начинал волноваться. Был неуравновешенным и способным на внезапные порывы. Много пил. Через два месяца собирал кассеты (видео, аудио) с района боевых действий. По несколько раз прослушивали их, обсуждали (был мальчишеский азарт). Через год появилась горечь, понимание войны как войны.

К.В.: Было непонимание контраста между тем, что было там, и тем, что творится в стране. Была злость на тех, кто не хочет понимать, что есть война и есть люди, которые живут, не задумываясь о ней. Не хватало той теплоты отношений, которые были там.

Оцените значимость для Вас пребывания на войне? Объясните свою позицию

Я.В.: Оцениваю как позитивный профессиональный опыт. Там было настоящее дело, где я был востребован как профессионал.

К.В.: Не жалею, что был на войне. Считаю, что на войне я получил не только профессиональный, но и личностный опыт.

Р.К.: Не жалею. Это ценный жизненный опыт. Там были какие-то особенные отношения между людьми, здесь я таких не встречал.

А.С.: Очень ценный жизненный опыт. Первое время мне даже не хватало той дружбы и того взаимопонимания, которые были там.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин. О граде Божиим // Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. – Киев, 1906. – Ч. 3.
- Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.
- Бердяев Н. Судьба России. – М., 1918.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Эксмо, 2002.
- Вагин И.О. Психология жизни и смерти. – СПб.: Питер, 2001.
- Великие мыслители о великих вопросах: современная западная философия. – М., 2001.
- Воропаева К.Л. Существует ли загробная жизнь. – М., 1958.
- Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. – СПб., 1907.
- Гофман О. Русская книга мертвых. – СПб.: Питер, 2003.
- Гроф С. Человек перед лицом смерти. – М.: Изд-во «АСТ», 2002.
- Диагностическое статистическое руководство Американской психиатрической ассоциации DSM-III (Diagnostic and Statistic Manual). – 1980.
- Ильин И.А. О силе, мече и праведности // Христоролюбивое воинство. – М.: Военный университет, 1997.
- Канетти Э. Масса и власть. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997.
- Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить. – М.: Прогресс, 1989.
- Клаузевиц К. Фон. О войне: в 2 т. – СПб.: Terra Fantastica, 2002. – Т.1.
- Книга самурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон. – СПб.: «Евразия», 2001.
- Кон И. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978.
- Коран. – М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Кропоткин П.А. Этика // Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
- Макаров С.О. Мир не вечен... «Рассуждения по вопросам морской тактики» и другие сочинения адмирала С.О. Макарова. – СПб.: Элмор, 1997.
- Монтень М. Опыты. Избранные главы. – М.: Правда, 1991.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви. Отдел внешних церковных связей Московского патриарха. – И.Б., № 8, август, 2000.
- Пушкин А.С. Лирика 1826-1836 гг. – М.: Советская Россия, 1981.
- Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М., 1965.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Ницше Ф. и др. Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989.
- Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Сенека и др. Если хочешь быть свободным. – М.: Политиздат, 1992.
- Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Мн.: Харвест, 1998.
- Словарь русских пословиц и поговорок / сост. Жуков В.П. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 535 с.
- Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3.
- Солженицын А.И. Раковый корпус: собр. соч. – Frankfurt/Main, 1969. – Т. 2.

- Спиноза Б. Избранное. – Мн.: ООО «Попурри», 1999.
- Столярченко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 607 с.
- Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. – М., 2001.
- Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний: психологические основы. – М.: МГУ, 1984. – 214 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание соч. – М., 1931. – Т.5.
- Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблемы человека в западной философии. – М., 1988.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З. Мы и смерть // Хрестоматия «Психология смерти и умирания». – Минск: Харвест, 1998.
- Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Время и бытие: статьи и выступления. – М., 1993.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М., 1989.
- Цицерон. За Ания Милона // Цицерон М.Т. Избранные речи М. Тулия Цицерона: пер. [и предисл.] А. Клеванова. – М.: Салаев, 1876. – 430 с.
- Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М., 1975.
- Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
- «Энциклопедия афоризмов». – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999.
- Эпикур. Эпикур приветствует Менекея // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991.
- Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. ВЛИЯНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	5
1.1. Служебная и боевая деятельность воина-профессионала	5
1.2. Личностные качества и особенности профессионалов, участвовавших в боевых действиях	16
Глава 2. ВЛИЯНИЕ ПОНИМАНИЯ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ ВОИНОМ НА ЕГО ПОВЕДЕНИЕ В БОЮ	32
2.1. Варианты осмысления и решения проблемы смерти и бессмертия	32
2.2. Особенности восприятия смерти и бессмертия воином в боевой обстановке	46
Глава 3. СМЫСЛОЖИЗНЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОГО ДОЛГА ПРОФЕССИОНАЛА	66
3.1. Диалектика смысла жизни и долга человека	66
3.2. Условия сближения смысловых ценностей и служебно- боевой деятельности российского офицера	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	93
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	101
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	109

Сергей Алексеевич ДАНИЛЬЧЕНКО
Руслан Васитович КАДЫРОВ
Валерий Ермолаевич КУЛЕШОВ

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ
И БЕССМЕРТИЮ НА ВОЙНЕ

Монография

Технический редактор Л.Н. Пашинюк

Подписано к печати 24.04.07 г.

Ф-т бумаги 60×90/16. Усл. печ. л. 7; уч.-изд. л. 7,24

Изд. № 23

Зак. 129

Типография ТОВМИ имени С.О. Макарова